Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

2/2019 (10)

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 16

Апатиты
2019

0+

Российская Академия Наук

0+

2/2019 (10)

ТРУДЫ
Кольского научного центра

УДК 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 16

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2

Научно-информационный журнал
Основан в 2010 году
Выходит 11 раз в год

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-58457 от 25.06.2014
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Утверждено к печати Учёным советом
ФИЦ «Кольский научный центр РАН»

Главный редактор, председатель Редакционного совета
С. В. Кривовичев, чл.-корр. РАН, д. г.-м. н., проф.

Заместитель главного редактора
В. К. Жиров, чл. - корр.

Редакционный совет:
академик Г. Г. Матишов,
чл. - корр. А. И. Николаев,
д. э. н. Ф. Д. Ларичкин
д. т. н. В. А. Путилов,
д. ф. - м. н. Е. Д. Терещенко,
к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редакционная коллегия серии
«Гуманитарные исследования»:
д. и. н. И. А. Разумова (отв. редактор);
д. и. н. И. Ю. Винокурова;
д. филол. н. Н. В. Дранникова;
к. филос. н. Н. Н. Измоденова;
д. г.-м. н. В. П. Петров;
к. и. н. Е. А. Пивнева;
д. э. н. Т. П. Скуфьина;
д. и. н. Ю. П. Шабаев;
к. и. н. О. В. Шабалина;

Научное издание

Ответственный за выпуск:
к. и. н. О. А. Сулейманова
Технический редактор В. Ю. Жиганов
Подписано к печати 16.04.2019.
Дата выхода в свет 09.09.2019.
Формат бумаги 70×108 1/16.
Усл. печ. л. 13.74. Заказ № 21. Тираж 300 экз.
Свободная цена.

Адрес учредителя, издателя и типографии:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Кольский научный центр РАН»
184209, г. Апатиты, Мурманская обл.,
ул. Ферсмана,14
Тел.: (81555) 7-53-50; 79-5-95, факс: (81555) 76425
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru, naukaprint.ru

© Центр гуманитарных проблем Баренц региона — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», 2019
© ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Разумова И. А.	Идентификация общности «спецпереселенцы» сквозь призму мемуарных текстов…….	5
Бодрова О. А.	Мурманская область в поисках региональных брендов: к вопросу о теории и практике территориального брендирования……..	20
Иванова М. В., Шабалина О. В.	Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. ……	42
Змеева О. В.	Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915–1916 гг.)……	53
Логинов К. К.	Морские суда западного Поморья (второй половины XIX — начала XX вв.)……..	67
Жуковская Т. Н., Калинина Е. А., Казакова К. С.	Система инспектирования и контроля деятельности училищ светского и духовного ведомств в XIX веке: цели, формы, эффективность……	77
Саморукова А. Г., Петров В. П.	Организация советской науки на Крайнем Севере: Кольский филиал Академии наук СССР в 1963–1988 годах…….	92
Филимончик С. Н.	«Хозяева земли» или «ходоки»? Советы Карелии в условиях конституционной реформы второй половины 1930-х годов……	109
Ямаева Е. Е., Тискинек А. К.	Тексты скорби и печали в семейной традиции алтайцев……..	122
	Аспирантские тетради	
Тертышная К. А.	Региональная идентичность населения Мурманской области в свете российских социологических исследований…….....	139
	Научная жизнь	
Казакова К. С.	О I Международном женском форуме в Мурманске……..	146
Шабалина О. В., Иванова М. В., Казакова К.С.	О Международной научно-практической конференции «Полярные чтения — 2019» в Санкт-Петербурге……..	149
	Ad Memoriam	
Бодрова О. А.	Памяти Александра Дмитриевича Токарева……	154

Russian Academy of Sciences

0+

2/2019 (10)

UDC 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

TRANSACTIONS

Kola Science Centre

HUMANITARIAN STUDIES

series 16

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2

Editor-in-Chief: S. V. Krivovichev,
Corr. Member of the RAS, Prof.

Deputy Editor-in-Chief:
V. K. Zhirov, Cor. Member of RAS

Editorial Council:
G. G. Matishov, Acad. of RAS,
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS,
F. D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),
V. A. Putilov, Dr. Sc. (Engineering),
E. D. Tereshchenko, Dr. Sc.
(Physics and Mathematics),
A. S. Karpov PhD (Engineering) –
Executive Secretary

Editorial Council
of "Humanitarian studies" Series:

Prof. I. A. Razumova (Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova,
Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
Prof. V. P. Petrov
PhD (History) E.A. Pivneva,
Prof. T. P. Skufina,
Prof. Ju. L. Shabaev,
PhD (History) O. V. Shabalina,
PhD (History) O.A. Suleymanova
(Executive Editor)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region,
184209, Russia
Tel. (81555) 7-53-50; 79-5-95, Fax: (81555) 76425
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru, naukaprint.ru

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2019
© Kola Science Centre of Russian Academy of Sciences, 2019

TRANSACTIONS
of the Kola Science Centre

HUMANITARIAN STUDIES
series 16

CONTENTS

		Pages
Razumova I. A.	Identification of the symbolic community "special settlers" through the prism of memoir texts…….	5
Bodrova O. A.	Murmansk region in search of regional brands: revisiting theory and practice of territorial branding……	20
Ivanova M. V., Shabalina O. V.	Carrying and maintenance of post houses as a kind of economic activity of the indigenous population of the Kola peninsula (Sámi) in the 19-th century…….	42
Zmeyeva O. V.	Guards of Murman railway: regulation of relations and formation of ethnosocial order (1915–1916)……	53
Loginov K. K.	Marine vessels of the western Pomor area (second half of XIX-th — early XX-th cc.)……..	67
Zhukovskaya T. N., Kalinina E. A., Kazakova K. S.	System of inspection and control of the schools activities of secular and religious departments in the 19th century: purposes, forms, efficiency……	77
Samorukova A. G., Petrov V. P.	Organization of soviet science in the Far North: Kola Branch of the USSR Academy of sciences in 1963–1988……..	92
Filimonchik S. N.	"Land owners" or "walkers"? The Councils of Karelia in the context of the constitutional reform of the second half of the 1930s. ……	109
Yamaeva E. E., Tiskinek A. K.	Texts of grief and sadness in family tradition of the altaians……..	122
	Postgraduate Notebooks	
Tertyshnaya C. A.	Regional identity of the population of Murmansk region accoding the russian sociological research……..	139
	Scientific Life	
Kazakova K. S.	On the I International women's forum in Murmansk……	146
Shabalina O. V., Ivanova M. V., Kazakova K. S.	About the International scientific conference "Polar readings — 2019" in Saint-Petersburg……..	149
	Ad Memoriam	
Bodrova O. A.	In memory of Alexander Tokarev……...	154

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.5-20
УДК 323.281-058.6(470.11)

И. А. Разумова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЩНОСТИ «СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ[1]

Аннотация

Статья посвящена проблеме реидентификации общности «спецпереселенцы» на новом этапе исторического развития. В этот процесс включены общественные организации, которые взаимодействуют или объединяются с семьями. Конструируемая общность позиционирует себя в качестве преемственной, мемориальной и наследственной. На материале опубликованных воспоминаний спецпереселенцев городов Мурманской обл. — Кировск, Мончегорск и Апатиты — выявляются ключевые культурные маркеры общности. Методика основывается на интерпретативном анализе текстов с элементами лингвокультурологического анализа. Основу идентификации спецпереселенцев составляют ключевые концепты национальной культуры, в рамках которых осмысливаются, эмоционально переживаются и демонстрируются линии жизни представителей семейно-родственных групп, подвергшихся лишению прав и принудительному выселению в конце 1920-х — 1930-е гг. Качества, подчеркнутые в характеристиках спецпереселенцев, позволяют составить их коллективный портрет, основывающийся на базовых культурных ценностях. Значение процесса идентификации данной общности заключается в акцентуации национальных и гуманистических ценностей, призыве к сохранению культурного наследия и восполнении лакун в историческом знании. С точки зрения спецпереселенцев, их опыт и память служат общественной безопасности, так как препятствуют повторению трагедии 1930–1950-х гг. С этим обстоятельством связана актуальность исследования.

Ключевые слова:

идентификация, спецпереселенцы, концепт, мемориальная общность, культурантропология.

Irina A. Razumova

IDENTIFICATION OF THE SYMBOLIC COMMUNITY "SPECIAL SETTLERS" THROUGH THE PRISM OF MEMOIR TEXTS

Abstract

The author considers the problem of identification of the community of "special settlers" at a new stage of historical development. This process includes public organizations that interact or unite with families. The constructed community positions itself as a successive, memorial and hereditary. The key cultural markers of community are revealed on the material of the published memoirs of special settlers of the cities of Murmansk region Kirovsk, Monchegorsk and Apatity. The method is based on the interpretative analysis of texts with elements of linguistic and cultural analysis. The basis for the identification of special settlers are the key concepts of national culture, in which the lines of life of representatives of family-related groups subjected to deprivation of rights and forced eviction in the late 1920s — 1930s are comprehended, emotionally experienced and demonstrated. The qualities emphasized in the characteristics of the special settlers make it possible to create a collective portrait of them based

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

on basic cultural values. The significance of the identification process lies in the accentuation of national and humanistic values, the call for the preservation of cultural heritage and filling gaps in historical knowledge. From the point of view of special settlers, their experience and memory serve public security, as prevent the repetition of the tragedy of the 1930s — 1950s. This is related to the relevance of the study, as well as the fact that "special settlers" occupy one of the prominent places in its symbolic status in the history of the region.

Keywords:
identification, special settlers, concept, values, memorial community, kulturanthropologie.

Некоторые теоретические предпосылки и материал

Новейшая историография проблем заселения и освоения Кольского п-ова в советское время, увеличивающееся число публикаций документальных материалов и воспоминаний участников урбанизации центральной и южной части Мурманской обл. позволяют задаться вопросом об историко-культурной значимости отдельных социальных групп, вовлеченных в этот процесс. Признавая объективное существование «спецпереселенцев» как особой правовой (ущемленной в правах) категории населения в известный период, мы не можем обойти вниманием и то, что в историческом профиле региона они занимают одно из выдающихся мест по своему символическому статусу.

Считая «спецпереселенцев» символической исторической общностью, мы исходим из того, что эта общность столь же реальная, сколь и «воображаемая». Она создается и функционирует благодаря реальным социальным связям и реализуется в социальных действиях, направленных, во-первых, на сохранение групповой автономии, во-вторых, на установление своих «внешних» контактов и поддержание культурной репутации.

Одна из главных проблем идентификации общности состоит в том, что в качестве реальной социальной категории людей «спецпереселенцы» (или «спецпоселенцы») принадлежат истории определенного периода. Они объединялись по статусно-правовому основанию, ряду социально-классовых характеристик, семейно-биографической траектории (насильственное переселение в сходных обстоятельствах), типу комплексной социальной травмы (лишение имущества и дома, стабильного статуса, отправка, по существу, на каторжные работы, угроза жизни и здоровью членов семьи вплоть до физической их утраты). Нет сомнений в том, что социальному «клейму» сопутствовала навязанная негативная идентичность, но изучать ее проявления и процесс формирования можно только с известными оговорками по поводу количества, видов и состояния источников. Воссоздание группы «спецпереселенцев» как солидарной общности, обладающей характерными свойствами, относится к «перестроечному» времени. Оно связано с активизацией реабилитационного процесса, с деятельностью общественных организаций и с включением людей, подвергшихся социально-политическим репрессиям, в официальную, открытую отечественную историю. Именно в этот период формируется «кристаллизованное чувство группы», как обозначает это явление Р. Брубейкер, которая осмысливается не «в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах», а в качестве субстанции, организма или коллективной личности [Брубейкер, 2012: 29], то есть осуществляется процесс идентификации.

«Идентичности постоянно конструируются и обеспечиваются не только посредством встречи лицом к лицу с настоящим и будущим, но и посредством

реконструкции более ранних периодов жизни сообщества» [Александер, 2012: 32], — бесспорный тезис, который можно отнести не только к общностям-долгожителям. К тому времени, когда названный процесс приобрел отчетливые формы, в живых оставались младшие поколения спецпереселенцев. Это люди, которые были высланы совсем молодыми или детьми или родились на новом месте жительства, или вступали в сознательную жизнь, когда статус «спецпоселенца» (означавший уже не собственно перемещенное лицо, но проживающее в поселении особого типа и на особых условиях) уже остался только исторической реалией. В последнем случае главным основанием для отнесения себя к общности становится принадлежность к семье репрессированных и высланных, осознанная и прочувствованная благодаря семейной памяти. Вместе с тем встреча поколений и означивание памяти происходит и вне семьи, «процесс наделения памяти значениями “происходящего в культуре”» не менее важен (по мнению немецкого ученого А. ван Альфена, высказанному им в интервью журналу «Гефтер» [Холокост и ГУЛАГ…, 2016, ЭР]).

В жизненной траектории высланных людей и семей спецпереселение является важнейшим событием. Оно может быть охарактеризовано с помощью понятия коллективной «культурной травмы», которая, по утверждению Д. Александера, «не является результатом того, что некая группа людей испытывает боль. Она есть результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности» [Александер, 2012: 18]. Переживание, осмысление и артикуляция культурных отличий создали «возвышенный и обладающий мощным воздействием дискурс травмы» [Там же: 32], который наблюдается в рассматриваемом нами случае по отношению как к группе в целом, так и к отдельным поселенческим общностям. Наиболее ярко он выражен в текстах публицистического характера, в обращениях авторов, журналистов, составителей сборников воспоминаний и документов, общественных деятелей к читающей и слушающей аудитории. Из аннотации к сборнику воспоминаний людей и о людях, причастных к истории Мончегорска: «Это — эпистолярный памятник расстрелянным, погибшим в лагерях, умершим на поселениях ГУЛАГА, тем, кто оказался строителями новой жизни на Кольской земле против их воли. Кто испытал на себе нечеловеческие мучения, унижения, голод, холод, а главное — страх за себя и за свою семью в период раскулачивания, кто потерял в 1930-е годы детей и родителей и выжил только благодаря своему трудолюбию, терпению, оптимизму и построил замечательный город, столицу красивой тундры, город Мончегорск» [Пусть не доведется…, 2018: 2].

Групповая идентичность «спецпереселенцев» формируется во многом благодаря совместной деятельности культуротворческих групп и институтов, с одной стороны, и самих участников событий и потомков насильственно переселенных семей, с другой. К первым относятся писатели, журналисты, публицисты, краеведы, работники учреждений культуры. В частности, тема спецпереселений становится органичной частью или самостоятельной темой мероприятий, посвященных истории края, городов и поселков, семейной истории. Через систему образования и СМИ приобретают общественный резонанс труды профессиональных историков (в Мурманской обл. это, прежде всего, исследования В. Я. Шашкова [Шашков, 1993; 2000; 2004]). В процессе утверждения культурного статуса спецпереселенцев участвуют учителя, в том

числе через систему учебных и исследовательских заданий для школьников по изучению истории семьи. Реальный вклад самих учителей в ученические работы, которые отправляются на всевозможные конкурсы, переоценить сложно. Примером служит работа ученика 8-го класса мончегорской гимназии № 1 Андрея Меньшенина, представленная в 2002 г. на Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия XX век» и занявшая там третье место. Тема: «Поколение 30-х годов как «фундамент» нашего общества на примере жизни моей бабушки». Текст работы выполнен под руководством педагога высшей квалификации Е. А. Зубковой, он опубликован в сборнике, выпущенном к юбилею города Мончегорска, и заслуживает большого внимания, в том числе с историко-антропологической точки зрения [Пусть не доведется…, 2018: 136–185].

Одну из главных ролей (если не самую главную) в процессе культурной идентификации спецпереселенцев выполняет общественная организация «Мемориал». Отдельные участники спецпереселений и их потомки занимают различные позиции в отношении к «Мемориалу» и другим институтам и организациям, ответственным за мемориальную деятельность: от полного включения в их состав до ситуативных или опосредованных контактов. Массив документов вовлекается в информационное пространство через интернет-издания, сайты и социальные сети, в несколько меньшей степени — посредством традиционных СМИ и книжных публикаций. Документы частного происхождения сохраняются благодаря культурной деятельности семей и их сотрудничеству с заинтересованными организациями. Подавляющее большинство изданий воспоминаний и биографий спецпереселенцев увидели свет в результате деятельности сотрудников «Мемориала» [Спецпереселенцы…, 1997; Мончегорск…, 2007; Хибиногорск…, 2012; Память неподвластна…, 2015; Пусть не доведется…, 2018]. На основе текстов этих собраний мы попытались выявить основные культурные маркеры изучаемой общности, на которых основываются ее самоопределение, образ и «представление себя другим». Особенностями изданий являются их малотиражность и труднодоступность для широкой читающей аудитории даже в тех городах, где они изданы (Апатиты, Мончегорск), — следствие объективных обстоятельств. Как представляется, главная причина ограниченности тиража состоит в том, что подготовка и публикация осуществляются преимущественно на средства самого общества и составителей. Соответственно, распространение книг происходит «адресно», их обладателями становятся авторы мемуаров, избранные местные библиотеки и доверенные лица, в т. ч. профессионалы, сотрудничающие с «Мемориалом». Здесь напрашивается аналогия с семейными мемуарами, которые пишутся, а при возможности и печатаются в основном для прямых потомков, то есть для «своих», близких. В рассматриваемом случае потенциальную аудиторию составляют те, кто полностью солидарен с позицией «Мемориала» в оценках прошлого, в отношении к истории и/или представляет потомков исторического «большинства» Кировска, Апатитов, Мончегорска. При всей декларируемой открытости исторической информации, при всем высоком символическом статусе, который обрели в постсоветский период личности и общности — жертвы сталинского режима, невозможно отрицать, что отношение к ним, как и к деятельности «Мемориала», в современном российском обществе, мягко говоря, неоднозначно. Выскажем предположение, основывающееся на отдельных

прямых высказываниях и наблюдениях. Общественники, отстаивающие сегодня память спецпереселенцев, ощущают себя действующими в обстановке если не явной, то скрытой враждебности со стороны социальной среды, исключая ближний круг «единомышленников». Такая социально-психологическая установка, со своей стороны, стимулирует процесс идентификации общности, базирующейся на идее страдания из-за социальной несправедливости.

Культурные маркеры общности «спецпереселенцы»

Обозначение «спецпереселенцы» (реже — «спецпоселенцы»), являясь основным индикатором группы, указывает на специфический официально-правовой статус в прошлом, что позволяет относить ее к общностям «историческим». Такая общность не может не быть «мемориальной», то есть базирующейся на памяти. Если же учитывать роль семейного фактора в ее формировании («из семьи спецпереселенцев»), то группу можно считать и «наследственной». Понятия *памяти*, *судьбы*, *семьи* и *рода* в определении самой общности и ее функциональности несут основную смысловую нагрузку. На это указывают преобладающие заглавия публикаций, данные авторами или составителями сборников: «Никто не забыт, ничто не забыто», «Настанет день, о нас вспомнят», «Моя горькая судьба», «Этого забыть нельзя», «Незабываемое», «Это было, было», «Пусть не доведется внукам…», «Прошлое не забывается, о случившемся не сожалеется»; «Судьба рода Дониных» и т. п.

Самоидентификация сопровождается наделением общности отличительными качествами. Это касается и группы в целом, и типичной личности. Определять и описывать эти качества корректнее в тех понятиях, которые используют сами представители группы в процессе «мы-идентификации». Свойства выявляются на основе разнообразных языковых и текстовых показателей: ключевых понятий, определений, оценочных суждений, сравнений, идиоматики, дискурсивных особенностей и т. д. Качественные признаки, которые мы обозначили как «культурные маркеры», определяются на уровне смыслов отдельных высказываний, описаний, констатирующих утверждений, касающихся жизни семьи и собственной, отдельных личностей, институтов, социальных связей, наблюдаемых фактов. Общее число рассмотренных текстов превысило 100 (107), это можно считать достаточным, по крайней мере, для первоначальных заключений.

1. Страдание, мучение — важнейшие концепты, которые организуют тексты спецпереселенцев. В русском языке они тесно связаны: мученье — «вообще всякое сильное и длительное телесное или духовное страданье или боль, томленье, истязанье»; мученик — «кого мучат, страдалец» [Даль, 1994, 2: 949–950]. Семантической емкости и широкому использованию этих понятий способствует их значимость в православной традиции (философских, религиоведческих, филологических исследований на эту тему множество). Изучение традиции народного православия и дискурса русской интеллигенции позволяет «выявить общность в описании типично русского типа «страдающего человека», для которого страдания в их амбивалентном проявлении становятся и жизнью, и ее смыслом» [Бардыкова, 2007]. Обычно оба названных понятия употребляются в обращениях составителей рассмотренных изданий к читателям. Присутствуют эти лексемы и их производные («страдалец», «мучительная жизнь» и т. п.) и в рассказах участников спецпереселений: «…страдали не меньше, чем

дети в фашистских застенках» [Память неподвластна…, 2015: 217]; «Не должно быть <…> мучительной жизни переселенцев, “лишенцев”» [Спецпереселенцы…, 1997: 73].

Чаще всего страдания и мучения определяются и описываются через конкретные их проявления: физические, психологические, материальные, бытовые, эмоциональные: «…жили мы, «кулаки», морально убитые, пришибленные люди. Голодали и горевали тысячи людей в палатках и шалманах под свист бешеного северного ветра. Под завывание пурги да под плач собственных малолетних детей, дрожащих от холода в брезентовых палатках, в тесовых трудно отапливаемых шалманах» [Спецпереселенцы…, 1997: 37]; «Нас очень обидели <…>. Мы прожили такую унизительную жизнь, не дай бог никому» [Память неподвластна…, 2015: 211]; «…мы оскорбленные, и обиженные, и униженные» [Там же: 217]; «Кто этого не видел, не узнает, как страшно, когда исчезает детская веселость, что такое прощание, слезы, крики. До сих пор в ушах стоят…» [Спецпереселенцы…, 1997: 97] и т. п.

В описаниях страданий и мучений спецпереселенцев проявляется яркая особенность русского ритуализованного дискурса, блестяще проанализированная в свое время на материале разговоров интеллигенции эпохи перестройки американским антропологом Нэнси Рис и обозначенная как «сетования» или «жалобы». Этот особый речевой жанр относится не столько к определенному времени или социальной группе, сколько к национальной культурной традиции в целом. По мысли исследовательницы, такой характерный способ речи не только выявляет острые противоречия российской действительности и моменты социальной напряженности, но и оказывает влияние на социально-политические процессы [Рис, 2005]. Примечательно, что первоначально Н. Рис, знакомая с жанрами русского фольклора, назвала эту форму говорения «причитаниями». Что касается рассказов спецпереселенцев, то для них данный способ представления себя и своей жизни кажется исключительно органичным. Столь же естественным продолжением «сетований» (более характерным для другой, специфической, социальной группы) оказывается традиционное обращение с просьбой о помощи: «И еще одно хочу сказать. Добрые люди, окажите милосердие в восстановлении справедливости за причиненный произвол, за бесчинство, за унижения пострадавших от сталинских репрессий. Нас, переселенцев, осталось мало. Как мы выжили в таких нечеловеческих условиях, о которых и теперь напоминает наше подорванное здоровье!» [Спецпереселенцы…, 1997: 95].

2. Коллективная жертва — закрепившийся за спецпереселенцами символический статус с очевидными религиозными коннотациями данного понятия. «Жертвенность» — не просто следствие пережитых страданий, но результат попыток их осмысления. Для подавляющего большинства недавних крестьян не поддавалось рациональному объяснению то, что произошло с ними: «И теперь, с высоты семидесятилетнего возраста, хочется понять, почему мы, невинные дети, были полураздетыми выгнаны из родного дома и сосланы в эту холодную, безлюдную северную мглу?» [Спецпереселенцы…, 1997: 111]; «…тысячи неповинных людей везли куда-то в товарных вагонах, как скотов» [Там же: 38]. Бесконечно повторяется риторический вопрос: «За что?» Глубоко верующим людям в конечном счете не требовалось ответа на этот вопрос, потому что в невинном страдании содержится глубокий религиозный смысл. В этой связи Э. ван Альфен отмечает: «Холокост был намного более травматичным для

ассимилировавшихся евреев, чем для ортодоксов. У ортодоксов в запасе был нарративный фрейм[2] для понимания чудовищного опыта. Опыт был явно чудовищным, но они могли его принять» [Холокост и ГУЛАГ…, 2016, ЭР]. Упоминаниям об истинно верующих сопутствуют их оценки как сильных духом и способных поддержать других. Журналист С. В. Тараракcин, рассказывая о судьбе семьи астраханских спецпереселенцев, отмечает: «Старший Барсамов был истым старовером, по божескому правилу не курил и водку не принимал», «поддерживал божьим словом таких же, как он, горемык»; вера «спасала, помогала удержаться, не сломаться от человеческой несправедливости» [Хибиногорск…, 2012: 185]. Жительница Мончегорска В. В. Каратаева так же рассказывает о своей матери: «Мама всегда была сильна духом, она никогда не плакала, не жаловалась и всегда поддерживала в горе других женщин <…>. Она верующая, ходит постоянно в церковь» [Пусть не доведется…, 2018: 117].

«Народная» и тем более внешняя, поверхностная религиозность, не говоря уже о безрелигиозности, не позволяют справляться с противоречием и с ощущением «несправедливости». Многие мемуаристы в поисках понимания произошедшего даже склонны признавать действия власти или, по крайней мере, демонстрировать такое признание (что характерно для автобиографий советского времени). Типичны самооправдания, которые косвенно оправдывают «раскулачивание», проведенное «неправильно» или в результате злонамеренности отдельных лиц: «Ну, какие они кулаки? Зажиточные — да! Помногу имели детей, работали с утра до вечера. Наемных рабочих не держали» [Пусть не доведется…, 2018: 7]; «Жили не богато, рабочих не имели, все делали своими силами, своими семьями земли обрабатывали, которая принадлежала им по наделу, согласно семьи» [Там же: 63]; «Хотя об особой нашей зажиточности говорить не приходится, у нас и дома-то своего не было — жили у тети. И в колхоз отец вступил одним из первых» [Спецпереселенцы…, 1997: 45]; «Зайцев не был эксплуататором. Молол зерно крестьянам сам и брал плату зерном в скромных размерах» [Там же: 69] и т. п.

Рационализация коллективной жертвы требует ответа на вопрос: «Для чего?» В этом смысле «спецпереселенцы» — частный случай, мало чем отличающийся от всего «советского (российского) народа», который постоянно приносится в жертву ради некоей высшей цели — в дискурсивном оформлении его истории. И в идеологически поляризованных, и в примиряющих ответах на «вечный вопрос» ключевыми являются понятия «цены» и «платы» («расплаты»): «Сейчас, конечно, построены хорошие города. Кировск преобразился. Мончегорск становится все лучше и лучше. Города красивые, обустроенные. Но какой ценой все начиналось и достигнуто! Об этом надо знать и помнить» (Протоиерей Иоанн Баюр, г. Мончегорск) [Пусть не доведется…, 2018: 6].

Жертва, принесенная спецпереселенцами, — «невольная». Если использовать мифологическую аллюзию, она — «строительная»: «Эта книга о людях трудной судьбы, которые не по своей воле оказались строителями новой жизни на Кольском Севере, где они либо выживали ценой неимоверных усилий, либо обрели вечный покой недалеко от мемориального креста на 16-м километре» [Хибиногорск…, 2012: 5]; «Строился он (Хибиногорск. — *И. Р.*) на костях “лишенцев”», «Мальчишкой наблюдал условия работы. Концентрация пыли, глохли от шума, силикозная болезнь; отец до конца жизни плохо слышал»

[2] Повествовательные рамки; здесь: рамки понимания.

[Спецпереселенцы…, 1997: 71] и т. п. Мысль о том, что труд не был напрасным, позволяла многим людям, пережившим репрессии, найти утешение и хоть как-то компенсировать пережитые унижения, особенно если значение труда подтверждалось наградами. Мемуаристы акцентируют внимание на признании государством своих заслуг независимо от масштаба награды: «…вручили мне медаль «Ветеран труда», было очень торжественно на вечере. Имею я много благодарностей, но ни одной жалобы на 30 лет» [Спецпереселенцы…, 1997: 66]; «В течение всей своей долголетней работы я не имел ни одного замечания или прогула, только благодарности и премии. За рацпредложение получил премию 100 рублей, а цех получил около 11 тысяч рублей прибыли» [Память неподвластна…, 2015: 122]. Такие утверждения не только представляют очевидные штампы официальных биографий и автобиографий, но и служат подтверждением персональной социальной значимости бывших «изгоев». Функционально они аналогичны «самооправданиям», опровергающим правомерность выселения с родины и репрессий. Ключевой вопрос «за что?» остается без внятного ответа, но, по крайней мере, устанавливается некоторый баланс. Это происходит за счет народной веры в Судьбу, которая непредсказуемо поворачивается к человеку разными сторонами: «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны Филиппова Анна Матвеевна была награждена медалью с барельефом Сталина <…>. А в 1930 году Сталин наказал за труд Анну и ее семью, выслав с родных мест. Вот такие повороты судьбы» [Память неподвластна…, 2015: 58].

Часть общества, в том числе ряд историков, крайне отрицательно воспринимает утверждения о том, что построенные города — это «результат» деятельности спецпереселенцев, а также высказывания о «трудовых достижениях» репрессированных. Такие утверждения рассматриваются в качестве «оправдания подневольного труда» и, следовательно, действий власти в целом. Достаточно сослаться на критику историком спецпереселений С. А. Красильниковым работ В. Я. Шашкова по этому вопросу [Красильников, 2009: 12–13]. С точки зрения антрополога, историк, который не грешит против фактов (в частности, приводя данные о численности рабочих-спецпереселенцев на строительстве городов), вряд ли заслуживает критики из-за использования нарративных формул. И даже усматривая за ними интерпретацию, нельзя не признать, что, по существу, они не столько оправдывают безжалостную власть, сколько наделяют смыслом саму жизнь и «жертву» спецпереселенцев (как и других много претерпевших групп населения). Это особенно важно, если те, кто причисляют себя к этой общности, живы.

3. «Ограбленная жизнь» — удачно найденное одной из мемуаристок обозначение для идеи «недожития». Она свойственна различным жизнеописаниям (прежде всего, в жанре некролога), биографиям спецпереселенцев — в особенности. На наш взгляд, это словосочетание точнее передает значения, которые содержат синонимы «искалеченная жизнь», «горькая судьба» и сходные, встречающиеся весьма часто, в том числе в заглавиях воспоминаний. Факт «реабилитации» воспринимается бывшими спецпереселенцами в качестве пусть неэквивалентной, мизерной в материальном измерении, но компенсации за «грабеж» в прямом и метафорическом смыслах. Для пострадавших в правах имеет большое значение формальная легитимация «равенства»: «Только в Хрущевские времена мы постепенно сравнялись со всеми советскими людьми. И сейчас, через 62 года,

власти объявили о нашей реабилитации <…>. Цена этой справки — ограбленная жизнь» [Пусть не доведется…, 2018: 61].

Неполнота, неполноценность прожитой (проживаемой) жизни выражается многообразно. Преждевременная смерть — самый наглядный вариант «недожития»: «Умер от цинги и полуголодной жизни в возрасте 59 лет, а ведь не будь этого выселения он мог бы еще долго жить, принося пользу и своей семье и государству» [Спецпереселенцы…, 1997: 82]. Другой вариант сопряжен с тщетностью усилий по созданию благополучной жизни для семьи, виной чему высылка: «Я иногда задумываюсь и очень сожалею о его (отца. — *И. Р.*) стремлении к жизни, как он работал, как заботился, чтобы все дети его были одеты и обуты, — и на тебе, — все прахом прошло» [Память неподвластна…, 2015: 205]. Наконец, вся линия жизни или ее большой отрезок могут предстать в качестве цепи нереализовавшихся возможностей по причине «неполноценности в человеческом достоинстве». Это показывают, например, воспоминания К. Д. Зайцева, ребенком высланного с семьей из Гомельской обл. В начале жизни его «в наказание сослали в тундру»; в годы войны в эвакуации был на лесозаготовках, где переселенцев «сторожил в поселке комендант». После освобождения со спецпоселения в 1953 г. мемуарист сотрудничал в газете в Краснодарском крае, редактор хотел оформить его литработником, но с места рождения сообщили, что он сын раскулаченного, и на работу не приняли. После демобилизации из армии работал на заводе, хотел вступить в партию, из воинской части даже прислали рекомендации, но те, от кого это зависело, «воздержались». А затем и вовсе «попал под сокращение», несмотря на то, что учился в вечерней школе и был демобилизованным [Спецпереселенцы…, 1997: 73]. Случай, скорее, типичный.

Чтобы жизнь спецпереселенца обрела хотя бы некоторую «полноту», нужно несколько обязательных обстоятельств: восстановление в правах с возможностью выезда, документированная «реабилитация», опровержение мнимой «неполноценности» (признание заслуг человека в форме наград и других знаков уважения), возвращение на родину или посещение ее. При наличии данных обстоятельств и сама жизнь, и биография получают нормализованное завершение: «В 1947 году отцу на две недели разрешили поехать в родное село. С какой радостью он — бывший крестьянин, хороший столяр, увлеченный пчеловод, — через 17 лет ехал в родное село: навестил родню, увидел хату, которую строил в 1922 г. (но уже перестроенную), увидел у брата и племянника домики — ульи с пчелами. Как будто чувствовал приближение конца жизни, на следующий год его не стало» [Спецпереселенцы…, 1997: 56]; «…папе в 1949 году разрешили выехать. Для него это была необыкновенная радость. В дальнейшем он получил образование. На руднике «Ниттис-Кумужье» заведовал компрессорным хозяйством и проработал до пенсии. Награжден папа медалью “За оборону Советского Заполярья”» (подытоживающий биографию фрагмент) [Пусть не доведется…, 2018: 99].

Справки о реабилитации и награды, полученные посмертно, а также несбывшиеся мечты о посещении родных мест — символические свидетельства «не прожитой», «не завершенной» жизни: «Умер он в 1947 году, так и не получив паспорта и не побывав на Украине. И уже после смерти ему дали медаль “За оборону Заполярья”», — рассказывала Р. М. Ядрихинская (Стародуб) об отце, который был выслан в 1930 г., стал стахановцем, всю войну, будучи тяжело больным, работал на военном аэродроме и очень тосковал по родной Украине

[Спецпереселенцы…, 1997: 54]. Стоит ли говорить о том, что спецпереселенцы, по чужой воле утратившие связь с местом рождения, не имеющие «справок», «льгот» и наград, имеют основания ощущать свою жизнь не просто «ограбленной», но «украденной» в целом.

4. Правда и истина — концепты, обладающие значительным смысловым наполнением и многообразными языковыми воплощениями. По мнению лингвистов, они относятся к ключевым для понимания особенностей развития и функционирования национальной культуры, причем «правда» оценивается выше истины [Арутюнова, 1991; Байрамова, 2016; Смирнова, 2017]. В текстах спецпереселенцев используются слова «правда», иногда — «подлинность», но чаще их смыслы передаются иными способами. Данные концепты ассоциированы, прежде всего, с историей общности и судьбами ее представителей. Правда — это знание, которое было «спрятано», а потом «открылось». Таким образом, спецпереселенцы, являются носителями «подлинной истории семьи, города, края, страны» (из аннотации) [Пусть не доведется…, 2018: 2]. На это есть все основания. Время умолчаний, засекреченных документов, отсутствия объективных исторических исследований сменилось в 1990-е гг. периодом видимой «открытости» знания о спецпереселенцах и других репрессированных. В отдельных случаях мемуаристы связывают перемены с историческими персонами: Горбачевым, Ельциным, кем-то из известных правозащитников, — а также с деятельностью «Мемориала». Чаще они ограничиваются констатацией того, что «пришло время». Соответственно, этапу открытия истины предшествовала эпоха лжи: «Мое поколение выросло в обстановке беспрецедентной лжи и кровавого насилия, какие едва ли знала вся предыдущая история цивилизации» [Пусть не доведется…, 2018: 108]. Во многих семьях спецпереселенцев были арестованные, в том числе уже на спецпоселении, и расстрелянные родственники. Ложь распространялась на персональные данные об их судьбах: времени, обстоятельствах, местах упокоения. В отсутствие заслуживающих доверия официальных сведений родственники сами пытались «домыслить» судьбы близких, основываясь на представлениях о жестокой социальной реальности.

Правда о спецпереселенцах противопоставлена не только (и даже не столько) собственно лжи, сколько «молчанию», точнее «замалчиванию», то есть сознательному действию по сокрытию правды. Оно было характерно и для властей, и для семей, так как соответствовало интересам тех и других. Отсутствие разговоров и воспоминаний о прошлом утвердилось в семейной культурной практике: «Папа про своего отца, деда Матвея, ничего не вспоминал. Только когда началась перестройка и стали выступать правозащитники: Новодворская и другие, стал рассказывать про деда» [Пусть не доведется…, 2018: 20]; «Бабушку <…> я хорошо помню, видела ее. Она прожила долгую жизнь — 103 года, но ничего не рассказывала» [Там же: 29] и т. п. Правда приоткрывалась в тех случаях, когда взрослые как-то проявляли свое отношение или хоть и шепотом, но разговаривали, а дети прислушивались. Одна из мемуаристок вспоминает, как в десятилетнем возрасте пришла из школы вся в слезах, когда сообщили, что умер Сталин, и дедушка строго запретил ей плакать: «Я очень удивилась, что всем можно плакать, а мне нельзя. С тех пор как-то стала прислушиваться к намекам, разговорам взрослых. И постепенно узнавала историю своей семьи» [Там же: 47].

Семья всегда располагала различными средствами сокрытия и фальсификации информации о себе в ситуации внешней социальной опасности.

В частности, для этого использовался паспорт — главный инструмент официальной идентификации человека, который является «самым интересным документом в истории и практиках отношений между человеком и государством» [Байбурин, 2017: 10]. По воспоминаниям одной из мемуаристок, ее мать, узнав о расстреле мужа, ликвидировала старый паспорт, новый получила на девичью фамилию и поменяла место жительства. Детям она сказала, что отец умер, и не велела им никогда ни с кем о нем говорить: «”Тайна” об отце очень угнетала и тяготила. Только будучи студенткой, уже после смерти Сталина я вступила в комсомол» [Пусть не доведется…, 2018: 117]. По свидетельству еще одной мемуаристки, отец которой подлежал высылке и сбежал, ее мама, чтобы не быть высланной с детьми, «развелась с отцом через газету «Коммунар». Отказалась от кулацкой семьи». Через несколько лет отец тайно приехал за семьей и увез ее в Мончегорск [Там же: 63]. Таким образом, семьи скрывали «внутреннюю», потаенную правду от посторонних глаз. Не только в словах, но и в поведении они руководствовались убеждением: «Тяжело жить, когда говоришь правду в глаза. Но правда была в моей душе, так и останется» [Спецпереселенцы…, 1997: 67].

5. Труд — концепт самой высокой значимости как в русской крестьянской культуре, так и в советской [Токарев, 2003; Чернова, 2004; Даренская, 2014]. Если ранжировать свойства спецпереселенцев по частотности упоминаний, то первое место займет группа качеств, соотносимых с этим понятием. Оно используется как идентификатор общности спецпереселенцев, поскольку и причины ее создания, и страдание, и выживание обусловлены неотъемлемой связью с трудом. «За труд», — это единственный ответ, который нашли спецпереселенцы на вопрос «за что?»: «Выявляли богатых людей, отбирали все то, что они имели нажитое своим трудом, а вместе с тем присоединяли и тех людей, которые горьким потом обрабатывали свою землю, днями и ночами не спали, до седьмого пота трудились, чтобы жить самим и кормить детей своих и иметь свое нажитое трудом хозяйство. К таким людям и принадлежал наш отец» [Память неподвластна…, 2015: 204–205].

С высоты прожитых лет мемуаристы осознают, что переселению подлежала самая трудоспособная часть населения. Более того, бывшие крестьяне хорошо умели работать коллективно, артельно. В этом смысле показателен эпизод строительства барака, описанный М. П. Ильиной: «Плотники сооружали сруб барака, женщины и дети носили мох с болота и затыкали щели между бревнами, печник сооружал коллективную плиту, единственную во всем бараке. Работа шла дружно. Эти люди всему были научены в своих хозяйствах, а трудолюбия им было не занимать» [Спецпереселенцы…, 1997: 113]. Речь не просто о крестьянском трудолюбии. На строительстве городов требовался труд разносторонний: «Крепкие мозолистые руки трудолюбивых крестьян умели держать и лопату, и лом, топор, кирку и другой строительный инструмент» [Память неподвластна…, 2015: 139]. «Репрессировали тех, кто мог работать руками и головой. Они и поднимали все народные стройки» [Пусть не доведется…, 2018: 8]. А. М. Киссин, который работал вместе с «невольными» на деревообрабатывающем заводе в Хибиногорске, вспоминал: «Контингент работающих был своеобразным — процентов на восемьдесят это были раскулаченные спецпереселенцы и их дети. Контингент работящий, в большинстве уже в Хибиногорске овладевший специальностями станочников, пилоставов, слесарей, столяров, народ дисциплинированный, дорожащий своей

работой в тепле, под крышей, рабочей карточкой. Но было несколько и очень высококвалифицированных столяров-краснодеревцев» [Пусть не доведется…, 2018: 31]. Мемуарист не был спецпереселенцем: бывший детдомовец, он сбежал из Ленинграда на заполярную стройку, поэтому его оценка — внешняя. Она во многом, но не во всем совпадает с самооценками представителей общности. Интерпретация основывается на прагматических аспектах мотивации спецпереселенцев к труду, и выделяются только мастера своего дела, профессионалы.

Трудолюбие, трудоспособность, трудовая дисциплина, способности к освоению новых профессий, мастерство (высокое качество всего созданного — от предметов мебели до городов) — устойчивые признаки спецпереселенцев как работников. При этом самой главной чертой их трудового поведения является «честность». Все, что произошло со спецпереселенцами и определило их судьбу, связано с трудом, во-первых, тяжелым, во-вторых, нравственным: «Разве этого не было? Было. А за что? За труд честный…» [Спецпереселенцы…, 1997: 37]; «Трудно жилось взрослым, но были честны, правдивы, трудолюбивы» [Там же: 24]. Нравственные основания труда выражены формулами, которые содержат соответствующие понятия: «работали честно, не считаясь со временем», «работали на совесть», «работали от души».

6. Личные качества спецпереселенцев ассоциированы с названными культурными категориями. ***Честность*** — одно из самых емких в смысловом отношении свойств. Оно соотносится и с «трудом», и с «правдой», а также с бытовым поведением: «Трудно жилось взрослым, но были честны, правдивы, трудолюбивы» [Спецпереселенцы…, 1997: 24]; «Я не помню, чтобы было воровство. Наш барак был проходной, и ничего никто никогда не украл» [Пусть не доведется…, 2018: 95].

В русском языке «честность» и ***«честь»*** определяются одно через другое: честный — «в ком или в чем есть честь, достоинство, благородство, доблесть и правда», «человек прямой, правдивый, неуклонный по совести своей к долгу; надежный в слове, кому во всем можно доверять» [Даль, 1994, 4: 1327]; честь — «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть» [Там же: 1328]. Иллюстрацией к этим определениям может служить стихотворение о спецпереселенцах из воспоминаний мончегорца Е. В. Федотова [Пусть не доведется…, 2018: 107]:

Мы пережили горечь социальной мести,
Жестокой, незаслуженной, обидной,
И тем не менее не потеряли чести,
И людям нам в глаза смотреть не стыдно.

Эти строки приводятся в контексте рассказа об учителях, которые поддерживали детей репрессированных, и об одноклассниках — детях «изгоев», которые воевали, погибали на войне и «честно служили своему Отечеству». Оба названных качества, маркирующие личности и общность спецпереселенцев, соотносятся с таким уровнем социальности, на котором первостепенное значение имеют чувство долга, самоотверженность, гражданственность. Соответствует представлениям о качествах «человека чести» портрет одного из персонажей воспоминаний Н. И. Бачурова, который работал в Мончегорске в послевоенные годы и сам не имел отношения к спецпереселенцам. Это взгляд «извне»: «Федор Степанович <…> был среди тех, кто первыми пускали восстановленную электропечь

№ 2 осенью 1942 г. За это он был награжден высокой правительственной наградой. Несмотря на то, что был спецпереселенец, никогда в его голосе не было заискивающих ноток. Не слышали от него и крика. <…>. Меня восхищала его независимая манера <…>. Работал не меньше 12 часов. И в выходные тоже визиты хоть на час, хоть после лыжной прогулки, но заедет. На больничном не бывал» [Мончегорск…, ЭР]. Этот человек погиб на производстве.

В текстах, описывающих жизнь спецпереселенцев, нередко используется понятие «выживание». То же в заглавиях: «Жили, чтобы выжить», «Вера помогала выжить», «Так и выжили». Выживание как опыт воплощается в качествах ***«выносливости», «живучести»***, а на языке обобщающих терминов — адаптивности. В воспоминаниях А. Д. Ваньковой есть эпизод о приезде С. М. Кирова в Хибиногорск: «Строили кинотеатр «Большевик». Киров выходит из машины, а мы глину месили ногами. Он спрашивает: «Вам холодно?» — Мы отвечаем: «Мы живучие, мы из деревни» [Память неподвластна…, 2015: 200]. Деревенское происхождение и привычка к сельскому труду выручали спецпереселенцев, оказавшихся в новых для них условиях. «Так как мы привыкли работать, то и здесь трудились», — утверждает одна мемуаристка и рассказывает, как для того, чтобы прокормиться, они раскапывали землю под огород, держали коз, свиней, собирали грибы, ягоды [Спецпереселенцы…, 1997: 20]. По рассказу другой спецпереселенки, по окончании зимы отец попросил у горсовета земли — картошку сажать. Его отговаривали по двум причинам: во-первых, в заполярном климате «ничего не вырастет», во-вторых, если вырастет, то «отберут». Картошка выросла крупная, после чего все стали ее сажать. «По горам ходу не стало — одни тропочки, столько картошки все посадили» [Там же: 86]. Помогали переселенцам не только деревенские навыки, но использование других умений. Из мужчин кто-то чинил или шил обувь, кто-то вообще был «мастер на все руки», женщины вязали, шили, — как правило, в обмен на продукты, но возможны были и «коммерческие» отношения. «Моя мама хорошо рисовала и великолепно шила, — вспоминает жительница Мончегорска из семьи спецпереселенцев, — поэтому трудная жизнь как-то сглаживалась. Приезжали клиенты даже из города» (речь о второй половине 1930-х гг.) [Пусть не доведется…, 2018: 97–98].

Некоторые мемуаристы не без оснований замечают, что справиться с жизненными тяготами им помогли молодость и здоровье. Однако большей частью подчеркиваются духовные опоры выживания. Авторы воспоминаний — люди, прошедшие институты советской социализации. Когда они говорят, что «выжить помогла вера», то в большинстве случаев речь идет о вере не собственно религиозной, а иной — в социальную справедливость: «Но несмотря на все перенесенные страдания, мы верили в людей, в справедливость, в возможность жить свободно. Эту веру воспитывали в нас наши родители, неиссякаемое трудолюбие которых помогло возродить Кольскую землю» [Там же: 118]; «Хочу сказать, что всю нашу жизнь, в самых тяжелых обстоятельствах мы честно трудились и верили в справедливость, что и помогало выжить» [Там же: 61]. «***Справедливость» как предмет веры***, наряду с понятием «счастье», включалась в советскую утопию, которая «долгие десятилетия была для многих советских людей главной мотивацией смысла жизни. <…>. На протяжении нескольких поколений формировалась своего рода привычка к отложенному счастью, которое необходимо заслужить жертвенной жизнью в настоящем. Идея

жертвенного счастья <…> лежала в основе стратегии воспитания подрастающего поколения [Байбурин, Пиир, 2008: 233].

Вера в будущее торжество справедливости относится к главным качествам спецпереселенцев. Чаще всего она артикулируется в виде прогностических утверждений или с помощью формул-пожеланий «заклинательного» характера: «нам всем брат часто говорил: «Меня не будет, но настанет день, когда о нас, тружениках невинных, вспомнят и будут жалеть нас. И настанет день, всю землю постепенно снова будут возвращать любителям труженикам-крестьянам» [Спецпереселенцы…, 1997: 76–77]; «Моим детям я желаю жить лучше, материально обеспеченными. Пусть в нашей стране закрепится право на собственность, пусть она будет неприкосновенной. Я верю, что наша страна возродится, верю в разум молодых» [Там же: 109]. Поскольку главным источником несправедливости явилось беззаконие государства, справедливость предстает, прежде всего, в правовой ипостаси. Она предполагает права на землю, собственность, равенство прав граждан и т. п. Вместе с тем «справедливость» имеет нравственный аспект (о семантическом наполнении категории правовыми и этическими значениями см.: [Кряхтунова, 2010; Скоромная, Воробьева, 2016]). В данном случае он связан с восстановлением «исторической правды» о спецпереселенцах и сохранением ее в памяти потомков. К «потомкам» относятся и прямые наследники, и общество в целом. С точки зрения спецпереселенцев, их опыт и память, в конечном итоге, служат общественной безопасности: «Своими воспоминаниями я предостерегаю нынешнее поколение: трагедию 30–50 годов нельзя повторить» [Спецпереселенцы…, 1997: 73].

Заключение

Спецпереселенцы — реально существующая общность, поскольку есть группа взаимодействующих между собой людей, которая использует этот «мы»-идентификатор, предпринимает инициативы в интересах группы и устанавливает связи с социальным окружением. В качестве соционима используется обозначение также реально существовавшей в прошлом категории репрессированных и депортированных крестьян. С 1990-х гг. наблюдается процесс реидентификации новой общности на новом историческом этапе, с включением в нее категории «потомков» благодаря усилиям общественных организаций, взаимодействующих или объединяющихся с семьями, и других субъектов культурно-политической деятельности. Конструируемая общность позиционирует себя в качестве преемственной, мемориальной и наследственной.

Основу идентификации спецпереселенцев составляют ключевые концепты национальной культуры, в рамках которых осмысливаются, эмоционально переживаются и демонстрируются линии жизни представителей семейно-родственных групп, подвергшихся лишению прав и принудительному выселению в конце 1920–1930-е гг. Качества, подчеркнутые в характеристиках спецпереселенцев, позволяют составить их коллективный портрет, основывающийся на базовых культурных ценностях, которые, в свою очередь, связаны с концептосферой общности.

Значение данного идентификационного процесса заключается в акцентуации национальных и гуманистических ценностей, призыве к сохранению культурного наследия и восполнении лакун в историческом знании.

Список источников

Мончегорск — сплетение судеб: Сборник воспоминаний. Апатиты, 2007. URL: http://kolanord.ru/html_public/col-Murman-kray-ros/Monchegorsk-spletenie-sudeb_2007/index.html#22.

Память неподвластна времени / сост. И. Я. Хищенко, А. А. Барсамов; Кировско-Апатитская районная общественная организация «Хибинское добровольное историко-просветительское общество «Мемориал»». Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 227 с.

Пусть не доведется внукам: Сборник воспоминаний к 80-летию города Мончегорска / сост. Р. П. Грицаенко; Мончегорская общественная организация «Мемориал». Мончегорск, 2018. 195 с.

Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний) / Хибинское общество «Мемориал». Апатиты, 1997. 222 с.

Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. 360 с.

Список литературы

Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.

Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 21–30.

Байбурин А. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.

Байбурин А., Пиир А. Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 227–257.

Байрамова Л. Аксиологическая фразеологическая диада «правда» — «ложь»: культурологический аспект // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 18–24.

Бардыкова И. В. Концептуализация феномена страдания в истории культуры: автореф. дис. … канд. филос. наук. Белгород, 2007. URL: http://cheloveknauka.com/kontseptualizatsiya-fenomena-stradaniya-v-istorii-kultury#ixzz5lWqjr3Vp.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: ВШЭ, 2012. 408 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2, 4. М.: Прогресс; Универс, 1994.

Даренская В. Н. Православный трудовой этнос в русской крестьянской культуре // Вестник славянских культур. 2014. № 3 (33). С. 68–76.

Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2009. 344 с.

Кряхтунова О. В. Шифтерный лингвокультурный концепт «справедливость» (на материале русской лингвокультуры): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 24 с.

Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 368 с.

Скоромная М. С., Воробьева И. А. Концепт «справедливость» в русской лингвокультуре // Ученые заметки ТОГУ / Тихоокеанский гос. ун-т. 2016. Т. 7, № 3 (2). С. 147–150.

Смирнова Е. Е. Смысловое наполнение концепта ИСТИНА в лексико-семантической системе русского языка (по данным лексикографических источников) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 169–182.

Токарев Г. А. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 213 с.

Холокост и ГУЛАГ: что остается после памяти? // Гефтер. 2016. 18 января. URL: http://gefter.ru/archive/17231.

Чернова О. Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.

Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск: Изд-во Мурман. гос. пед. ин-та, 2000. 341 с.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области. Мурманск: Максимум, 2004. 317 с.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936). Мурманск: Изд-во Мурман. гос. пед. ин-та, 1993. 139 с.

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Razumova Irina A.
Doctor of Science (History), Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.20-42
УДК 338.48(470.21)

О. А. Бодрова

МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПОИСКАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ БРЕНДОВ: К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИРОВАНИЯ

Аннотация

В статье анализируются понятие территориального бренда в гуманитарных науках, его отличие от товарного бренда, связь с региональной идентичностью и основные инструменты создания. Рассматриваются брендообразующие характеристики Мурманской обл. и примеры уже существующих региональных брендов и логотипов. Сделан вывод о значении региональных брендов для социально-экономического и социально-культурного развития края.

Ключевые слова:

территориальный бренд, региональный бренд, историко-культурный потенциал, природно-географический потенциал, инструменты брендирования, Мурманская обл., туристско-рекреационный кластер.

Olga A. Bodrova

MURMANSK REGION IN SEARCH OF REGIONAL BRANDS: REVISITING THEORY AND PRACTICE OF TERRITORIAL BRANDING

Abstract

The article analyzes a territorial brand in the humanities, its difference from a product brand, connection with regional identity and main branding tools. The brand-forming characteristics of the Murmansk region, as well as working brands and logotypes are considered. The role of regional brands for social, cultural and economic development of the region is explored.

Keywords:

territorial brand, regional brand, historical and cultural potential, natural and geographical potential, branding tools, Murmansk region, tourism and recreation cluster.

Понятия «бренд», «брендинг», «брендирование» сегодня настолько распространены, что прочно входят в терминологию практически всех общественных и гуманитарных наук. Несмотря на множество существующих определений (так, маркетолог и теоретик брендирования Ф. Котлер в своей книге рассматривает несколько десятков зарубежных толкований данного понятия [Kotler et al., 1993: 13]), в научной литературе встречается сравнительно немного четких дефиниций, поясняющих, что следует понимать под «брендом», особенно если данное понятие выносится за пределы экономики рыночных товаров и начинает соотноситься с такими смежными явлениями, как маркетинг, имидж, символ, образ, потенциал, идентичность и пр. Вместе с тем слово «бренд» еще не настолько стало привычным для носителей русского языка, чтобы избежать высказываний о том, что оно «неприятно на слух и двусмысленно по содержанию» [Визгалов, 2011: 8].

Одними из самых актуальных и поэтому популярных видов бренда являются на сегодняшний день территориальные бренды, или бренды места, к которым часто обращаются как представители экономических дисциплин, так и культурологи, социальные и визуальные антропологи и пр. Территориальный брендинг (регионального или городского уровня) — это довольно сложный процесс формирования территориальных брендов, основанный, согласно удачному определению коллектива исследователей, на комплексном подходе к поиску и развитию идентичности территории и имеющий целью «донесение ее сравнительных преимуществ до различных целевых групп путем создания яркого привлекательного образа, состоящего из внутренних и внешних атрибутов» [Панкрухин, 2011; Холодилина, Сабирова, 2017]. Однако и с определением территориального брендинга не обходится без расхождений в толковании. То, что в отечественной литературе принято называть территориальным брендом, Котлер и его соавторы называют имиджем места, под которым они понимают сумму убеждений, представлений и впечатлений людей в отношении этого места [Котлер и др., 2005: 205], а брендом для него является, скорее, только бренд фирмы — название, термин, знак, символ или любая другая характеристика, которая бы идентифицировала товар или услугу как отличную от других товаров [Kotler et al., 1993]. Хочется подчеркнуть, что фирменный (товарный) и территориальный бренд — это явления различного порядка, которые невозможно сравнивать между собой в силу различных технологий их создания, продвижения и назначения. Процессом продвижения фирменных брендов

управляет маркетинг, преследующий только социально-экономические интересы, тогда как брендинг — это еще и социально-культурный проект [Визгалов, 2011: 11–12], а сам бренд — культурно-психологическое понятие [Савельев, 2011: 88]. Ю. В. Савельев, изучивший брендинговый потенциал района Калевалы Республики Карелия на различных уровнях, предлагает рассматривать брендинг территории как «креативный процесс, в который вовлекаются большинство субъектов территориального сообщества, включая научные и образовательные учреждения, творческие коллективы и т. д.» [Там же]. По его мнению, которое мы разделяем, бренд территории — это, прежде всего, «креативная стратегия, основанная на современных коммуникациях, умении правильно использовать имеющийся потенциал, на способности преподнести его потребителю» [Там же].

Важной особенностью бренда места является то, что он ориентирован не только на «внешних потребителей», но и на местных жителей [Малькова, Тишков, 2010: 10–11], тесно связан с понятием территориальной идентичности. Вообще, сущность брендинга города (или же шире — региона) В. А. Тишков и В. К. Малькова видят в поиске и представлении в привлекательных образах идентичности города, роста местного самосознания [Малькова, Тишков, 2010: 11]. Субъектом территориального бренда являются одновременно и местное сообщество, и внешний потребитель — турист, потенциальный житель, инвестор. При этом если видение города (или любого места) изнутри можно рассматривать как городскую идентичность, то восприятие города извне Д. В. Визгалов предлагает считать имиджем города [Визгалов, 2011: 37]. Возможно, именно вектор направленности позволяет разграничивать такие понятия, как бренд и имидж в отношении какого-либо региона, в любом случае функционирование территориального бренда невозможно без совокупности эмоциональных, материальных и других элементов, создающих уникальный набор ассоциаций с местом в общественном сознании [Kavaratzis, Ashworth, 2005]. Ранее уже сказано, что носителями и создателями брендов места могут быть как внутренние, так и внешние субъекты — лица, проживающие на данной территории, или же приезжие с различными целями «гости». Существуют методы, позволяющие исследовать процесс формирования брендов с внешней стороны — с позиции приезжих (они же «внешние потребители», реципиенты бренда, что не исключает их известной включенности в процесс создания и дальнейшего продвижения территориальных брендов) (см., напр., анкеты: [Котлер и др., 2005; Малькова, Тишков, 2010]. Однако объектом исследования в нашей статье являются бренды (или то, что их создатели называют брендами), порождаемые субъектами, которых можно назвать «внутренними» потребителями и носителями брендов, подходящими к процессу их формирования осознанно и даже с профессиональных позиций. Это своего рода эксперты, проживающие или связанные профессионально с некоторой территорией: краеведы, ученые-историки или естественники, искусствоведы, художники, маркетологи и пр., которые могут обладать компетенциями и знаниями относительно некоторого места, выявлять его отличительные характеристики и использовать их в дальнейшем для создания специфического, уникального, неповторимого образа территории, выделяющего ее среди других территорий (стран, регионов, городов).

Маркетологи часто замечают, что товарный бренд не может существовать в отрыве от самого товара и рынка. Точно так же создание бренда места невозможно в отрыве от самого места, его природно-географических, историко-культурных и социально-экономических особенностей, которые могут быть

мобилизованы в качестве потенциала для брендирования территории. Перечисленные компоненты можно рассматривать как своего рода содержание, наполнение, на котором строится бренд, требующий также и своего выражения в визуальных, вербальных и ментальных проявлениях, другими словами, репрезентации, процесса визуализации и вербализации образа [Замятин, 2006: 231]. Для репрезентаций используются три основных инструмента. Ф Котлер обозначил их следующим образом: 1) слоганы, темы и позиционирование; 2) визуальные символы; 3) события и действия [Котлер и др., 2005: 215]. К слову, применительно к туристической сфере последний инструмент широко используется для развития направления событийного туризма. Отечественные исследователи территориальных брендов в целом разделяют данную классификацию с небольшими дополнениями, например, предлагают называть первый инструмент лексическим [Малькова, Тишков, 2010: 16]). К лексическому инструменту относят и мифотворчество, которое, безусловно, является гораздо более сложным явлением, чем просто создание слогана. Под мифотворчеством можно понимать «создание или продвижение неких легенд, подчеркивающих уникальность определенной территории или места» [Малькова, Тишков, 2010: 15; Якубова, Крюкова, 2014]. В сжатом виде лексический инструмент репрезентации места выглядит как «навешивание ярлыков» или «визитных карточек» [Малькова, Тишков, 2010: 17].

Применение названных инструментов репрезентации территории рассматривается в настоящей статье на примере Мурманской обл. В научных работах, посвященных данному региону, в историческом или антропологическом ракурсе вопросы формирования и функционирования брендов практически не изучались. Из трех основных учреждений Мурманской обл., занимающихся гуманитарными исследованиями в регионе[3], изучение историко-культурных и этнокультурных брендов проводит только ЦГП КНЦ РАН (темы НИР: «Историко-культурные факторы развития Арктической территории: Мурманская область», «Социокультурное развитие северо-западной части Арктических территорий России в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы»). Другие исследования ограничиваются либо кратким обзором истории брендирования и постановкой проблемы формирования брендов в Мурманской обл. [Терещенко, 2012; Федоров, 2012; Киселева, 2016], либо освещают отдельные аспекты по данной тематике более детально, но на примере других регионов [Желнина, 2014; Киричук, Силин, 2013].

Корпусом источников для анализа в настоящей статье послужили документы и тексты, которые отвечают двум критериям:

1) разработаны для представления Мурманской обл. в ее основных, базовых характеристиках;

2) функционируют в сети Интернет, то есть рассчитаны на самую широкую аудиторию реципиентов.

К анализируемым источникам относятся: основополагающий документ системы управления развитием региона «Стратегия социально-экономического

[3] Имеются в виду Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Институт экономических проблем ФИЦ КНЦ РАН и Мурманский арктический государственный университет (бывший Мурманский государственный гуманитарный университет).

развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года», официальный сайт Правительства Мурманской обл., информационный сайт Мурманской обл. (несмотря на то, что сайт не обновлялся с 2014 г.), региональные и центральные туристические сайты, региональные СМИ, Википедия и др. Источники были проанализированы с целью выявления основных опорных пунктов, на которых базируются привлекательный образ (имидж) региона и региональная идентичность его населения. Выделены три составных компонента, на которых строятся территориальные бренды Мурманской обл.:

1) природно-географические особенности края;
2) историко-культурный потенциал;
3) социально-экономические характеристики.

Рассматриваются все три инструмента (способа репрезентации) региональных брендов Мурманской обл.: лексический, визуальный, событийный.

К целенаправленному процессу брендирования в Мурманской обл. приступили в начале 2000-х гг. По мнению некоторых исследователей, на начальных этапах попытки найти региональные бренды со стороны областного правительства не увенчались особым успехом, так как открытый конкурс «Туристский бренд Мурманской области» (2007) и творческий конкурс на разработку концепции бренда «Мурманская область» (2010) не выявили ярких проектов, способных предложить бренд, который стал бы запоминающимся и отразил в достаточной степени специфический комплекс преимуществ Кольского п-ова: высокий социально-экономический, ресурсный и инвестиционный потенциал, уникальные природные и географические возможности, богатую историю и культуру, самобытные традиции, которые должны были быть отражены по условиям конкурсов [Терещенко, 2012: 107]. Неудачный старт процесса брендирования региона культуролог Е. Ю. Терещенко объясняет тем, что при огромном природном, историческом и культурном потенциале Мурманской обл. проблемой региона является не формирование, а продвижение брендов, так как последнее предполагает создание информационного поля, инфраструктуры, подготовку кадров в сфере туризма и т. д. [Там же]. Тем не менее по результатам открытого конкурса 2007 г. туристский бренд, призванный формировать позитивный образ Мурманской обл., все же был выбран и представлен на Международной научно-практической конференции «Современное состояние, проблемы и перспективы развития туристской индустрии в Мурманской области» [Туристический бренд…, 2007, ЭР].

Переломный момент в региональном брендировании наступил в 2013 г., когда по итогам муниципального конкурса был заключен контракт на разработку бренда столицы области — города Мурманска. С одной стороны, региональное правительство таким образом ознаменовало подготовку к празднованию столетнего юбилея города-героя, с другой стороны, как отметила в интервью редакции «Арктик-ТВ» Ирина Канаш, занимавшая в то время должность председателя комитета по экономическому развитию администрации Мурманска, «конкуренция между городами за привлечение инвестиций, трудовых ресурсов и туристов носит все более выраженный характер» [Мурманск — форпост…, 2014, ЭР], а с утверждением президентом РФ «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» от 20 февраля 2013 г. конкурентная борьба между областными столицами российской Арктики стала наиболее острой.

Региональные бренды, разрабатываемые и продвигаемые с этого момента, демонстрируют особенности территории Мурманской обл., позиционируемые как ее региональные конкурентоспособные преимущества. Одним из базовых преимуществ во всех источниках называется природно-географическая и геополитическая специфика Кольского Заполярья.

Природно-географические особенности Мурманской области

Данный компонент наиболее полно может быть изучен сквозь призму концепции географических образов Д. Н. Замятина [Замятин, 2003, 2006], которая находится на стыке культурной географии, культурологии и социокультурной антропологии. Именно географический образ, отражающий основные природно-ландшафтные характеристики территории, способен максимально ярко и экономно представить регион или страну в виде некоторой синтетической, смоделированной конструкции [Замятин, 2006: 35], и в этом смысле культурно-ландшафтный подход к брендированию имеет «практически неисчерпаемые возможности репрезентации историко-культурных образов», а географический образ является наиболее «адекватной формой репрезентации» любой информации, в том числе и специально подобранных сведений о территории [Калуцков, 2010: 73]. Одновременно с этим, как уже было отмечено, географический образ тесно связан с региональной идентичностью, в которой «главное — это обнаружить прочные и тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, показать процедуры самоидентификации, в которых образ региона может представать как образы людей, населяющих и осваивающих эту территорию» [Замятин, 2006: 35]. Возможно, одним из наиболее удачных примеров, иллюстрирующих вышесказанное, является Териберка, ставшая после выхода фильма «Левиафан» Андрея Звягинцева региональным брендом Мурманской обл. и вошедшая в топ-20 главных направлений 2016 г. по версии журнала “National Geographic Traveler” [«Териберка. Новая жизнь»…, 2016, ЭР] (рис. 1).

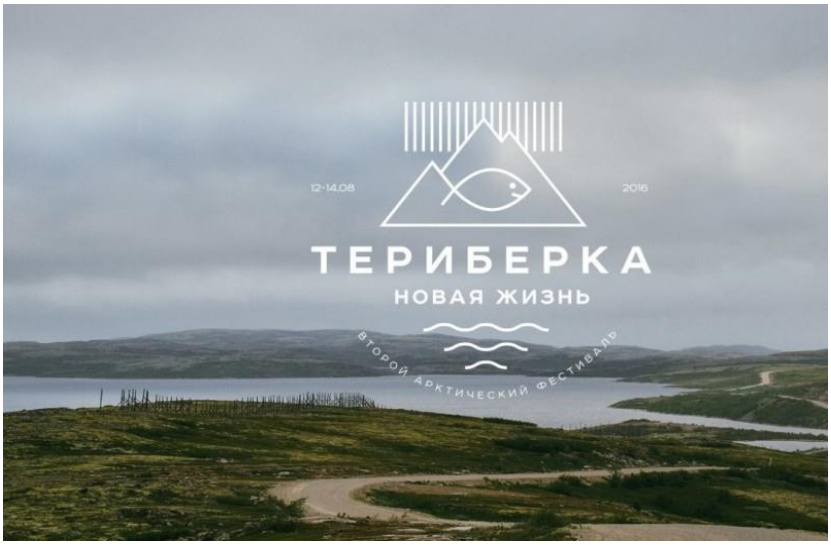

Рис. 1. Логотип фестиваля «Териберка. Новая жизнь»
[Новая счастливая жизнь Териберки, 2017, ЭР]

Сейчас Териберка привлекает туристов и в качестве уникального земного уголка на берегу Северного Ледовитого океана с непривычно трудными и потому шокирующими социально-экономическими условиями жизни малочисленного местного населения, и как место проведения международного арктического фестиваля «Териберка. Новая жизнь» [У Териберки появился…, 2017, ЭР]. Успешно развивающимся брендом Териберка была признана также на III Всероссийской конференции «Продвижение региональных и товарных брендов России: фактор развития малых городов и поселений», состоявшейся 29 января 2019 г. в Москве, в которой приняли участие представители ряда городов Мурманской обл.

Богатство и разнообразие природно-ресурсной базы Мурманской обл. включены в ее профиль как имеющие «стратегическое значение для развития Российской Федерации» [Стратегия социально-экономического развития…, 2013, ЭР]. К конкурентоспособным преимуществам региона, наряду с выдающимися сырьевыми ресурсами, причисляются уникальные ландшафты, предопределяющие возможность развития регионального туристско-рекреационного комплекса. Среди направлений туристско-рекреационного кластера, формирующегося в Мурманской обл., выделяются горнолыжный и экологический туризм, рекреационное рыболовство, активный (сплав и подъем по рекам, снегоходный, пеший и велосипедный туризм), этнокультурный, круизный и деловой туризм в Мурманске [Там же]. Пять из семи перечисленных направлений определяются именно природно-географическими особенностями края, что указывает на их преимущественное значение, которые они должны занимать в процессе регионального брендинга. К основным территориям, которые обладают наиболее высоким аттрактивным потенциалом, в документе отнесены Хибинский горный массив Кировско-Апатитского района, Ловозерский, Печенгский, Терский и Кандалакшский муниципальные районы [Там же]. При этом возможности развития активного природного туризма указываются в комплексе с историко-культурным потенциалом данных районов: «места проживания саамов, сейды и сакральные места лопарей», «религиозный туризм на территорию Трифонов Печенгского монастыря», «первые поселения поморов на Кольском полуострове, петроглифы Канозера» в совокупности с «почти нетронутой природой» и другими природными особенностями «обусловливают перспективность развития здесь этнографического, историко-археологического, познавательного, событийного, экологического и спортивного видов туризма» [Там же].

Природно-географические особенности Мурманской обл. как брендообразующие для этого региона зафиксированы не только в документах, формирующих позитивный имидж и профиль края «изнутри», но и сторонними ресурсами, презентирующими регион. Мурманская обл. характеризуется в них как «самый северный регион европейской части России, большей частью расположенный за Полярным кругом. Кольский п-ов — один из немногих уголков земли, сохранивших первозданную красоту, это край суровых и холодных скал побережья, обширной тундры, и самых северных в Европе нетронутых лесов» [О Мурманской области, ЭР]. Один из главных акцентов при описании природы Кольского п-ова делается на богатстве водных ресурсов края: «В регионе расположено более 111 тысяч озер и 20 тысяч рек, общая протяженность которых свыше 60 тысяч километров, что в 1,5 раза превышает длину экватора» [Там же], это закрепляет за Мурманской обл. статус центра рыболовного туризма:

«Рыболовный туризм — золотой бренд Кольского полуострова» [Рыболовный туризм…, 2007, ЭР]. Некоторые источники, по сравнению с текстом «Стратегии», расширяют круг туристических направлений, которые обязаны своим развитием природному и культурному потенциалу области: «Ландшафтные и климатические особенности региона, культурно-исторический потенциал привлекают на Кольский полуостров поклонников различных видов туризма — от сплавов по бурным рекам и рыбалки до горнолыжного, минералогического, событийного, экологического, спортивного и экстремального туризма» [О Мурманской области, ЭР]; «В последнее время набирает силу экологический и этнотуризм, в основном это иностранные туристы, желающие пожить в местах Лапландии, где не ступает нога человека (например, турбаза рядом с Йоканьгой). В области также популярен минералогический и экстремальный туризм» [Мурманская область (а), ЭР].

Выгодное географическое положение региона, обеспечившее выход в Северный Ледовитый океан, привело к созданию Мурманского морского порта — одного из базовых брендов Мурманской обл. В профиле области порт характеризуется как «единственная незамерзающая глубоководная и имеющая прямой и удобный доступ к океанским магистралям обустроенная гавань в европейской части России» [Стратегия социально-экономического развития…, 2013, ЭР]. Значимость этого бренда определяется не только наличием самого порта и близостью моря, но и тем, что здесь начинается Северный морской путь — главное преимущество России на Севере, а также располагается атомный ледокольный флот. Тот и другой являются безусловными «визитными карточками» Мурманской обл.: «Здесь берет начало стратегическая морская транспортная артерия — Северный морской путь, обеспечивающий доступ к природным ресурсам Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также развитие транзита из Атлантики в Тихий океан. В порту базируется атомный ледокольный флот, обеспечивающий функционирование маршрута» [Там же]. Возможности природно-географического положения Мурманской обл. отражены лексическими средствами брендирования: «Мурманск — северный рубеж России, стратегически важная точка Российского Севера»; «Мурманск — незамерзающий порт России, база российского ледокольного флота»; «центр рыбной промышленности Баренц-региона, обладающий уникальными биоресурсами»; «только в Мурманске можно полноценно наблюдать уникальные северные явления: полярные ночи, полярные дни»; «Мурманск — исторический центр промышленного, научного и туристского освоения Арктики»; «из Мурманска отходят круизные ледоколы в Арктику, организуют экспедиции на Северный полюс»; «Мурманск — начало Северного морского пути» [Мурманск — форпост…, 2014, ЭР]. Все перечисленные лексические клише сводятся к слогану, заложенному в основу разработанной в 2013 г. стратегии брендинга Мурманска: «Мурманск — форпост России в Арктике».

Наряду с природно-географическими особенностями Мурманской обл. большое значение для ее имиджа имеют и геополитические характеристики, обусловленные ее приграничным положением. В самопрезентациях Мурманской обл. подчеркивается, что она «объективно является одним из стратегических районов страны в составе Северо-Западного федерального округа», во многом благодаря своему удачному расположению: «на юго-западе область граничит с Республикой Карелия, а на западе и северо-западе — с Финляндией

и Норвегией»; «имеет общую границу с Европейским союзом и странами НАТО»; «занимает важное геополитическое положение по отношению к индустриально развитым регионам, с которыми она связана наземными, водными и воздушными магистралями»; «приграничное положение, значительные экспортные возможности и имеющиеся транспортные коммуникации создают хорошие условия для расширения сотрудничества с зарубежными странами. Мурманская область является активным членом международного Баренцева Евро-Арктического сотрудничества» [Общая информация…, ЭР]. По сути, регион с геополитической точки зрения располагается «на перекрестке» и является подходящим объектом для изучения такого научного направления, как Border studies. Тем не менее в региональном брендировании это свойство области используется слабо и презентируется в основном в официальных правительственных документах.

Исключительный брендинговый потенциал природно-географических особенностей Мурманской обл. выражается не только лексическими имиджевыми средствами, но и визуально. Как известно, в представлении информации ее оформление и расположение по уровням имеет огромное, хотя и не всегда осознаваемое воздействие на получателя информации. На официальном туристическом портале Мурманской обл. в разделе «Фото» презентируется только природно-географический потенциал региона (рис. 2), за исключением альбома с городскими ландшафтами Мурманска. При этом в других разделах представлены сведения по разнообразным направлениям туризма, не менее красочным и иллюстративным.

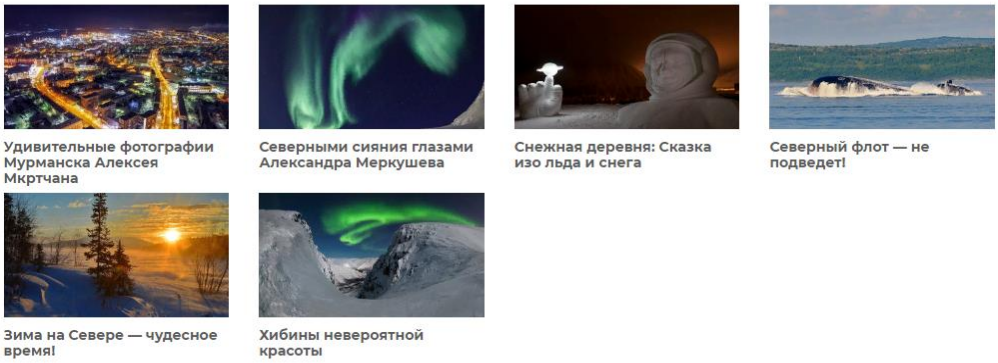

Рис. 2. Природно-географический потенциал Мурманской обл.
в региональных фотопрезентациях (http://www.murmantourism.ru/photo/)

Историко-культурный потенциал

Как отмечают исследователи территориальных брендов, определяющими информационными штрихами в традиционных характеристиках региона могут быть не только границы территорий, местная природная среда, ландшафт, природные ресурсы края, но и историко-культурные особенности: исторические достопримечательности, а также «само население и вся культурная, в том числе и этническая экзотика, связанная с его жизнью, включая этнические традиции и обычаи, оригинальные предметы быта и культуры, особенности местного производства и художественные промыслы» [Малькова, Тишков, 2010: 18].

Использование историко-культурного потенциала региона в процессе брендирования выглядит не как линейная ретроспекция, хронологическая реконструкция прошлого, а, скорее, как репрезентация отдельных сюжетов, образов, идей и ценностей, через которые происходят территориальная самоидентификация и позиционирование. Согласно удачному замечанию, в столице края Мурманске, который можно рассматривать как образ, метонимически обобщающий свойства всей области, «отразились две извечные русские амбиции — господства на море и покорения Севера» [Мурманск — форпост…, 2014, ЭР]. Что касается официального брендирования, особенно с подачи областных властей, то оно действительно выстраивается сквозь призму этих идей. Если идея «господства на море» соотносится больше с природно-географическими и геополитическими особенностями Мурманской обл., то «покорение Севера» напрямую связано с историко-культурной спецификой. Сама история региона сводится к истории освоения Мурмана русскими: «За время своего исторического существования, начиная с первых поселений новгородцев на Кольском полуострове, Мурманская область прошла сложный путь развития от практически необжитой территории до развитого индустриального центра Севера России» [Стратегия социально-экономического…, 2015, ЭР]. Исторические идеи, на которых строится имидж Мурманской обл., довольно полно отразились в проекте наименования областного аэропорта. Только личность Бориса Сафонова, летчика-истребителя, защитника Заполярья, выбивалась из идеи освоения и покорения Севера. Помимо фигуры царя, государственного лидера колонизации Севера, и героя Великой Отечественной войны в мурманский шорт-лист проекта «Великие имена России» попала фигура Ивана Папанина, который буквально был «покорителем Севера». В большом списке проекта значилось имя и Трифона Печенгского, которого можно рассматривать как «покорителя Севера» в духовном аспекте. Примечательно, что за него отдала свой голос президент Ассоциации кольских саамов Елена Гой, посчитав крестителя саамов знаковой фигурой для нашего края: «Трифон Печенгский прибыл на Кольский полуостров, чтобы проповедовать христианство саамам. Память об этом монахе жива, у нас есть Трифонов Печенгский монастырь» [Казаки, ветераны и саамы предложили…, 2018, ЭР]. Как известно, аэропорт был назван в итоге в честь Николая II, считающегося основателем Мурманска, первоначально названного Романов-на-Мурмане.

Идея покорения Севера проявляется и в официальных самопрезентациях этнокультурной специфики региона, причем даже в тех аспектах, которые связаны с коренными жителями саамами, населявшими регион задолго до проникновения на Кольский п-ов выходцев из Новгорода. Историко-этнографическое наследие, связанное и с поморами, и с саамами, отнесено к конкурентным преимуществам, открывающим возможность принципиального улучшения качества жизни населения и перевода региональной экономики на траекторию устойчивого роста. В SWOT-анализе конкурентоспособности Мурманской обл. саамская и поморская культуры причислены к «уникальным туристским ресурсам Мурманской области», а этнографический туризм, развивающийся благодаря популярности этих культур, — к «перспективным направлениям увеличения турпотока» и к «одним из важнейших средств сохранения самобытности коренных малочисленных народов Севера» [Стратегия социально-экономического развития…, 2013, ЭР]. Действительно, как отмечается в медийном дискурсе, «интерес к саамской культуре не увядает как у жителей

Кольского края, так и у гостей региона» [Парад шамшур…, 2018, ЭР]. Вместе с тем саамская и поморская культуры представлены в самопрезентациях региона неодинаково. С одной стороны, кольские саами позиционируются как этнокультурный символ Мурманской обл. Так, на официальном туристическом портале в разделе «Этнографический туризм» справка о саамах графически выделена как информация первого уровня (крупным шрифтом): «На территории Мурманской области живет коренной малочисленный народ — саами. Их исконная земля — Лапландия, расположенная на Кольском полуострове и на севере современных Норвегии, Швеции и Финляндии. Саами и в XXI веке стараются сохранять самобытный уклад жизни и собственный язык, традиционно занимаются оленеводством, рыболовством и охотой. Центр культурной жизни саами в Мурманской области — село Ловозеро». Все остальные сведения, в том числе о терских поморах, приводятся как информация второго уровня (мелким шрифтом): «Также исторически на территории Терского и Кандалакшского районов, на побережье Белого моря проживает этническая группа — поморы. Они являются потомками древних новгородцев и карел, селившихся начиная с XII века на юго-западном и юго-восточном побережье Белого моря» [Официальный туристический портал…, ЭР]. В данном случае расположение, первоочередность информации и размер шрифта являются дополнительным средством репрезентации, визуальной техникой привлечения внимания пользователя сайта, в первую очередь к группе кольских саамов. С другой стороны, в медийном дискурсе отчетливо видно, что в противовес прокламации значимости саамской культуры для региона как брендообразующей на туристических ресурсах, со стороны официальных представителей власти не наблюдается намерения возводить культуру саамов до символа Кольского п-ова. Если предыдущий президент Ассоциации кольских саамов Елена Яковлева подчеркивала, что саамская «уникальная культура и быт давно стали неотъемлемой частью жизни Заполярья, Кольский край невозможно вообразить без оленеводства, сказаний, легенд, песен, обычаев, ремесел, трепетного отношения к природе саамского народа» [Хоровод…, 2018, ЭР], то представители власти склонны были смещать акцент на необходимость государственной поддержки для сохранения культурного наследия кольских саамов: «Областное правительство и впредь намерено уделять внимание, поддерживать инициативы и добрые дела представителей коренной национальности» (министр по внутренней политике и массовым коммуникациям Глеб Шинкарчук) [Там же]; «Но, кроме восхищения и уважения, в XXI столетии саамам необходима поддержка. Ваш народ, его традиции, культура, язык — драгоценное достояние не только Мурманской области, но и России в целом. И мы это достояние стараемся по мере сил беречь и приумножать. Поддержка коренного народа — одна из важных сторон повседневной работы областного правительства» [Губернатор Марина Ковтун приняла участие…, 2018, ЭР]; «Саамы проживают на территориях своих предков, сохраняют самобытный уклад жизни и осознают себя самостоятельной этнической общностью. Коренные народы несут огромную ответственность перед будущими поколениями, потому что на них возлагаются надежды в сохранении этносов. Обеспечение их правовой защищенности, улучшение социально-экономического положения рассматриваются как приоритетные вопросы государственной политики страны <…>. Необходимо продолжать работу в сфере сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности

и природопользования, защиты правовых основ жизнедеятельности и обеспечения социальной поддержки представителей коренных народов» [Сенатор Татьяна Кусайко напомнила…, 2018, ЭР].

Социально-экономические особенности

Социально-экономические возможности, по всей видимости, наименее выигрышны для регионального брендирования в силу объективных причин. В этом аспекте профиля Мурманской обл. выделяются только две характеристики, которые можно использовать или, во всяком случае, обыграть для формирования положительного имиджа: 1) Мурманская обл. как высокоурбанизированный регион России с долей городского населения более 92 % [Всероссийская перепись населения 2010 года, ЭР] и 2) как промышленный регион, обладающий богатейшими месторождениями минеральных ресурсов. В плане брендирования данные особенности представляют интерес для «внешних потребителей», в первую очередь иностранных, в основном как своеобразное «наследие Советского Союза»: «Советский Союз был страной крупных городов, а Русский Север даже в большей степени, чем остальная часть страны <…>, в северных регионах, таких как Мурманск, где расположен Северный морской флот и ряд поселений по добыче ресурсов, и в Ханты-Мансийском автономном округе, центре российского нефтяного сектора, более 90 % их населения классифицируется как городское» [Heleniak, 2017: 432–433]; «Самым крупным арктическим городом был (в советское время. — *О. Б.*) Мурманск, хотя сейчас он меньше Архангельска. Он остается крупнейшим городом к северу от полярного круга. Мурманская область является одним из наиболее урбанизированных регионов России с населением, сконцентрированным в городе Мурманске и многих небольших населенных пунктах»; «…города-побратимы Апатиты и Кировск имеют одни из самых богатых месторождений апатита в мире и обеспечивают большую часть советского спроса» [Там же: 435].

Лексические, визуальные и событийные инструменты брендирования

Посредством лексического инструмента брендирования, который некоторые исследователи также называют пиар-технологией, образы регионов создаются с помощью лексем (слов) [Малькова, Тишков, 2010: 16]. В зависимости от развернутости, художественности, метафоричности и других языковых средств на лексическом уровне бренды могут отражаться с различной степенью сложности. Простейшими примерами (простейшими — с точки зрения языка, а не образности) являются так называемые брендинговые слоганы: «Ковдор — столица Гипербореи», «Апатиты — наукоград», «Мурманск — форпост Арктики». Такие слоганы являются своего рода штампами, расхожими фразами, которые закрепляются в медийном дискурсе и широко используются в любых функциональных текстах, описывающих регион. Вместе с тем за каждым слоганом часто стоит своя «легенда», сюжетно-образное наполнение, которое можно развернуть сколь угодно широко в процессе мифотворчества.

Стихийное мифотворчество сопровождает любой процесс создания региональных образов и возникает из сплетения ассоциаций, исторических и фольклорных сюжетов, территориальной символики и пр., которые могут быть задействованы и культивированы в процессе брендирования края. Встречаются случаи и целенаправленного, осознанного мифотворчества, которое «приживается»

и популяризируется среди широкой аудитории, чему примером является «гиперборейский бренд» города Ковдора, который сводится к слогану «Ковдор — столица Гипербореи». «Гиперборейский бренд» возник совсем недавно — в 2018 г. благодаря журналисту, историку Алексею Венедиктову, который познакомился с «древними артефактами» в окрестностях города. Подобные артефакты люди, увлеченные мистическими теориями и идеей северной прародины человечества, считают «следами древней цивилизации», причиной гибели туристов в местах их расположения: «егерь (Вячеслав Тернов. — *О. Б.*) отмечает, что ему сильно повезло, ведь другие люди, которые находили дольмены и мегалиты, либо погибают, либо не возвращаются, пропадая без вести» [Загадки ковдорской Гипербореи, 2019, ЭР]. Гипотеза об остатках древней цивилизации в районе Ковдора обыгрывается названием города. Считается, что слово «Ковдор» происходит от саамского «кувт» — змея, поэтому в основу ковдорского бренда положен символ змéя, кусающего себя за хвост. Процесс мифотворчества «подтверждается» различными «документами», под которыми, как правило, понимают записки краеведов, позиционируемых как историков, исследователей: «Еще в 90-х годах ковдорский исследователь Валентина Попова обнаружила на обычном камне в городском парке руны в виде свернувшейся в кольцо змеи с таинственными знаками по телу. Разгадки этих древних письмен нет до сих пор» [Гиперборейский бренд…, 2018, ЭР]. Туристский бренд «Ковдор — столица Гипербореи» активно продвигается по линии развития регионального туризма. Формируются организованные туристические группы, разрабатываются туристические маршруты различной степени сложности, продумывается инфраструктура. В Ковдоре появились свои первые культурно-массовые мероприятия, повышающие имидж города (Гиперборейский Новый год [В Ковдоре во время праздника…, 2018, ЭР]), здесь проводятся знаковые фестивали и собрания (например, Съезд писателей-фантастов 19 апреля 2019 г.). С ковдорским брендом выступают на выездных фестивалях: так, в Сыктывкаре на XIII Межрегиональном фестивале детского и молодежного творчества «Сияние Севера» участники от Ковдора выступили в футболках с новым логотипом змеи, обвивающей Ковдор. Сейчас бренд распространяется далеко за пределы Мурманской обл., набирает популярность в соцсетях и в туристической сфере. «Ковдорский бренд» является примером туристического проекта, созданного практически «с нуля», что не помешало ему стать лауреатом национальной премии «Серебряный лучник» [Смотрите на канале «Россия 24»…, 2019, ЭР].

Наряду со слоганами и сопровождающим их создание процессом мифотворчества выделяют такое лексическое средство брендирования, как «визитная карточка». Визитная карточка — это, прежде всего, зрительный образ, фотография или любое символическое изображение, однако на уровне текста визитные карточки также могут находить свое выражение. В отношении Мурманской обл. встречаются самые разнообразные визитные карточки — от памятников и учреждений культуры до природных явлений и региональных праздников: «*Памятник Алеша* — визитная карточка Мурманска» [ЭР: Памятник Алеша…; Мемориал защитникам Заполярья…; Памятник Алеша — Памятник Защитникам…]; «В городе Мончегорск есть музей цветного камня. Его экспозицию открывает *аметистовая щетка* — визитная карточка Кольского полуострова» [Мурманская область (Россия — Северо-Запад), ЭР]; «Заполярье,

можно сказать, создано для тех, кто мечтает полюбоваться *северным сиянием*. Мурманскую область называют *краем полуночного солнца*. Скорее всего, потому что солнце ночью — это такое же чудо, как небо со звездами в зимний день во время полярной ночи, освещенное многоцветием северного сияния» [Там же]; «*Праздник Севера* — это уже 84-й праздник, о котором знают не только в нашей стране, но и во всем мире — визитная карточка Мурманской области» [Праздник Севера…, 2018, ЭР]; «Красота северной природы также привлекает в этот суровый край большое число туристов. Удивительные *горные пейзажи и красивые чистые озера* давно стали визитной карточкой этих мест» [Мурманская область — туризм в России, ЭР]; «*Семгу* — визитную карточку Мурманской области — необходимо сохранить» [Семгу — визитную карточку…, 2009, ЭР].

Более развернутым в плане описания и характеристики региона, по сравнению со слоганами и визитными карточками, является такой инструмент, как «позиционирование», в маркетинге означающий выбор наиболее выгодной позиции в сознании потребителей для создания бренда. Как правило, этим инструментом пользуются профессиональные создатели брендов, например, специалисты соответствующих органов региональной власти. Так, в профиле Мурманской обл. в документе «Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2010 года и на период до 2015 года» Мурманская обл. позиционируется как «центр развития Арктической зоны Российской Федерации»: «Таким образом, уместно ставить амбициозные, но вполне достижимые цели, связанные с позиционированием Мурманской области в статусе стратегического центра АЗРФ, а сущностную составляющую Мурманска, крупнейшего циркумполярного города мира, при определенных условиях наделять признаками «столицы» Арктической зоны Российской Федерации и Арктического региона в целом» [Стратегия социально-экономического развития…, 2013, ЭР]. Разработкой позиционирования занимаются и работники рекламной сферы. В 2014 г. агентство, работавшее над созданием бренда Мурманска, в своем портфолио оставило следующий текст, поясняющий основную идею, заложенную в разработку комплекта сувенирной продукции, брендбука, наружной рекламы, принципов использования логотипа и типографики в городской среде: «Уникальному городу — уникальный брендинг! Мурманск — это крупнейший расположенный за Полярным кругом населенный пункт в мире. Это последний город, основанный российским императором Николаем II. Это город, защитники которого во время Великой Отечественной войны отстояли северные рубежи страны. Это город, из которого сначала СССР, а теперь и Россия ведет освоение Арктики. В Мурманске сочетаются природные особенности (северное сияние, полярный день и полярная ночь), особый ритм жизни портового города и близость баз Северного флота ВМФ России» [Мурманск: разработка…, 2014, ЭР].

Популярным средством брендирования является логотип как специфический элемент визуализации бренда. Другими элементами визуализации брендов можно считать памятные знаки, архитектурные сооружения, городские знаки и транспаранты на границе муниципальных образований, региональные и городские художественные артефакты и т. д. При продвижении бренда «Мурманск — форпост России в Арктике» был разработан целый комплекс мероприятий, в том числе установлен памятный знак в рамках празднования столетия областной столицы (рис. 3) [Памятный знак…, ЭР].

Рис. 3. Памятный знак «Мурманск — форпост России в Арктике»

Специалисты дизайн-студии LINII Group, занимаясь разработкой логотипа Мурманска, изучили устойчивые представления о городе, его традициях, особенностях жизни и нашли визуальную идентичность города в его внешнем архитектурном облике: «В основу идентичности лег новый логотип Мурманска — состоящий из плотных тесно прижатых друг к другу («плечом к плечу») букв, составляющих слово «Мурманск», которые набраны фирменными цветами» [Как создавался бренд…, 2017, ЭР]. Для сравнения и пояснения визуальной идентичности далее (рис. 4) приводятся логотип и приметная цветовая гамма жилых домов Мурманска. В набор пиктограмм для брендбука вошли также достопримечательности: ледокол «Ленин», памятник «Алеша», Океанариум (рис. 5) — «визитные карточки» Мурманска, к которым авторы-разработчики причислили транспортные, культурные и природные объекты (северное сияние), местную кухню [Там же].

МУР
МАН
СК

Рис. 4. Логотип Мурманска [Как создавался бренд…, 2017, ЭР]

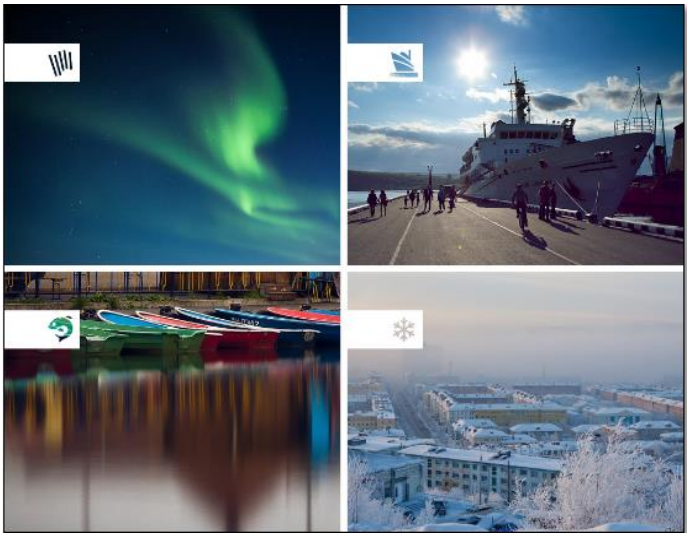

Рис. 5. Достопримечательности — «визитные карточки» Мурманска в наборе пиктограмм [Как создавался бренд…, 2017, ЭР]

Бренд Мурманска был неоднократно отмечен на различных конкурсах: в 2014 г. получил 1-е место на фестивале территориального брендинга OpenFest в Минске, в 2016 г. — диплом победителя конкурса «Туристический бренд — лучшие практики», в 2017 г. — 1-е место Национальной премии в области территориального маркетинга и брендинга [Кейс: как для Мурманска был создан…, 2017, ЭР]. Помимо интересного визуального решения, несомненным плюсом бренда является соответствие региональной идентичности, идее (позиционированию), отраженной в большинстве самопрезентаций области, понятной внешним потребителям и разделяемой жителями Мурманска и Мурманской обл.

Цветовая гамма логотипа Мурманска во многом повторяет туристский бренд Мурманской обл., выбранный по результатам открытого конкурса, который проводил и представил в 2007 г. на Международной научно-практической конференции «Современное состояние, проблемы и перспективы развития туристской индустрии в Мурманской области» областной департамент экономического развития. В основе логотипа этого бренда соблюдены некоторые природные и культурные символы Кольского п-ова: канозерские петроглифы и характерное для них изображение человечков, фигур оленей, рыбы (рис. 6) [Официальный туристический портал…, ЭР].

Рис. 6. Туристский бренд Мурманской обл.

Однако концепция бренда, отраженная в логотипе, остается непонятной для реципиента бренда без авторской трактовки. М. В. Ковтун, в то время зав. сектором межрегиональных экономических связей и развития туризма департамента экономического развития Мурманской обл., сообщила, что в основу данного туристского бренда заложен образ-символ древней пироги, «означающий изобилие, движение вперед, целеустремленность, водный простор и покорение водной стихии. В пирогу помещены люди, взявшиеся за руки, — символ гостеприимства и дружелюбности. Олени и рыба призваны отражать особенности нашего северного края». По замыслу автора Натальи Береговой, этот символ должен был формировать позитивный образ Мурманской обл. как «края с богатой историей, где люди жили издавна и находили это место для себя благодатным» [Туристический бренд региона…, ЭР]. Цвета логотипа призваны отражать символику кольской природы: «синий, голубой — вода, небо; теплые оттенки — цветной ковер тундры, уникальный по разнообразию и яркости; лиловый — цвет иван-чая, в изобилии произрастающий в нашей области» [Там же]. Логотип был взят за основу при оформлении официального туристического портала Мурманской обл., при создании рекламной продукции и мобильных выставочных стендов, однако не развился до уровня полноценного бренда, так как не получил достаточного продвижения в СМИ и сети Интернет и изначально мало отражал природно-географическую и историко-культурную специфику Мурманской обл., не подкреплялся «легендой», без чего, по сути, данное изображение является не более чем логотипом.

Аналогичная ситуация возникла с туристским брендом города Апатиты, выбранного в 2006 г. по итогам конкурса «Туристский брэнд города Апатиты». По всей видимости, на тот момент термин «бренд» был настолько мало употребим в сфере регионального государственного управления, что даже написание слова («брэнд») отличалось от общепринятого сейчас варианта. Отсутствовало также понимание, чем отличается бренд от логотипа. Конкурс не предполагал, что помимо изображения авторы должны предоставить концепцию бренда, свое видение идеи, заложенной в позиционирование города как туристической территории. Был выбран логотип, в котором можно было узнать образ Куйвы — персонажа ряда произведений саамского фольклора, географически относящихся к району оз. Сейдозеро (Ловозерские тундры). Логотип был размещен на баннере на гостинице «Аметист» вместе с слоганом «Апатиты — сердце Кольского края» (рис. 7), использовался на соревнованиях, выставках, на туристском буклете Апатитов, однако остался неизвестным как для горожан, так и для журналистов, не тиражировался и не продвигался в качестве бренда, другими словами, не выполнял свои функции. Если слоган в своей основе нес смысловую нагрузку и отражал географическую специфику Апатитского района, расположенного практически в центре Кольского п-ова, то образ Куйвы был незнаком большинству населения города и никак не ассоциировался с городом. В газетной публикации спустя два года после утверждения логотипа и слогана отмечалось: «Но какое отношение Куйва имеет к Апатитам? Загадка…» [Куйва нам поможет? Апатиты…, 2009, ЭР].

На событийном уровне формирование региональных брендов происходит в основном за счет продвижения культурно-массовых мероприятий: фестивалей, праздников, ежегодных выставок, спортивных соревнований, — любых событий, по которым идентифицируется регион и которые развиваются в рамках

направления событийного туризма. Большая часть событийных мероприятий Мурманской обл. отличается этнокультурным колоритом и связана с саамской или поморской культурами: День Умбы, День Варзуги, Праздник поморской козули, Фестиваль фольклора, Поморская гребная регата, Праздник Севера (День оленевода), Саамские игры, День саамского народа и др. (см., напр. [Сулейманова, Бодрова, 2017; Бодрова, 2018; Сулейманова, 2018]).

Рис. 7. Туристский бренд города Апатиты[4], 2009 г. Фото автора

Помимо этого, целый ряд мероприятий стал своеобразным брендом для того или иного района Мурманской обл. Так, для Апатитско-Кировского района это выставки-ярмарки «Имандра», «Каменный цветок», горнолыжный спуск «Хибины бикини» и пр. К событийному уровню региональных брендов Мурманской обл. часто также причисляют мероприятия, связанные с северной кухней. В 2014 и 2019 гг. на Кольском п-ове проходили съемки кулинарно-этнографической программы «Поедем, поедим!», в которой телеведущий Джон Уоррен участвовал в событийных мероприятиях, известных как бренды Мурманской обл.: играл в саамский футбол, кормил оленей, посетил северный океанариум, во вторую поездку — объекты общественного питания, туристические достопримечательности Мурманска, села Териберка и Кольского района [Мурманскую область снова покажут…, 2019, ЭР]. В конечном счете характер событийных мероприятий для регионального брендирования не имеет особого значения. На передний план выходит та «роль», которую может «сыграть» регион, позволяя приезжим гостям «примерить» на себя другую культуру, своего рода другую личность — как в театре: «А на «Саамских играх» можно познакомиться с древними традициями и обычаями лопарей, пострелять из арбалета, примерить национальные костюмы, посостязаться в ловкости и искусстве рыбной ловли, отведать горячей ухи, увидеть настоящий шаманский танец и увезти с собой на память чудесный сувенир, созданный

[4] На данный момент баннер с изображением Куйвы со стены гостиницы «Аметист» (г. Апатиты) снят.

руками саамских мастеров» [Мурманская область (б), ЭР]. Это один из аспектов «голливудизации» экономики [Визгалов, 2011: 14] — современного явления глобализированного общества.

Стабильное создание интересных и качественных культурных мероприятий, вовлекающих местную и внешнюю аудиторию, а также укрепление горизонтальных связей в профессиональной среде от музейного дела до дизайна рассматриваются как одно из возможных решений в развитии привлекательности северных городов России, в частности, эти вопросы обсуждались на сессии «Север как культурный бренд» во время проведения международного форума «Арктика: территория диалога» [Деловая программа, 2019, ЭР]. Значение регионального брендирования намного актуальнее, чем может показаться на первый взгляд. В аспекте рыночной экономики оно имеет значение как важное конкурентоспособное преимущество при использовании уникального историко-культурного потенциала территории для ее выделения среди других регионов, социально-экономического развития, в том числе за счет привлечения туристов, инвесторов, дополнительных финансовых вливаний в экономику области. Функционально жизнеспособные и активно продвигаемые территориальные бренды способны оказывать влияние на то, что, выражаясь языком социологов и экономистов, принято называть «качеством жизни». Антрополог видит социально-культурное значение регионального бренда, скорее, в укреплении и формировании этнической и региональной идентичности населения. О последнем, а также о развитии региональных брендов в Мурманской обл., распространении в медийном пространстве узнаваемого образа Кольского края свидетельствует, среди прочего, увеличение притока въездного и внутреннего туризма. По данным аналитического агентства «ТурСтат», в 2018 г. Мурманская обл. вошла в список лучших туристических регионов России, заняв 51-е[5] место с потоком туристов более 400 тыс. чел., включая иностранных гостей [Лучшие туристические…, 2019, ЭР].

Список источников

Всероссийская перепись населения 2010 года: в 11 т. Т. 1: Численность и размещение населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

В Ковдоре во время праздника встретят змея Ёрмунганда // Вечерний Мурманск. 2018. 20 ноября. URL: https://vmnews.ru/novosti/2018/11/20/v-samuiu-dolguiu-noch-goda-kovdor-vstretit-zmeia-ermunganda.

Гиперборейский бренд появился у Ковдора // Мурманский вестник. 2018. 13 ноября. URL: https://www.mvestnik.ru/newslent/giperborejskij-brend-poyavilsya-u-kovdora/.

Губернатор Марина Ковтун приняла участие в вечере чествования саамского народа «Самь пеййв» // Мурманский вестник. 2018. 6 февраля. URL: https://www.mvestnik.ru/newslent/gubernator-marina-kovtun-prinyala-uchastie-v-vechere-chestvovaniya-saamskogo-naroda-sam-pejjv/.

Деловая программа // Международный арктический форум «Арктика: территория диалога». 2019. 8–10 апреля. URL: https://forumarctica.ru/programme/business-programme/.

[5] На момент опубликования статьи статистика немного изменилась: Мурманская обл. занимает 52-е место.

Загадки ковдорской Гипербореи // ИА СеверПост.RU. 2019. 8 марта. URL: http://severpost.ru/read/76612/.

Казаки, ветераны и саамы предложили свои варианты названия аэропорта Мурманск // Мурманский вестник. 2018. 25 октября. URL: https://www.mvestnik.ru/newslent/kazaki-veterany-i-saamy-predlozhili-svoi-varianty-nazvaniya-aeroporta-murmansk/.

Как создавался бренд Мурманска, через 4 года признанный лучшим в России // Advertology. Ru. 2017. 1 ноября. URL: http://www.advertology.ru/article142699.htm.

Кейс: как для Мурманска был создан «лучший брендинг города» // Sostav.ru. 2017. 31 октября. URL: https://www.sostav.ru/publication/kejs-kak-murmansk-poluchil-zvanie-luchshim-brendom-goroda-28991.html.

Куйва нам поможет? Апатиты. Кому и для чего нужен брэнд города // Дважды два. 2009. 19 июня. URL: http://gazeta2x2.ru/?p=4575.

Лучшие туристические регионы России 2018 // ТурСтат: аналит. агентство. 2019. URL: http://turstat.com/toptravelrussiaregion2018.

Мемориал защитникам Заполярья «Алеша» (Мурманск). URL: https://wikimapia.org/1384973/ru/Мемориал-защитникам-Заполярья-«Алёша».

Мурманск: разработка бренда города // LINII Group. URL: https://ru.linii.group/portfolio/murmansk/.

Мурманск — форпост России в Арктике // АРКТИК-ТВ. 2014. 19 февраля. URL: https://xn----7sbhwjb3brd.xn--p1ai/news/analitika/murmansk--forpost-rossii-v-arktike.

Мурманская область (а) // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мурманская_область.

Мурманская область (б) / Федеральное агентство по туризму. URL: https://www.russiatourism.ru/contents/turism_v_rossii/severo-zapadnyy-fo/murmanskaya-oblast/.

Мурманская область (Россия — Северо-Запад) // Вотпуск.ru. URL: https://www.votpusk.ru/country/kurort.asp?CN=RU9&CT=RU74#ixzz5i2uHfU6W.

Мурманская область — туризм в России // Samovar.travel. URL: https://samovar.travel/region/murmanskaya-oblast/.

Мурманскую область снова покажут в популярной передаче телеканала НТВ «Поедем, поедим!» / Министерство развития промышленности и предпринимательства Мурманской обл.: офиц. сайт. 2019. 11 марта. URL: http://mrpp.gov-murman.ru/news/291209/.

Новая счастливая жизнь Териберки // РЕСТОРАНОВЕД. 2017. 14 июля. URL: http://restoranoved.ru/news/novaya-schastlivaya-zhizn-teriberki/.

О Мурманской области // Ассоциация средств массовой информации (АСМИ). URL: http://www.asmi-sz.ru/index.php/prezentatsii-regionov/238-o-murmanskoj-oblasti.

Общая информация о Мурманской области / Правительство Мурманской обл.: офиц. портал. URL: https://gov-murman.ru/region/.

Официальный туристический портал Мурманской области. URL: http://www.murmantourism.ru/.

Памятник Алеша // Sever.today. Мурманск. URL: http://sever.today/murmansk/dostoprimechatelnosti-murmanska/pamyatniki/pamyatnik-alyosha/.

Памятник Алеша — Памятник Защитникам Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны // ТРИПАДВИЗОР. Россия. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g298501-d3447313-r187245667-Alyosha Monument_Monument_of_the_Defenders_of_the_Soviet_Arctic_during_the_Great.html.

Памятный знак «Мурманск — форпост России в Арктике» // Rutraveller. URL: https://www.rutraveller.ru/place/118127.

Парад шамшур и другую национальную одежду можно было увидеть в Мурманске // Мурманский вестник. 2018. 27 ноября. URL: https://www.mvestnik.ru/our-home/parad-shamshur/.

Праздник Севера — 2018 в Мурманской области: программа соревнований // Комсомольская правда. URL: https://www.murmansk.kp.ru/daily/26810.7/3845575/.

Рыболовный туризм — золотой бренд Кольского полуострова. 2007. 12 октября. URL: https://ratanews.ru/news/news_12102007_4.stm.

Семгу — визитную карточку Мурманской области — необходимо сохранить // Телекомпания ТВ-21. 2009. 29 мая. URL: https://www.tv21.ru/news/2009/05/29/semgu--vizitnuyu-kartochku-murmanskoy-oblasti-neobhodimo-sohranit.

Сенатор Татьяна Кусайко напомнила о необходимости сохранения уникального национального достояния региона // Мурманский вестник. 2018. 9 августа URL: https://www.mvestnik.ru/newslent/senator-tatyana-kusajko-napomnila-o-neobhodimosti-sohraneniya-unikalnogo-nacionalnogo-dostoyaniya-regiona/.

Смотрите на канале «Россия 24» программу «Среда обитания» // Мурман. гос. телерадиокомпания. 2019. 13 марта. URL: http://murman.tv/news/2019/03/13/78500-smotrite-na-kanale-rossiya-24-programmu-sreda-obitaniya.html.

Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2010 года и на период до 2015 года: утв. постановлением Правительства Мурманской обл. от 25 дек. 2013 г. № 768-ПП/20 / Министерство экономического развития Мурманской обл.: офиц. сайт. 2013. URL: https://minec.gov-murman.ru/activities/strat_plan/sub02/ (дата обращения: 15.02.2018).

«Териберка. Новая жизнь» как новый бренд области // ИА «Би-порт». Новости. 2016. 15 июля. URL: https://b-port.com/culture/item/184547.html.

Туристический бренд региона призван формировать позитивный образ Мурманской области // ИА «Би-порт». Новости. 2007. 14 декабря. URL: https://b-port.com/index/item/14239.html.

У Териберки появился туристический бренд // Архангельск Пресса. 2017. 5 октября. URL: http://arhpress.ru/tourism/1373-u-teriberki-poyavilsya-turisticheskiy-brend.html.

Хоровод под звуки бубна // Мурманский вестник. 2018. 7 февраля. URL: https://www.mvestnik.ru/society/horovod-pod-zvuki-bubna/.

Список литературы

Бодрова О. А. «Поморский бренд» в культурно-массовой деятельности Мурманской области. К вопросу о социокультурном потенциале и практике регионального брендинга // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 15. С. 32–41.

Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.

Желнина З. Ю. Феномен сувениров в индустрии туризма и гостеприимства // Современные модели развития культурных индустрий в регионах России / под ред. М. Л. Магидович. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. С. 86–90.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.

Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Калуцков В. Н. Географические подходы к созданию историко-культурных образов // Культура и пространство. Кн. 2: Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой и В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 58–82.

Киричук С. М., Силин А. Н. Этнографический и экологический туризм в северном регионе: значимость и проблемы // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2013. № 3. С. 43–45.

Киселева А. Д. Роль культурного туризма и праздников коренных народов в развитии бренда Кольского полуострова // Арктический дизайн: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Мурманск: Изд-во МАГУ, 2016. С. 280–285.

Котлер Ф. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер [и др.]. СПб.: Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 382 с.

Малькова В. К., Тишков В. А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство. Кн. 2: Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 6–57.

Панкрухин А. П. Бренды и брендинг // Практический маркетинг. 2011. № 4 (170). С. 4–15.

Савельев Ю. В. Особенности формирования бренда территории на основе ее культурно-исторического наследия // Ученые записки Петрозавод. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 88–93.

Сулейманова О. А. «Праздник Севера и традиционный День оленевода»: к проблеме изучения культурно-массовой деятельности как формы актуализации этнокультурных традиций аборигенного населения Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 15. С. 42–52.

Сулейманова О. А., Бодрова О. А. «Саами приглашают»: культурно-массовые мероприятия как форма сохранения культурного наследия коренного населения Кольского Севера // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 11. С. 83–96.

Терещенко Е. Ю. Формирование бренда Мурманской области // Живущие на Севере: альманах. Мурманск: Изд-во МГГУ, 2012. С. 106–107.

Федоров П. В. Историко-культурный потенциал Мурманской области для туриндустрии // Живущие на Севере: альманах. Мурманск: Изд-во МГГУ, 2012. С. 104.

Холодилина Ю. Е., Сабирова Л. Ю. Этапы процесса формирования и продвижения бренда территории // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5. С. 94–97.

Якубова Т. Н., Крюкова А. П. Территориальный брендинг как инструмент развития региона // Молодой ученый. 2014. № 21. С. 484–488.

Heleniak T. Boom and bust: Population Change in Russia’s Arctic Cities // Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, Challenges / Ed. M. Laruelle, R. Ortung. Washington DC: George Washington University, 2017. P. 429–438.

Kavaratzis M., Ashworth G. City Branding: an Effective Assertion of Identity or a Transitory Marketing Trick? // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2005. Vol. 96, No. 5. P. 506–514.

Kotler P., Haider D., Rein I. Marketing Places: Attracting Investment Industry and Tourism to Cities, States and Nations. N. Y.: The Free Press, 1993. 388 p.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Bodrova Olga A.
PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.42-53
УДК 347.781:39(470.1/.2)"18/19"

М. В. Иванова, О. В. Шабалина

ИЗВОЗ И СОДЕРЖАНИЕ ПОЧТОВЫХ СТАНЦИЙ КАК ВИД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА (СААМОВ) В XIX В.

Аннотация

Предпринята попытка представить появление дополнительных или сопутствующих видов экономической деятельности коренного населения региона — извоза (извозничества) и содержания почтовых станций в проблемном поле экономической истории как части формировавшихся адаптационных навыков саамов к изменяющейся среде в широком понимании. Выявлен и рассмотрен широкий круг высокоинформативных опубликованных и архивных источников XVIII–XIX вв., позволивших определить два этноэкономических фактора, повлиявших на складывание такой исторической ситуации в экономике Кольского п-ова, когда именно саамы (лопари) стали основным субъектом перевозок, а гужевой (олений) транспорт в комбинации с водным транспортом создал коммуникационное пространство развития всех сфер жизнедеятельности Кольского п-ова в XVIII–XIX вв. Формирование системы передвижения грузов и пассажиров неизбежно создавало множество прямых и обратных связей, отражавшихся на состоянии общественно-экономического развития региона в указанный период.

Ключевые слова:

саамы (лопари), Кольский Север, извоз (извозничество), почтовый Кольский тракт, почтовые станции Кольского уезда.

Medeya V. Ivanova, Olga V. Shabalina

CARRYING AND MAINTENANCE OF POST HOUSES AS A KIND OF ECONOMIC ACTIVITY OF THE INDIGENOUS POPULATION OF THE KOLA PENINSULA (SÁMI) IN THE 19-th CENTURY

Abstract

The article attempts to present the emergence of additional or co-occurring economic activities of the indigenous population of the region — carrying (carrier's trade) and maintenance of post houses — in the problematic area of economic history as part of the Sámi`s fledgling adaptation to the changing environment in a broad sense. A rather wide range of highly informative published and archival sources of the 18th–

19th centuries was identified and considered, which allowed to identify two ethno-economic factors that influenced the development of such historical situation in the economy of the Kola Peninsula, when it was the Sámi (Lapps) who became the main subject of carrying, and the animal-drawn (deer) transport in combination with water-borne traffic created a communication space for the development of all spheres of life in the Kola Peninsula in the 18th–19th centuries. The formation of a system for carrying goods and passengers inevitably created many direct and back links that influenced the state of the socio-economic development of the region during this period.

Keywords:
Sámi (Lapps), Kola North, carrying (carrier's trade), Kola post road, post houses of the Kola district.

Кольский Север стал обживаться начиная с эпохи мезолита. Первыми сюда потянулись различные племена охотников и рыболовов. Они прибывали с территории Скандинавии, юга Европы и Северного Урала. Постепенно формировалось автохтонное население будущего культурного региона Лапландии — саами (лопари) и финны. Исторически территория Кольского п-ова считалась частью Лапландии — Русской (Российской) Лапландией. Являясь антропологически гетерогенными, саамы (лопари) в процессе обретения собственной культуры и идентичности вырабатывали приемы и традиции хозяйственной деятельности в условиях природно-ландшафтных особенностей в местах их поселения.

Изучение традиционных домохозяйств Кольского Севера осуществлялось преимущественно в дисциплинарных рамках этнографии и лаппонистики (лопаристики) и связано в основном с процессами формирования и функционирования, с культурной идентичностью, формами сохранения и адаптации историко-культурного наследия, проблемами и перспективами создания поликультурного регионального пространства [Киселев, Киселева, 1987; Куропятник, Куропятник, 1999; Лукьянченко, 1999; Гуцол и др., 2007; Бодрова, 2009; Пация, 2009; Кучинский, 2011; Разумова, 2013].

Немногочисленные исследования проблем экономического развития традиционных домохозяйств Кольского Севера в основном сводятся к анализу проблем трудоустройства на территориальных рынках труда [Виноградова, 2006]. Исследования в области этнического предпринимательства традиционных домохозяйств Кольского Севера фактически отсутствуют. Поэтому представляется оправданной попытка определить появление дополнительных или сопутствующих видов экономической деятельности коренного населения данного региона в проблемном поле экономической истории как части формировавшихся адаптационных навыков саамов к изменяющейся среде в широком понимании. Мы поддерживаем научное мнение, подвергающее критике распространенное априорное утверждение об однозначно разрушительном и ведущем к утрате культуры взаимодействия саамов с другими акторами социально-политических процессов в исторической ретроспективе на данной территории [Hansen, Olsen, 2014: 231; Куропятник, Куропятник, 2017]. Отрицая «дискурс виктимизации» аборигенного народа Кольского Севера, мы показываем на материале исторических источников выгодность для коренного населения появлявшихся в XVIII–XIX вв. экономических практик.

Различные общественно-политические интервенции в XVI–XIX вв. на территории Кольского п-ова потенцировали местных жителей адаптироваться к новым экономическим условиям. У коренного населения появилась возможность дополнительного заработка, не связанного с традиционным природопользованием:

обслуживание почтовых станций, извоз, сдача в аренду сенокосных угодий, охрана рыболовецких становищ на берегу Баренцева моря, заготовка дров. Развитие сопутствующих видов экономической деятельности складывалось под воздействием объективных и субъективных факторов и в результате позволяло получать дополнительный доход, покупать продукты питания и другие виды необходимых товаров.

Одним из наиболее доходных и востребованных направлений деятельности было «извозничество» [Харузин, 1890: 132]. Извозничество (извоз) получило развитие как нематериальный вид экономической деятельности и представляло собой услугу по перевозке грузов и людей по территории Кольского п-ова. Почему именно саамы (лопари) стали основным субъектом перевозок? Это обусловлено двумя основными факторами, которые можно определить как *этноэкономические.*

Во-первых, сказались особенности организации традиционного хозяйства, веками сложившиеся маршруты перекочевок между зимним и сезонным местом проживания, промыслово-собирательский образ жизни и наличие оленей. Саамская община представляла собой *распределенное домохозяйство (погост)*, которое объединяло места постоянного (зимнего) и временного (сезонного) проживания, а также маршруты перекочевок, родовые угодья, промысловые территории. Каждый погост имел четкую локацию с границами по естественным географическим ориентирам, таким как горы, озера, камни, реки [Львов, 1916: 64]. Необходимо отметить, что отдаленность летних становищ от зимних достигала десятки и сотни квадратных километров и саамы (лопари) ежегодно совершали переход на огромное расстояние без каких-либо дорог.

Во-вторых, сыграла свою роль «особая память» лопарей [Чарнолуский, 1930: 46], то есть исключительное знание местности и способность распознавать путь. Постоянное пребывание в тундре, на охоте, ежегодные объезды тундры для собирания своих стад выработали у саамов (лопарей) «особую память и привычку к своему краю, навык разбираться в тончайших очертаниях контуров лесов на горизонте и протяженности холмов в волнистом рельефе тундры», «по-видимому, и зрение их отличается способностью ясно видеть предметы в перспективе и воспроизводить их с помощью зрительной памяти с чрезвычайной точностью», — полагал В. В. Чарнолуский. Этнограф рассказывает о старике, который был слепым и «ездил в зимнее время в стадо», что указывает на развитие у лопарей «особого чутья местности». Лопари узнают дорогу с закрытыми глазами, по тем потряхиваниям на неровностях почвы, по которой они едут. «Несомненно, эту способность следует приписать ощущениям моторного ряда» [Чарнолуский, 1930: 46–48]. Кроме того, гораздо ранее, в источнике 1792 г., упоминаются способности лапландцев ориентироваться на местности с помощью определенных знаний-навыков: «…и если темно или дурная погода бывает, тогда смотрят по ветру, с какой стороны он дует, по которому и узнают они свою дорогу; когда же едут к югу и ветер дует с той стороны, то они прямо против него едут; если же бывает восточный ветер, тогда оставляют его в левой стороне, а если западный, то в правой. Они также узнают и по звездам свою дорогу; хотя и не имеют понятия об астрономии, но знают положения многих звезд и называют их разными именами» [Лем, 1792: 63]. По мнению В. П. Верещагина, лопари имеют «хорошее и довольно верное понятие о положении четырех стран света, и, по указаниям своих натуральных компасов, они спокойно могут кочевать по пустынным пространствам» [Верещагин, 1849: 63].

Фактически до строительства железной дороги на территории Кольского п-ова не было путей сообщения, кроме морских. «Дорога», или, точнее, «путь сообщения», в понимании лопарей находит специфическое дифференцированное отражение в четырех терминах: тропа; дорога между соседними селениями одного и того же наименования, след от которой заметен и летом; объезженная плотная зимняя дорога и свежая по первому снегу [Чарнолуский, 1930: 47].

В то же время, несмотря на изолированность от большой земли, Кольский п-ов в различные исторические периоды был в центре экономических интересов политиков, предпринимателей и других интересантов из различных стран. Спрос на услугу перевозки предъявляли служители церкви, чиновники, предприниматели, промышленники, колонисты, путешественники-исследователи. Усиление государственной власти на Кольском п-ове обусловило появление в начале XVIII в. государевой повинности — ямской гоньбы, то есть перевозки служилых людей и казенных грузов [Вигилев, 1979: 53]. Развитие торговли и промышленности, возникновение монополий, увеличивало спрос на перевозки со стороны предпринимателей [Иванова, Шабалина, 2017: 52]. По утверждению И. Ф. Ушакова, первоначально лопари разводили оленей почти исключительно для транспортных нужд. Продуктивное оленеводство стало развиваться у них лишь в XVIII в. [Ушаков, 1998: 34].

Описывая экономический быт лопарей, Н. Н. Харузин выделяет несколько различных занятий, которые позволяли лопарям получать небольшой дополнительный доход: извозничество, охрана рыболовецких станов, рубка леса и заготовка дров, выделка кожи, судостроение (экостровские лопари). С точки зрения доходности на первом месте, по его подсчетам, стояло извозничество: зимой — на оленях, летом — на лодке по «дорогам» и рекам, соединяющим погосты. По сведениям Н. Н. Харузина, «летом проезжих в Лапландию почти не бывает». Сообщение поддерживалось между населенными пунктами вдоль берега Белого моря и Северного океана проходящим пароходом. В глубь полуострова не было смысла передвигаться, так как погосты пусты (в силу особенностей организации традиционного хозяйства коренных жителей). Зимой все, кому нужно пройти в погосты, доезжали до Кандалакши, а оттуда уже совершали на оленях свои поездки внутрь страны либо через Колу, либо минуя ее. Весной, пока еще лежит снег, поморы передвигались от своих становищ на Белом море в глубь Лапландии, к своим становищам на Мурманском берегу. Поморы доходили до ст. Разноволоцкой, а затем лопари перевозили часть из них в Колу и дальше, а часть — прямо в становища, не заезжая в Колу. Несмотря на низкую плату, которая бралась за провоз, лопари в общей сложности получали довольно значительный доход от этого занятия. По данным Н. Н. Харузина: в 1883 г. — 3805 руб. 50 коп., в 1884 г. — 5800 руб., в 1885 г. — 5890 руб., в 1886 г. — 2298 руб. [Харузин, 1890: 132–133].

В 1849 г. были опубликованы «Очерки Архангельской губернии» авторства преподавателя истории и географии в различных училищах Архангельской губернии Василия Петровича Верещагина (1827–1851). Этот труд был высоко оценен современниками [Верещагин, 1851]. В. П. Верещагин на правах очевидца (а в случае с появлявшимися в XIX в. этнографическими описаниями культуры и быта лопарей (саамов) — это весомый аргумент в пользу достоверности наблюдений) описывает сборы лопаря в путь, его средства передвижения. Он констатирует, что собирался лопарь в путь очень споро, так как путешествовал всегда налегке, даже если отправлялся за сотни верст. Лопарь запрягал в сани

по одному оленю (рис. 1). Сани были очень похожи па половину маленькой лодки; они сшивались из тоненьких дощечек, прибитых к ребрам, как в лодках; под санями проходила во всю их длину широкая доска, как киль, и служила для того, чтобы сани «не слишком повертывались на снегу». Эти сани называются «*керисом*, или *кережею* и *кережкою*, по произношению Русских». Керис в длину был не более 2,5 аршина, в ширину — 1,5. «Для управления оленем служит одна только возжа, которая привязывается к рогам: перекидывая эту возжу на правый или на левый бок оленя, лопарь заставляет приученное к этому животное бежать или останавливаться. Для понуждения оленей не употребляется ни плети, ни палки; чтоб принудить оленя бежать быстрее, довольно будет прихлопнуть по боку его возжею, или прикрикнуть» [Верещагин, 1849: 59–61].

Рис. 1. Сборы лопаря в дорогу.
Из книги «Очерки Архангельской губернии [Верещагин, 1849: 60]

Закончив сборы, лопарь едет к заранее условленному месту, не разбирая пути, не задавая себе вопроса: какова будет дорога? И это очень естественно, по мнению В. П. Верещагина: «ибо в Лапландии нет, да и быть не может, постоянных дорог; для Лопаря там и дорога, где он едет. За него нечего опасаться, что он заблудится: родныя пустыни ему так же хорошо знакомы, как для нас улицы своего города». Значительный снежный покров не являлся для оленя серьезным препятствием, так как он, «наделенный широкими копытами, не вязнет в снегу, а легкий керис, подмазанный еще смолою, неслышно скользит по снегу, и путешествующий Лопарь, свесив правую ногу на левый край кериса, заботится только, чтоб сохранить равновесие своего шаткаго экипажа» [Верещагин, 1849: 61–62].

Весьма важно, что «кочевому Лопарю <…> не нужно запасаться и брать с собою корм для оленя, какое бы дальнее путешествие не предстояло. Олень обладает чрезвычайно тонким обонянием. Как бы ни глубок был снег, он узнает, есть ли под ним мох; найдя такое место, он быстро раскидывает снег передними ногами, добирается до своей пищи и углубляется в снег так, что его почти не видно; вместо воды олень ест или, пожалуй, пьет снег» [Верещагин, 1849: 63].

Что касается ситуации с путями сообщения на Кольском п-ове в середине XIX в., а точнее в 1856 г., то достаточно полно она представлена в «Архангельском сборнике, или материалах для подробного описания Архангельской губернии, собранных из отдельных статей, помещенных в разное время в Архангельских губернских ведомостях» [Архангельский сборник, кн. 2, 1863]. Тот факт, что в описываемое время одним из наиболее затруднительных почтовых сообщений в губернии было сообщение с Колой, объяснялся «местными, почти непреодолимыми неудобствами, поставляемыми северною природою». Регулярная почтовая гоньба от Архангельска через Кольский острог до «Дацкого рубежа» была организована 15 апреля 1704 г. по указу Петра I. Под руководством капитана Никиты Басаргина на Кольском п-ове было устроено 64 стана на пути в 1124 версты. На каждом стане разместили по два стрельца для скорой почтовой гоньбы. В тяжелых природных условиях, без достаточного корма для лошадей несли они свою службу. Почта доставлялась летом пешком, а зимой — на лыжах. И все же, несмотря на нечеловеческие условия гоньбы, письма от Архангельска до пограничного города Вардегуз (ныне — город Варде в норвежской области Финнмарк) шли менее трех недель [Вигилев, 1979: 53]. По прошествии более чем полутора столетий на Кольском п-ове ситуация с путями сообщения не изменилась: «Казенные пакеты и другия известия из Колы достигают до Архангельска не ранее 3-х недель». Но коренным образом изменилась политика властей в организации обслуживания почтовых станций: «…содержатели станций, Лопари» [Архангельский сборник, кн. 1: 93, 1863].

Пространство, разделяющее Архангельск и Колу, описывалось как «пустынныя, то болотистыя, то песчаныя места, многочисленныя переправы чрез реки и наконец перемена сухопутнаго пути на водяной». Преодолевать это пространство предписывалось «в кережках, подпрягаемых оленями <…>, переезды на лодках чрез реки и озера, встречающияся на пути, и местами неизбежное путешествие пешком по почтовой тропинке, могущее последовать в глубокое ненастье». Если летний путь от Архангельска до Онеги пролегал на пространстве 232 верст по местам болотистым, тундристым и песчаным и был «неудобен для проезда в больших экипажах», то от Онеги «езда на колесах вовсе прекращается» [Архангельский сборник, кн. 2: 283, 1863].

За Онегой летом сухопутного тракта не существовало. «Почты и проезжающие в Колу, до селения Кандалакши ездят водою, а далее местами на лодках чрез реки и озера, местами пешком по почтовой тропинке». На станциях по Кольскому тракту до Онеги содержалось по 4 лошади, от Онеги до Кандалакши — по 2. От Кандалакши до Колы на расстоянии 213 верст было учреждено 7 станций, где вместо лошадей имелись по 4 оленя (рис. 2). Эти олени использовались только зимой. Летом содержатели станций лопари обязаны были все тяжести, «как почтовыя, так и проезжающих», переносить на себе (см. рис. 3). Поверстная плата — с лошади по 1,5 копейки серебром. Два оленя заменяли одну лошадь [Архангельский сборник, кн. 1: 93, 1863].

Осенью «затруднения» в пути увеличивались, так как дороги повреждались от ненастья, реки замерзали. Часто езда на пространстве из Кеми в Колу прекращалась на три или на четыре недели. Во время зимы езда производилась «до Онеги гусем в обыкновенных санях; отсюда к Кеми в особенных узких санях; которыя употребляются для проезда и от Кеми к Коле до Зашеечной станции, но без отводов, которые по узкой дороге, заросшей молодым лесом, проходить

не могут». От Зашеечной станции до города Колы передвигались на оленях в кережках или болках[6], продолжая путь от одной станции до другой (рис. 4), расположенных в зимних Лопарских селениях (погостах), «а частию в устроенных для сего избах, по льду рек, озер и болот, и чрез крутыя каменистыя горы» [Архангельский сборник, кн. 2: 283–285, 1863]. Перегоны между станциями от 18 до 35 верст. Почтовая дорога, так же как и проселочные между селениями, в Лапландии, не пролегала постоянно по одному и тому же месту; каждый ехал где удобнее, «лишь бы миновать глубокие сугробы, ориентируясь на приметныя горы, деревья и овраги. Одна мятель можетъ затруднить опытнаго ездока». В кережку садился только один человек, или клали до 5 пудов клади. Провожатый ехал впереди на особой кережке, остальные за ним. Обоз из нескольких кережек назывался *райда*; провожатый — *райдник*. При спуске райды с крутых гор, повод каждаго оленя привязывался к корме предшествующей кережки; из задней выпрягали хорошо объезженного оленя и, привязав повод его к корме этой кережки, соединяли с предпоследней. Таким образом, каждый олень удерживал предшествующую кережку, а задний — две последние. Чтобы сохранить полоз кережки и придать ее ходу по насту большую легкость, дно ее обливали водой. Средняя скорость езды «с малою кладью» составляла от 8 до 9 верст в час — «скорость, не превышающая самой посредственной рыси лошади» [Архангельский сборник, кн. 1: 93–95, 1863].

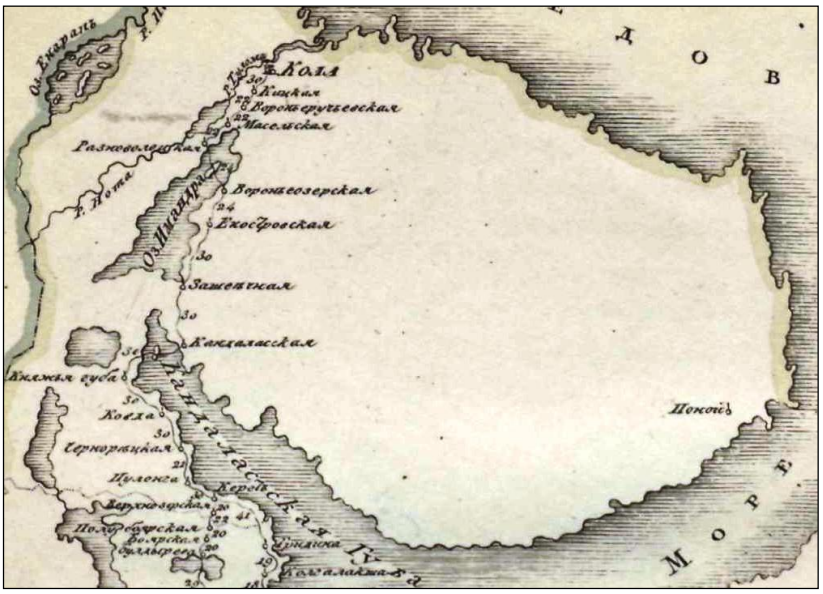

Рис. 2. Карта Кольского п-ова с нанесенными на нее почтовой дорогой и станциями: Кандалакшская, Зашеечная, Екостровская, Вороньеозерская, Разноволоцкая, Масельская, Вороньеручьевская, Кицкая, Кола. (из книги «Карманной почтовый атлас всей Российской Империи, разделенной на губернии: с показанием главных почтовых дорог») [Атлас, 1808: 1])

[6] «Для почетных проезжающих накладывают на кережку волчек, чрез что образуется экипаж, называемый болок, — род нашей кибитки» [Архангельский сборник, кн. 1: 95, 1863].

Рис. 3. Пути сообщения (фото из книги «Северный край. Иллюстрированный альбом Архангельской губернии: посвящается бывшему архангельскому губернатору Ивану Васильевичу Сосновскому» [Северный край, 1914: 27])

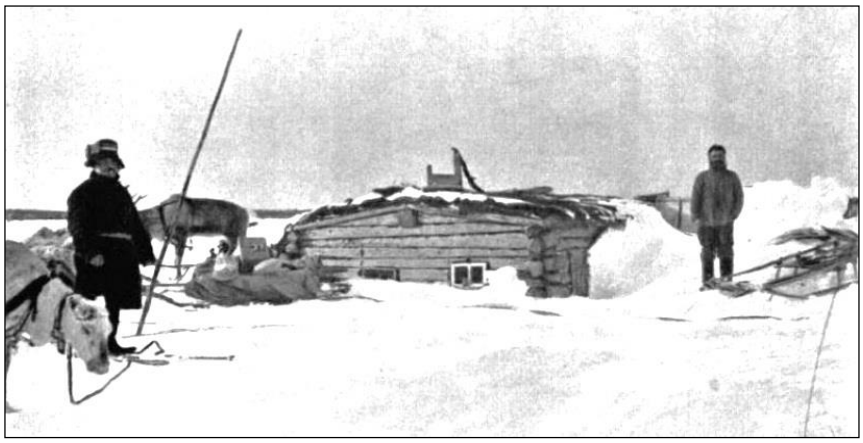

Рис. 4. Зимний полустанок (фото из книги «Северный край. Иллюстрированный альбом Архангельской губернии: посвящается бывшему архангельскому губернатору Ивану Васильевичу Сосновскому» [Северный край, 1914: 29])

Весной пути сообщения с Колой представлялись не менее затруднительными, чем осенью. Из Кеми в Колу почта не отправлялась с конца апреля до середины июня. В Кольском уезде имелось 13 почтовых станций, на которых содержалось в зимнее время 12 лошадей и 28 оленей, а летом — 13 карбасов [Архангельский сборник, 1863, Кн. 2: 285–286].

В январе 1879 г. в документе, адресованном в Управление Вологодского телеграфного округа архангельским губернатором (1871–1880), старшим советником Н. П. Игнатьевым сообщались данные, которые свидетельствовали, что ситуация не изменилась за истекшие 23 года: от Кандалакши до Колы дорог вовсе нет. Из 223 верст между этими пунктами — 162,5 версты по рекам и озерам, 60,5 верст нужно было пройти пешком. По Мурманскому побережью летом сообщение на лодках, шняках, елах, зимой — на оленях по тундре [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 4659. Л. 3, 3 об., 4, 5].

В фонде № И-52 «Кольско-Лопарское волостное правление» (1868–1917 гг.) Государственного архива Мурманской обл. (ГОКУ ГАМО, Мурманск) достаточно полно представлены статистические сведения, ведомости о количестве сельских обществ, о численности и составе населения, о занятиях и экономическом положении крестьян, о рыбных и звериных промыслах, лесной охоте, скотоводстве, отхожих промыслах, торговле, натуральных повинностях. Фонд также содержит потенциальные источники по проблеме изучения экономической динамики традиционного хозяйства коренного населения Кольского п-ова — саамов в указанный период [Иванова и др., 2017: 66]. Два документа в данном фонде содержат сведения, позволяющие оценить организацию государственного регулирования такого вида экономической деятельности, как содержание почтовых станций в Кольско-Лопарской волости, и те проблемы, которые приходилось преодолевать лопарям (саамам), чтобы продолжать заниматься своей доходной традиционной отраслью в последней четверти XIX в.

В прошении к Кольскому исправнику № 714 от ноября 1874 г. сообщается, что на имя волостного старшины в сентябре было отправлено объявление о назначении «в 7 число сего ноября торгах с переторжкою чрез 3 дня, на отдачу содержания Лопарских-Земских Станций Кицкой, Масельской, Разноволоцкой, Экостровской, Зашеечной, Нотозерской, Мотовской, Печенской, Пазрецкой, Кильдинской и Воронежской, для вызова желающих торговатся, о распупликовании этого объявления, между Лопарями названных погостов» [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 81. Л. 3–3 об.]. Старшина сделал распоряжение через трех сельских старост и десятских. Далее следует напоминание, «на каком обширном Пространстве разкинуты Кольско-Лопарская волость. Единственныя обитатели которой есть кочующия Лопари, которые в осеннее время никогда не живут вместе, а отдельно семья от семьи по принятым ими ранее обычаем и по видам осенних промыслов, они живут на большом один от другого на расстоянии, так что проезд с их жилища в осеннее время не только сопряжен с большими трудностями, но даже при бурливой осени невозможен» [ГАМО. Ф. И-52. Оп.1. Д. 81. Л. 3 об.–4]. Кроме того, сообщалось, что «все Лопари, обитающия внутри Волости, не умеют грамоты, почему объявления о торгах на станции если получены кем-либо из Лопарей, но всетаки не достигли своего назначения, до разстолкования их между Лопарями грамотным человеком» [ГАМО. Ф. И-52. Оп.1. Д. 81. Л. 4]. Поэтому, считает автор документа, весьма естественно, что в назначенный срок для торгов по поводу отдачи станций на содержание никто из Лопарей кроме двух доверенных лиц от ближайших погостов явиться не имел возможности. «Следовательно, назначение торгов на упомянутые Станции в такой период времени, когда обитатели местных станций не могут явиться в место, где назначены торги, неминуемо повлечет к возвышению цен за станции, со стороны Кольских торговцев. С тем вместе к увеличению со всего населения Волости сборов на содержание всех вообще станций» [ГАМО. Ф. И-52. Оп.1. Д. 81. Л. 4 об.]. Поэтому Волостное

правление покорнейше просило назначить новые сроки торгов на отдачу в содержание упомянутых станций «с 6 будущаго декабря месяца, когда доверенные от лопарских погостов могут явится на торги» [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 81. Л. 4 об.].

Второй документ, по сути, дополняет предыдущий. Волостной старшина 22 ноября 1874 г. сообщает о желании лопарей Кольско-Лопарской волости Пазрецкого и Печенгского погостов «принять в новое содержание на трехлетие с 1875 года местные их две Станции, Печенскую и Пазрецкую, так как эти станции, в истекающем трехлетии находятся в содержании тех же лопарей, которые послучаю осенней распуты, немогли своевременно явится на торги на 7 и 11 числа ноября в Кольское Полицейское управление наотдачу тех станций в содержание, и как объявления о торгах, получены были ими поздно: причем они ходатайствуя об оставлении за ними в содержании упомянутых 2х станций Печенской и Пазрецкой принимают их в свое содержание созбавкою с цены последней выпрошенной на переторжке по 15 р. в год со станции, а завсе трехлетие за две станции 90 руб.». Волостной старшина просит поддержать ходатайство лопарей, находя его справедливым [ГАМО Ф. И-52. Оп. 1. Д. 81. Л. 8–9].

Таким образом, выявленные и рассмотренные источники XVIII–XIX вв. позволили определить этноэкономические факторы, повлиявшие на то, что на Кольском п-ове исторически сложилась ситуация, в которой коренные жители саамы (лопари) стали заниматься перевозками. Это занятие стало устойчиво сопутствовать их основной экономической деятельности. Гужевой (олений) транспорт в сочетании с водным транспортом создали коммуникационное пространство развития всех сфер жизнедеятельности на данной территории в XVIII–XIX вв. Формирование системы передвижения грузов и пассажиров неизбежно создавало множество прямых и обратных связей, которые отражались на состоянии общественно-экономического развития региона в указанный период.

Список источников

РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 4659. Л. 3, 3 об., 4, 5.

ГОКУ ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 81. Л. 8–9.

ГОКУ ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 81. Л. 3–4 об.

Список литературы

Архангельский сборник, или Материалы для подробного описания Архангельской губернии, собранные из отдельных статей, помещенных в разное время в Архангельских губернских ведомостях: в 6 ч. Ч. 1. Архангельск: Губ. тип., 1863. Кн. 1. 524 с.

Архангельский сборник, или Материалы для подробного описания Архангельской губернии, собранные из отдельных статей, помещенных в разное время в Архангельских губернских ведомостях: в 6 ч. Ч. 1. Архангельск: Губ. тип., 1863. Кн. 2. 312 с.

Бодрова О. А. Саамская культура сквозь призму «колониальной этнографии» (к проблеме жанровой природы этнографической литературы) // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: Проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 90–99.

Верещагин В. П. [Некролог] // Северная пчела. 1851. № 144 (30 июня). С. 574.

Верещагин В. П. Очерки Архангельской губернии. СПб.: Тип. Якова Трея, 1849. 408 с.

Вигилев А. Н. История отечественной почты. Часть 2. М.: Связь, 1979. 160 с.

Виноградова С. Н. Формирование политики северного региона на рынке труда в отношении коренных малочисленных народов (на примере Мурманской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. 23 с.

Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. 86 с.

Иванова М. В., Казакова К. С., Шабалина О. В. Опыт социоэкономического и культурного развития Арктической зоны РФ в XVIII — начале XX вв.: к разработке источниковой базы исследования // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8, № 9–12. С. 61–76.

Иванова М. В., Шабалина О. В. Социально-экономические аспекты исторического освоения Кольского полуострова // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4 (55). С. 50–59.

Карманной почтовый атлас всей Российской Империи, разделенной на губернии: с показанием главных почтовых дорог: сочинен гравирован и печатан в 1808 году при Собственном Его Императорскаго величества Депо карт в Санкт-Петербурге. СПб., 1808. 36 л.

Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. 208 с.

Куропятник А. И., Куропятник М. С. Саамы: контексты и интерпретации социальных и культурных изменений // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 226–229.

Куропятник М. С, Куропятник А. И. Саамы: современные тенденции этносоциального и правового развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II, вып. 4. С. 172–177.

Кучинский М. Г. Саами Мурманской области: очерк современного положения // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 114–128.

Лем К. Новыя и достоверныя известия о лапландцах в Финмархии, о их языке, обрядах, нравах и о прежде бывшем языческом их законе / пер. с датскаго профессором лапландскаго языка Кнуд-Лемсом на немецкой; А с онаго на российской сржнтм. Андрм. Врдвм.; Любопытное и полезное чтение. М.: Тип. Исаака Н. Зедербана, 1792. 136 с.

Лукьянченко Т. В. Саамы // Коренные малочисленные народы Севера и Сибири / под ред. Д. А. Функа, Л. Силланпяя. Вааса: Ун-т Академии Або, 1999. 173 с.

Львов В. Н. Русская Лапландия и русские лопари: географический и этнографический очерк. 3-е изд. М.: Типо-литография Русского т-ва печатного и издательского дела, 1916. 96 с.

Пация Е. Я. Традиционная саамская пища в восприятии и оценках переселенцев на Кольском полуострове // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 99–112.

Разумова И. А. Гендерная стереотипия в контексте этнокультурной ситуации: женщины-саами в русской этнографии // Вестник Кольского научного центра РАН. 2013. № 3. С. 50–56.

Северный край. Иллюстрированный альбом Архангельской губернии: посвящается бывшему архангельскому губернатору Ивану Васильевичу Сосновскому. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборн, 1914. 8 с., 77 л.

Ушаков И. Ф. Избранные произведения: историко-краеведческие исследования: в 3 т. Т. 2: Кольский Север в досоветское время. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. 368 с.

Харузин Н. Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание Государственного Русского Географического Общества, 1930. 176 с.

Hansen Lars Ivar, Olsen Bjørnar. Hunters in Transition. An Outline of Early Sámi History. Leiden & Boston: Brill, 2014. 402 p.

Сведения об авторах

Иванова Медея Владимировна
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Шабалина Ольга Вячеславовна
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Ivanova Medeya V.
Dr. Sci. (Economics), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

Shabalina Olga V.
PhD (History), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.53-67
УДК 930.253(98)

О. В. Змеева

СТРАЖНИКИ МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА (1915–1916 гг.)[7]

Аннотация

Рассматривается система организации социального порядка в районе строительства Мурманской железной дороги (1915–1916 гг.). Магистраль, построенная в Первую мировую войну, осуществляла транспортировку грузов на условиях временной эксплуатации. Спонтанно организованные этнические и локальные общности рабочих

[7] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

требовали усиленного внимания со стороны управляющих и контролирующих служб. Выявлено, что установленная руководством регламентированная система правил, предназначенная для сотрудников охранной службы, с одной стороны, и проблемы повседневного взаимодействия работников и нарушения стражниками основ координации, с другой стороны, привели к установлению на объекте социального порядка, дестабилизирующего социальную систему.

Ключевые слова:
Мурманская железная дорога, охрана, горцы, кавказцы, Инструкция стражникам, нормативное регулирование, социальный порядок, временная социальная общность.

Olga V. Zmeyeva

GUARDS OF MURMAN RAILWAY: REGULATION OF RELATIONS AND FORMATION OF ETHNOSOCIAL ORDER (1915–1916)

Abstract

The article is devoted to consideration the system of organization of social order in the area of construction of the Murmansk railway (1915–1916). The railway, which was built in the situation of the First world war, carried out the transportation of goods on the basis temporary service. Ethnic and local communities were organized spontaneously. They required increased attention from the management and supervisory authority. Management has established a system of rules for the security service. There were problems with the day-to-day interaction of workers and the guards' violation of the basics of coordination. Both of these facts led to the establishment of a social order on the railway, which destabilized the social system.

Keywords:
Murmansk railway, guards, highlanders, Caucasians, instructions to guards, legal regulation, social order, temporary social community of people.

Введение

Участие России в Первой мировой войне вынудило правительство реализовать один из планов сооружения нового военного порта на побережье Кольского залива и подведения к нему железнодорожной линии. Обстоятельства войны, блокировка западных и южных морских путей, недостаточная транспортная обеспеченность страны и практически полное отсутствие железнодорожного сообщения с портами Белого и Баренцева морей определили перспективы «захолустного» Мурмана. Край, к которому царское правительство относилось с «пренебрежением» [Паустовский, 1985: 352], с началом Первой мировой войны стал местом последней крупнейшей императорской стройки (о значении магистрали для Европейского Севера России, Карелии и Кольского п-ова см.: [Дубровская, Кораблев, 2017: 116–117]).

За подготовительный период, с 1871 по 1912 гг., многие предложенные варианты возведения железной дороги были отвергнуты. В результате предпочтение было отдано проекту, соединяющему столицу империи с берегом Кольского залива через Лодейное поле, Свирь, Петрозаводск, Сороку, Кемь, Кандалакшу, Колу (о разнообразии проектов см.: [Голубев, 2011: 47–64, Дубровская, Кораблев, 2017: 82–92]). Этот вариант учитывал, во-первых, национальные интересы, отрицая, например, ведение линии по территории Великого княжества Финляндского, во-вторых, военно-стратегические факторы, обеспечивая короткий и относительно безопасный путь и, наконец, социально-экономические потребности районов, территории которых связывала железная дорога.

«Первая лопата земли была взята в начале июня 1915 года» [Мурманская…, 1916: 23]. Скорость строительства железной дороги стала важнейшим результирующим фактором, так что на качество постройки, по сути, не обращали внимания. В частности, строительство на участке Петрозаводск — Сорока было завершено 17 декабря 1915 г., а открытие сквозного движения состоялось 3 ноября 1916 г. [Голубев, 2011: 134–135; Дубровская, Кораблев, 2017: 111–113]. Главным для руководства страны и Управления работ по постройке Мурманской железной дороги (далее — Управление) была реализация цели — обеспечить связь центра России с незамерзающим океаническим портом, имеющим равно и военное, и торговое назначение.

На протяжении XIX столетия дебаты о железнодорожном освоении России отражали динамику представлений о территории страны сначала как о политическом, затем — экономическом и далее — культурном и промышленном пространствах [Шенк, 2016: 42–154]. Скорость строительства Великого северного пути — в среднем по 52,5 км в месяц [Федоров, 2009: 160], проблемы стабильного функционирования и загруженности маршрута, связывающего Петроград и порты Баренцева моря, отодвинули дискуссии о пространственном регулировании на послевоенное время, оставив лишь военно-стратегическую рефлексию. Система государственного взаимодействия центра с северной окраиной работала в первую очередь на военные потребности. Результатом была построенная в кратчайшие сроки железнодорожная линия, которая обеспечивала транспортировку людей и грузов лишь на условиях временной эксплуатации. Сооружение дороги как временной было в данных обстоятельствах вынужденной мерой, готовые участки линии не были закончены, о чем непременно докладывалось Николаю II. В сообщении Императору об объединении участков пути Кола — Кандалакша министр путей сообщения А. Ф. Трепов писал: «Все усилия строителей напряженно направлены к дальнейшей работе по укреплению временных сооружений и обращению их в постоянные» [ГОКУ ГАМО. Ф. И-72. Оп. 1. Д. 13. Л. 202 об.].

Временный характер стройки, «незавершенность» объектов, к которым регулярно возвращались участники строительства, укрепляя, поправляя, переделывая, повлияли на формирование «коллектива» строителей дороги. Он состоял из нескольких локально-территориальных, этнических и профессиональных общностей и часто действовал как совокупность временных социальных групп.

Организация этносоциального порядка

Современники описывали район строительства как пространство бездорожья, «безлюдного края с массой болот» и нетронутым труднопроходимым лесом. Отдаленность и малонаселенность территории позволили рассматривать ее как местность, движение по которой осуществлялось строго установленным путем. Строительство осуществлялось линейно, с юга на север, с одной стороны, и с севера на юг — с другой. Отклонения от этого вектора считались маловероятными, так как условия, с которыми столкнулись прибывшие на стройку рабочие, не были для них привлекательны даже в летний период. Более того, при заключении договора у работника «отбирался паспорт, который он не имел права требовать до истечения срока найма» [цит. по: Дубровская, Кораблев, 2017: 104].

Для того чтобы выполнить обязательства по завершению объекта, Управлению необходимо было исключить диверсии и всевозможные срывы работ. Мобилизация рабочей силы в необжитое пространство представляла проблему, которая частично решалась за счет отсутствия отбора рабочих, частично — путем привлечения военнопленных. Принимали тех, кто изъявил желание участвовать в строительстве, и тех, кого удалось завербовать. Однако сохранить рабочую силу на месте не всегда получалось. К такому развитию ситуации руководство не было готово: «Громадное большинство людей, несмотря на усиленное предложение оставаться на линии, уезжало на родину» [Мурманская…, 1916: 64]. Дестабилизировать запланированный порядок могли разные группы — как этнические, так и социальные. Так, подполковник Беринг в рапорте от 4 июля 1916 г., адресованном заведующему жандармским надзором Петроградского жандармского полицейского управления железных дорог на участке Сорока — Кандалакша, сообщал: «Стражники здесь необходимы не только для охраны пленных, но и для охраны касс, артельщиков, мостов, конторы участков и дистанций, старших начальствующих лиц дороги, так как среди рабочего элемента, привезенного из Сибири, имеются ссыльно-поселенные и так называемая сибирская «шпана», способная на все» [НАРК. Ф 320. Оп 3. Д. 45/362. Л. 62–62 об.]. Условием функционирования новой социальной системы стало «осуществление контроля за процессами размещения и интеграции одними и теми же или тесно взаимосвязанными ролями и наделение достаточной властью и престижем самих этих ролей и механизмов, регулирующих распределение власти и престижа» [Парсонс, 2000: 197].

Увеличение числа иностранных подданных[8], беженцев, а также случаев побега военнопленных и вольнонаемных рабочих, этнических и религиозных конфликтов привели к необходимости координации действий всех участников строительства. Руководство приняло простое решение — увеличить численность охраны. И столкнулось с уже известной проблемой — отсутствием подходящих людей, из которых формировалась полицейская стража. Еще до начала земляных работ на Мурманской железной дороге, 30 мая 1915 г., олонецкий губернатор М. Зубовский в телеграмме помощнику начальника Управления по постройке железнодорожной линии Петрозаводск — Кемь сообщал, что «вообще не оказалось желающих поступить на службу, так как в настоящее время самый плохой чернорабочий получает за свой труд значительно больше полицейского урядника» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/25. Л. 4]. Сложности в комплектовании охраны на всех участках и в течение всего времени строительства были обычным

[8] Наиболее крупные группы иностранных рабочих: военнопленные австро-венгерского и немецкого подданства, китайцы, канадцы. Сведения о работавших на линии военнопленных различны. В официальном отчете о строительстве Мурманской железной дороги речь идет о приблизительной цифре — до 25 тыс. чел. к 1 сентября 1916 г. [Мурманская…, 1916: 69]. По подсчетам А. А. Голубева — около 35 тыс. чел. на 1 февраля 1917 г. [Голубев, 2011: 119]. Р. Нахтигаль приводит данные о наибольшей концентрации военнопленных на линии к осени 1916 г. — 40 тыс. чел. [Нахтигаль, 2011: 119]. В «Справке к докладу Счетного Отдела от 13-го января 1917 г.», со ссылкой на сведения, полученные от Жандармского Управления, приведена конкретная цифра — 24 635 военнопленных [НАРК Ф.320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156], китайцев — около 10 тыс. чел., канадцев — около 500 чел. [Мурманская…, 1916: 69–70].

явлением. Железнодорожная охрана формировалась из числа вольнонаемных или завербованных, на работу принимались старые рекруты, уволенные из полков по болезни, инвалиды-участники войны и т. д. Реальные функции охраны людей и объектов на местах несли представители нижних чинов — стражники.

Стража в дореволюционной России — орган охраны [Большая советская энциклопедия, ЭР]. Стражником в Российской империи XIX–XX вв. считался низший полицейский чин — в специальных видах стражи (таможенной, пограничной, сельской, земской) или служащий — «в сельской местности» [Большой энциклопедический словарь, ЭР]. Стражник — это «один из служителей стражи» [Даль, 1994, 4: 564]. Синонимы: «страж, сторож, караульщик, безотлучный насмотрщик, блюститель, надзиратель, часовой» [Там же].

Охрана Мурманской железной дороги включала этнически разнообразные команды стражников, среди которых были русские, лезгины, черкесы, чеченцы, ингуши, киргизы. К январю 1917 г., по данным, полученным от Жандармского Управления, на железнодорожной линии находилось 3220 стражников [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156]. Расчет сотрудников, необходимых для службы в охране, в 1915 г. производился, «считая 1 человека стражи на 30 военнопленных» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/28. Л. 16–16 об.; Агамирзоев, 2008: 22]. Позднее правила расчета изменились. В «Справке к докладу Счетного Отдела от 13-го января 1917 г.» мы обнаруживаем другой принцип: 1 стражник на 10 военнопленных, плюс 1 тыс. стражников, необходимых на линии «согласно постановления Особого Комитета, для охраны касс, сопровождения артельщиков» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156].

Охрана делилась на команды и распределялась по участкам пути. У команды стражников была определенная иерархия: взводный, старший стражник, дежурный по команде, стражники. Они имели военное подчинение и несли военно-полицейскую службу, для отражения вооруженного нападения могли использовать как холодное, так и огнестрельное оружие.

Управление, приняв решение об увеличении численности охраны и формируя ее «из кавказских народностей», создавало таким образом «терпимые условия» сосуществования разных этнических групп, а именно подданных Российской империи, китайских граждан, военнопленных австро-венгерского и германского подданств.

Формируя «армию» рабочих, в которой к производственным отношениям добавилось смешение «языков, привычек и требований» разных «народностей» мира, руководство пыталось упорядочить систему взаимодействия в этом искусственно созданном обществе [Мурманская…, 1916: 71]. Одним из способов регулирования социальных отношений стала разработка новых и опора на уже существующие нормативно-правовые документы, которые регламентируют взаимодействия отдельных групп. К содержанию одного такого документа, который устанавливал способы взаимодействия начальствующих лиц и подчиненных: начальников, охранников, рабочих железнодорожной линии, — мы и обратимся.

Регулирование социальных отношений

Стражники, выполнявшие функции охраны людей и объектов, должны были действовать в соответствии с нормативным документом. Он был разработан специально для группы лиц, которым предписано нести службу на участках и дистанциях военно-стратегического объекта — Мурманской железной дороги.

Определяющее права и регламентирующее действия охраны руководство имело название: «Инструкция стражникам, находящимся на постройке Мурманской железной дороги» [НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 180–190 об., то же: Ф. 320. Оп. 3. Д. 7/43. Л. 14–24] (далее — Инструкция).

Структура документа

Инструкция состояла из пяти частей, каждая из которых, в свою очередь, структурирована и разбита на более мелкие, пронумерованные фрагменты. Основными элементами нормативного документа являлись:

- общие обязанности стражников;
- о дисциплине;
- общие обязанности стражников при охране постов и военнопленных;
- об употреблении в дело оружия;
- о дисциплинарных взысканиях, налагаемых на стражников.

В Инструкции определены: функции человека, выполняющего обязанности стражника: установлен перечень лиц, с которыми ему предстояло взаимодействовать; обозначена иерархия, в структуру которой включена должность. Кроме того, в документе представлен набор потенциальных социальных взаимодействий сотрудника охраны с другими участниками строительства, руководящим составом, и прочими лицами, с которыми стражнику, возможно, предстояло контактировать. Любые его коммуникации, поступки и действия могли иметь негативные последствия в целом для органа охраны и всего Управления. Поэтому в Инструкции действия стражника имели разрешающий, предупреждающий, предписывающий, запрещающий и/или ограничивающий характер.

О статусе, правилах вступления в должность, военной службе

И в названии, и в тексте самого документа используется понятие «стражник», которое означает принадлежность к социальному статусу, не предполагая иных, обыденных, значений. Стражник — это название должности, включенной в систему воинских чинов. В Инструкции использовался и синоним — «часовой». Значимость действий часового усиливалась, по сравнению со «стражником», за счет несения службы «на посту с винтовкой». Функции часового были связаны с охраной объекта, который здесь конкретизирован: это место, или пост. Часовому предписано не оставлять свой пост до тех пор, пока он «не будет сменен или снят, хотя бы жизни его угрожала опасность» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 185].

Определяющим и необходимым условием для вступления в должность являлось добровольное желание претендента исполнять обязанности стражника. С одной стороны, у человека была возможность выбора деятельности, он оставался наемным рабочим, вступающим в должность «по собственному желанию», за ним закреплялись оговоренные служебные обязательства, он получал ежемесячное жалование за выполненную работу и мог оставить службу, написав заявление (или рапорт) об увольнении. С другой стороны, служба стражником именно на строительстве Мурманской железной дороги позволяла работникам охраны считать себя участниками военных действий. Такой идентификации способствовало приравнивание службы стражником на Мурманской железной дороге к «действительной службе в войсках» [НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 180]. Более того, поступающий на работу в охрану человек должен был дать «перед Богом» присягу о службе Государю и родине о защите их интересов. Публичное

социальное действие, в основе которого обещание «Богу, Государю и Родине» сохранять верность, соблюдать определенные обязанности, укрепляло намерение стражников поступить на военную службу. В отсутствие местной рабочей силы привлечение к строительству дороги военнопленных различного этнического происхождения привносило в тыловую деятельность смысл военных действий[9].

Приступая к исполнению обязанностей стражник должен был ориентироваться на Устав гарнизонной службы. Инструкция отсылает читателя к отдельным пунктам Устава, регламентирующим внешний вид, порядок действий выходящего на пост, систему караулов. Стражнику предписано быть «чисто и по форме одетым», при выходе на пост «надеть поясной ремень с патронными сумками, свистком, осмотреть и зарядить винтовку и поставить затвор на предохранительный взвод» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 184].

Подчинение стражника вышестоящему представлено в документе в виде перечня должностей и возможных способов взаимодействия. Вертикаль власти для нижнего полицейского чина: старший стражник, жандармский унтер-офицер, «в районе которого стражник несет службу»; начальники: приставы отделений, дистанций, участков, движения, служб Тяги и Пути, отделения и самого Жандармского Управления; помощники начальника работ и, собственно, начальник работ [Там же: Л. 181].

Безусловное подчинение стражника чинам жандармской полиции имело функциональную направленность и определяло полицейско-строевые отношения. Инструкция обязывала его исполнять все их «указания». Исполнив распоряжение, стражник должен был доложить о выполнении «своему старшему» [Там же: Л. 180 об.].

Состав команды стражников

Группа стражников не была однородной, внутри нее существовала иерархия. У каждой команды был непосредственный начальник — заведующий командой. Один из стражников назначался старшим, он так и назывался — старший стражник, в его обязанности входило наблюдение «за правильным несением службы», чистотой и порядком в помещении для стражников. «Старший» становился помощником заведующего командой, ему подчинялся караул у мостов. В каждой группе, кроме старшего, назначался дежурный по команде, функции которого заключались в соблюдении порядка, сохранении «приличного» поведения команды в казарме. Общие задачи для непосредственных начальников команды стражников в Инструкции затем детализируются. Разработанная система исполнения ролей, закрепленная на бумаге: назначение стражников на посты — задача старшего по команде, разведение их на места службы — дело разводящего, — не функционировала должным образом в ситуациях реального распределения обязанностей. Стражник, исполняющий роль «старшего», в каждом конкретном случае мог способствовать дестабилизации запланированной Инструкцией иерархической системы охраны.

---

[9] Привлечение военнопленных на строительство линии Петрозаводск — Сорока началось в 1915 г. Первая группа военнопленных — 8100 человек (славяне, чехи, русины, словаки). К концу лета на Мурманскую линию было отправлено еще 2100 военнопленных [Мурманская…, 1916: 65]. Всего военнопленных к 1 сентября 1916 г. насчитывалось около 25 тысяч человек (в 1916 г. пленные набирались преимущественно из немцев и мадьяр) [Там же: 69].

«Начальников» у стражника оставалось много. В логике составителей документа есть непоследовательность. Функции, которые в тексте Инструкции вначале четко распределены между старшим, дежурным и разводящим, на следующих страницах делегированы тем лицам, которые тоже имели право назначить стражника «на пост или на службу». Таковыми являлись местный жандармский унтер-офицер, заведующий командой, пристав участка, начальник жандармского отделения и Управления, «которых стражник обязан знать в лицо» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 186].

Качества сотрудника охраны, бытовой и военный этикет

Общие требования, предъявляемые к выполнению функциональных обязанностей стражника, составители Инструкции дополнили необходимым, по их мнению, набором личных и деловых качеств человека. Данная информация приводится в документе с целью облегчения «всех тягот службы». Стражнику следует быть вежливым, дисциплинированным, добросовестным, аккуратным, стойким и терпеливым, а когда складываются обстоятельства, обязывающие его «с оружием в руках защищать ГОСУДАРЯ и Родину», ему необходимо быть храбрым. Находясь на посту или на службе, следует «стоять бодро».

Успешности исполнения обязанностей способствовало строгое следование установленному военному и бытовому этикету. Так, при взаимодействии с частным лицом, которое могло обратиться к с вопросом, стражник должен, «вступая в разговор, приветствовать это лицо, приложив руку к головному убору или сняв убор». В случае появления в помещении людей, которые окажутся старше, ему предписано вставать, «без их разрешения стражник не имеет права садиться, а при разговоре не должен перебивать лиц, говорящих с ним» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 183 об.]. Действия в казарме, кроме соблюдения «приличного» поведения, обязывали стражников «быть без шапок, не сквернословить, не нарушать покоя отдыхающих, не плевать на пол, не курить в тех комнатах, где стоят кровати» [Там же: Л. 182 об.].

Поскольку служба стражника приравнивалась к военной, отдельный пункт инструкции посвящен «употреблению в дело оружия». Оружие, боевые припасы, снаряжение и обмундирование ему предписано «особенно оберегать». Если существует возможность избежать применения оружия, стражнику необходимо это сделать. Способами действия в этих случаях являются призыв на помощь и увещевание. Стражник мог использовать оружие только в определенных ситуациях: при отражении вооруженного нападения, при покушении на безопасность железнодорожного движения (нападении на поезд и других объектов, порче рельсового пути, похищении имущества), в случае побега военнопленных или «при открытом с их стороны возмущении», при попытке бегства задержанного злоумышленника [НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 189].

В случае применения оружия стражник должен доложить начальству об этом факте, а начальник, в свою очередь, обязан приступить к расследованию. Если выяснится, что стражник использовал оружие в ситуации, которая позволяла прибегнуть к другим действиям, он подвергался уголовной ответственности [Там же: Л. 189 об.].

Функциональные обязанности стражника: надзор за военнопленными

Функциями стражника являлись охрана объектов, расположенных вдоль железной дороги и принадлежащих Управлению, наблюдение за военнопленными и рабочими. Его обязанности — «охрана сооружений дороги, как-то: мостов, складов, касс и т. п., наблюдение за правильностью исполнения военнопленными распоряжений технической администрации дорог и успешностью работ их на участках, наблюдение за порядком среди них, предупреждение и пресечение побегов, а также сопровождение пленных на работы» [Там же: Л. 185].

Рабочее время сотрудников охраны железной дороги зависело от времени года и распределялось равномерно в течение суток. На посту часовые несли службу караульным порядком и сменялись три раза в сутки, в зимнее время, «при морозах», продолжительность службы на постах сокращалась [Там же: Л. 184]. Решение об оставлении поста стражник принимал в том случае, если «его временный уход не угрожает охраняемому посту и когда он своим приходом может оказать помощь посту или лицу, которому угрожает опасность от злоумышленников» [Там же: Л. 185–185 об.].

В документе приведены способы обращения охранников с военнопленными. Особым условием взаимодействия с военнопленными считалась гуманность. Аргументация благодушного отношения к пленным основывалась на том, что сегодняшние пленные — это не бывшие участники военных действий, а действующие (пусть и не в местах ведения боя) и законные «защитники своего Отечества». Граждане воющих с Российской империей государств были привлечены для земельных и плотничных работ, чтобы избежать «бездеятельного проживания пленных в концентрационных лагерях» [Мурманская…, 1916: 65]. Поскольку военнопленные выполняли работы на объекте, который, по сути, представлял собою государственный заказ, их не имели права привлекать на частные работы. В функции охраны входил «ближайший надзор» за военнопленными на рабочем месте и в местах отдыха с обязательным контролем их деятельности. В частности, они не должны были «позволять играть в карты, пить спиртные напитки и производить безпорядки» [НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 184 об.]. Стражнику не следовало каким-либо способом воздействовать на военнопленного, даже в случае обнаружения или нежелания последнего работать. В подобных ситуациях ему стоило доложить о нарушениях ближайшему начальнику.

Что касается потенциальных социальных взаимодействий стражника и окружающих, выделялся его ближайший круг, то есть тех, кому можно доверять, и тех, с кем необходимо быть осторожным. К первым относились представители службы охраны, которым рекомендовалось поддерживать между собою «товарищеские отношения», избегать конфликтов, «недоразумения разрешать миролюбиво» [Там же: Л. 182 об.]. Ко второй группе относились люди, называемые «посторонними», которые могли оказаться «злонамеренными» личностями. Задача стражника — не попасть под их влияние [Там же: Л. 182]. Чтобы избежать подобного, ему не следовало приглашать в казарму посторонних, а если его «будут подговаривать или предлагать что-либо противозаконное, должен задержать и сдать своему непосредственному начальнику» [Там же].

Функциональные обязанности стражника: наблюдение за «объектами»

Действия стражников регламентировались также в ситуациях наблюдения за «объектами дороги», самыми важными из которых являлись поезда, мосты, водокачки и кассы. Стоящий на посту охранник имел возможность отойти «от указанного места в обе стороны не далее 20 шагов для наблюдения за прилегающей местностью» [Там же: Л. 186 об.]. Были запрещены любые другие действия: «спать, есть, пить, курить, петь, разговаривать или принимать что-либо от посторонних лиц, отправлять естественную надобность и выпускать из рук оружие, а тем более отдавать его кому бы то ни было, за исключением ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА» [НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 185 об.–186].

Охраняющие мост люди особое внимание должны были уделять проходящим по нему транспортным средствам, предотвращая возможные несчастные случаи. Так, часовой обязан не допустить пожар, «заботливо туша оставшиеся непотухшими по проходе поезда искры» [Там же: Л. 187]. Все его действия направлены на предотвращение злодеяний потенциальных правонарушителей. Наблюдая за проходящим поездом, он обязан следить за предметами, выброшенными из состава на полотно моста. Найденный предмет стражнику предписано «представить старшему в караул» [Там же].

На земельных участках, прилегающих к железнодорожному пути, устанавливалась «полоса отчуждения», в пределах которой часовой не должен был допускать «никаких сборищ, стрельбы, разведения костров, ловли рыбы, прогулов и каких бы то ни было работ, земляных или подземных без письменного на то разрешения местнаго Начальника Пути» [Там же: Л. 187 об.].

Наблюдение за мостом и путевым проводом имеет такое значение, что оговариваются детали любого движения вокруг объекта, которое стражнику необходимо остановить. Перемещения людей на баржах, плотах и лодках, приближение или причаливание их к берегу «ближе 100 шагов с обеих сторон моста» не допустимы. Более того, продвижение людей под мостом по реке или по льду разрешалось только в случае, если оно осуществлялось без остановки и без оставления чего-либо в обозначенном районе [Там же: Л. 187].

Пристальному наблюдению со стороны стражников подвергались «водоподъемные здания», к которым было запрещено подпускать кого-либо на расстояние ближе 50 шагов, «за исключением машинистов». Машинистам, артельным старостам и железнодорожным мастерам делегированы полномочия наблюдать за рабочими в указанном пространстве «для исправления какой-либо порчи водокачек» [Там же: Л. 188].

Еще один особо охраняемый объект — кассы. Кассу необходимо охранять от нападения злоумышленников, «стоя во время выдачи денег внутри комнаты, а по закрытии снаружи у дверей» [Там же]. Доступ к кассе был открыт только казначею и его помощникам.

Отпуск, дисциплинарные взыскания, увольнение

В нормативном документе определены не только обязательства стражника на службе, но и способы проведения им свободного времени. Понятие свободного времени, судя по Инструкции, весьма условно, так как стражник, даже отдыхая, продолжает исполнять обязанности. Ему предписано «быть должным во всякую

минуту, в случае надобности, явиться на службу, а потому совершенно свободным он может себя считать только получив разрешение на отлучку из казармы» [НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 181–181 об.].

Стражник имел возможность получить отпуск после 6 месяцев службы. При желании уволиться ему было необходимо «подать докладную записку заведывающему командой через своего ближайшего начальника, приурочивая таковую к наступающему 1 и 15 числу каждого месяца» [Там же: Л. 183].

Охранники подвергались дисциплинарным взысканиям за несоблюдение правил караульной службы и правил, установленных начальством, за неодобряемое поведение. В случаях, когда дисциплинарные меры не возымели действия, стражника увольняли. «Замечания, выговоры и аресты объявляются начальником Жандармскаго Управления, Отделений и Заведывающим командой, а увольнение от службы осуществляется приказом по дороге по сообщению Начальника Жандармскаго Управления» [НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 190]. Если же действия охранника имеют «важные последствия», «повлекут за собою убытки казны», «выяснится злой умысел или преступная небрежность», предписывалось отдать его под суд.

Дисциплинарные взыскания для нижних чинов охранной стражи — это устные или письменные замечания, выговоры, арест не более 15 суток, увольнение [Там же: Л. 189 об.–190]. Обязательному увольнению подлежали стражники за следующие проступки:

«1. За нетрезвость при исполнении службы и появление в нетрезвом виде в казарме или на улице в форменной одежде.

2. За самовольную отлучку из казарм.

3. За воровство.

4. За неисполнение приказаний своего начальства и дерзкое отношение к нему.

5. За нарушение особых обязанностей караульной службы, т. е. таких обязанностей, ради которых учрежден караул» [Там же: Л. 190].

Взыскания на стражников накладывали «ближайшие» руководители, а главы участков дистанций сообщали о провинившихся Начальнику отделения, который и принимал решение о дальнейшей судьбе сотрудника — наложить взыскание или ходатайствовать об увольнении виновного перед Начальником Жандармского Управления.

Стражники Мурманской железной дороги: установление социального порядка

Многочисленные упоминания о службе в охране представителей Кавказа и Средней Азии связаны с нарушениями практически каждого пункта Инструкции. Набор в стражники черкесов, ингушей, чеченцев, лезгин, киргизов и др. на первый взгляд казался необдуманным решением Управления. Аргументация выглядела просто: русские не хотели работать стражниками, поэтому комплектация службы охраны осуществлялась мотивированными «кавказцами». Т. И. Трошина считает, что для охранных целей на север были отправлены «горские части, предположительно из Владикавказа» [Трошина, 2014: 160]. В документах, описывающих взаимодействия охраны с окружающими людьми, часто используются обобщения этнического характера. О стражниках говорят как о группе кавказцев или кавказских горцев/инородцев. Перечисленные в документах ситуации включают этнические стереотипы, характерные для этой категории стражников. Они «невероятно ленивы»,

«нечистоплотны», «малоразвиты», «неграмотны», «по-русски не говорят», «не пользуются авторитетом».

Стражников не хватало, и вербовка на службу осуществлялась регулярно. Потребность в большем количестве охранников возрастала в связи с увеличением числа рабочих практически на всех участках пути: «Ожидается прибытие еще 3000 пленных и 2000 китайцев. Если это так, то просимых мною телеграммой за № 385-м от 21-го июля сего года 300 стражников мало и необходимо добавить по крайней мере еще 200 человек» [НАРК. Ф. 320. Оп 3. Д. 45/362. Л. 62–62 об.].

Спонтанно организованная структура, включавшая вольнонаемных и военнопленных, начальников и охранников, местных и приезжих, постоянно привлекала внимание руководства. Проблемы возникали не только с климатической, но с социально-культурной адаптацией участников строительства. Совместное проживание представителей различных этнических групп нередко приводило к конфликтам: чехи не желали жить вместе с немцами, финны держались обособленно, китайцы не хотели жить и работать вместе с мусульманами, а русские и мусульмане — с китайцами [Мурманская…, 1916: 67–70]. Конечно, стражники не являлись исключением и сами оказывались в проблемных ситуациях. Отношения обострялись как внутри групп охраны, так и во взаимодействиях стражников с другими работниками.

Конфликтные ситуации возникали по различным поводам между этническими группами, вольнонаемными и военнопленными. В качестве основного препятствия для обеспечения успешного социального взаимодействия руководство признало коммуникативную проблему. Языковой барьер оставался непреодолимым для тех этнических групп, которые не пользовались в общении русским или немецким языком. Не понимающими языки руководство называло венгров и «кавказцев» [Там же]. Если учесть тот факт, что большая часть охраны была сформирована из горских народностей, которые плохо понимали русский язык и практически не говорили на нем, то случаи массовых нарушений Инструкции, составленной на русском языке, не вызывают удивления. Коммуникационные проблемы являлись основным препятствием для инструктирования и обучения сотрудников охраны.

Языковые трудности Управление не могло разрешить. Привлечение переводчиков при составлении документов и для обеспечения повседневного общения, использование этнического принципа распределения рабочих на участках и в помещениях не имели должного результата и часто приводили к анклавизации работников.

Наибольшие усилия руководство направляло на удовлетворение базовых потребностей этнических групп. К базовым относилась, в частности, необходимость своевременного снабжения рабочих привычными для них предметами обихода и продуктами. Так, китайцев обеспечивали «чашками и палочками для еды, особой обувью (кожаные башмаки и суконные туфли), теплой одеждой и проч.», а финнов — маслом и кофе [Мурманская…, 1916: 67, 70]. Дополнительные трудности создавали религиозные убеждения отдельных групп и соответствующие ритуалы. Естественно, Управление обращало внимание на отклонения, которые могли нарушить весь процесс. Участниками подобных ситуаций снова являлись сотрудники охраны. Самые известные сюжеты — это отказы мусульман употреблять в пищу мясо коров, «*убитых на обыкновенной бойне*», и использовать телеги для перевозки мяса, разделанного «по своему способу», которые ранее использовались для перевозки продуктов русскими рабочими [Там же: 72], а также соблюдение мусульманами обязательного летнего поста. На Крайнем Севере в период

полярного дня, когда солнце не заходит за горизонт, соблюдающие Рамазан «оказываются в трагическом положении». Фактически «магометане» в Заполярье вынуждены были голодать круглосуточно. Голодовка из-за незаходящего солнца была устранена путем перевода последователей мусульманской веры в те районы, где оно «закрывалось на некоторое время лесами или горами» [Там же].

Трудности, связанные с обеспечением условий совместного проживания, с доставкой продовольствия, как правило, преодолевались. Для решения продовольственной проблемы привлекали аборигенное население. С саамами заключали договоры о доставке оленины к месту строительства [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 140/1089].

Казалось бы, руководство пользовалось любой возможностью обеспечить достойные условия труда рабочим, пыталось разрешить отдельные конфликты, удовлетворить бытовые потребности этнических групп. Помогать в этом начальству должны были сотрудники охраны, которые по Инструкции обязаны быть «храбрыми», «вежливыми», «добросовестными», «аккуратными». Однако в действительности часто складывались ситуации, которые поддерживали и усиливали конфликтогенность социальной среды, их участниками становились «горцы».

Общение стражников с местным населением, военнопленными, вольнонаемными и начальниками оставалось поверхностным. Межэтнические отношения опирались на статусы отдельных этнических групп. При этом представители охраны одновременно находились в положении подчиненных и начальников. В качестве нижних чинов они подчинялись всем вышестоящим начальникам воинских чинов, а в качестве группы стражников занимали позиции старших во взаимодействиях с военнопленными и вольнонаемными рабочими.

Охрана пленных немцев, венгров и австрийцев в представлении стражников-горцев не предполагала вербального взаимодействия. Стражники не признавали «европейского языка», а также иного способа воздействия на охраняемый объект, кроме силы [Мурманская…, 1916: 71]. Ее символом стала нагайка: «Черкесы-же и жандармы в некоторых пунктах не признают другой меры наказания, … чем вызывают озлобление со стороны пленных, особенно сильны были жалобы на побои [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д.117/914. Л. 191]. Мотивация стражников оказывалась вполне понятной. С одной стороны, Управление требовало от подчиненных соблюдения порядка и сглаживания конфликтов, с другой — стражники использовали универсальный язык силы по отношению к военнопленным. Это позволяло им балансировать в условиях принятых ими должностных обязанностей и вместе с тем расширять свои полномочия. Эффективное использование «этнического предмета», особого ударного оружия, употребление которого, кстати, не предусмотрено Инструкцией, а значит, и не грозило наказанием, позволяло стражникам-горцам формировать властные отношения среди участников строительства и устанавливать социальный порядок во временном сообществе по своему усмотрению.

Отношения между стражниками и рабочими развивались по типу неуставных армейских отношений. Трансформация осуществлялась естественным образом, и усиливалась она благодаря привлечению родственно-этнических связей. «Я Ингуш и могу представить на эту службу сколько Вам потребуется своих единородцев ингушей, — писал Министру путей сообщения уроженец села Плиево Назрановского округа Терской области Темир Султан Бацаевич Плиев. — При сем прилагаю удостоверение моего Начальства о том, что я раньше служил охранником и исполнял свои обязанности аккуратно и добросовестно» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 68/531. Л. 33].

На регулирование статусных отношений влиял этнический фактор. Незнание языка позволило стражникам нарушать инструкции, создавать отклонения в социальной системе. В результате стражники смогли избегать предписанных им конкретных действий, считая себя свободными от исполнения прямых обязанностей. «Как и в других типах систем действия, невозможно, чтобы осуществляемые акторами выборы были случайными и в то же время образовывали хорошо организованную и функционирующую социальную систему» [Парсонс, 2000: 197]. Систематическое нарушение сотрудниками охраны, т. е. представителями надзорного органа, основ координации и без того малоэффективного временного сообщества способствовало ослаблению интеграции социальной системы.

Такое поведение трактовалось начальниками как проявление «полного своеволия» и нарушение консенсуального принципа функциональности сообщества. Многочисленные жалобы на поведение стражников, несоблюдение ими должностных инструкций, правил коллективного проживания вынуждали начальников участков использовать административный ресурс. Практическая его реализация заключалась в прошениях и требованиях: а) этнического перераспределения (заменить стражников-кавказцев на русских или хотя бы русскоязычных); б) территориального перемещения подчиненных (выселить за пределы проведения работ соответствующего участка); в) полного отстранения стражника от службы, т. е. увольнения. Социальная система, таким образом, противостояла дисфункциям, нарушающим ее устойчивость, пыталась сохранить баланс, используя стабилизирующую функцию социальных норм: «Регулирование всех этих процессов распределения и выполнения функций, благодаря которому система или подсистема продолжает действовать достаточно интегрированно, невозможно без некоторой системы, определяющей роли и санкции за конформность или отклоняющиеся действия» [Парсонс, 2000: 197].

В условиях военного положения стражникам необходимо было нести ответственность за охрану стратегического объекта. Кавказцы, инородцы «из горных аулов», нарушали запланированный Управлением социальный порядок и устанавливали свой, базирующийся на традиционных этнических правилах.

Список сокращений

ГОКУ ГАМО — Государственный архив Мурманской обл.

НАРК — Национальный архив Республики Карелия

Список источников

ГОКУ ГАМО. Ф. И-72. Оп. 1. Д. 13.

НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/25.

НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/28.

НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 7/43.

НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 62–62 об.

НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 68/531. Л. 33.

НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 117/914. Л. 191.

НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 140/1089.

Список литературы

Агамирзоев К. М. Путь на Север: исторический очерк. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 156 с.

Большая советская энциклопедия. URL: https://bse.slovaronline.com/44712-STRAZHA.

Большой энциклопедический словарь. URL: https://bigenc.ru/vocabulary.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, Универс, 1994. 864 с.

Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.

Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.

Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурманск описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. 204 с.

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 гг.): военная необходимость и экономические соображения: СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

Паустовский К. Г. Мурманск // Мурман — край российский / сост. В. Сорокажердьев. М.: Современник, 1985. С. 352–359.

Трошина Т. И. Горцы на Европейском Севере России в годы «длинной войны» 1914–1920 гг. // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 160–164.

Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2009. 388 с.

Шенк Ф. Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 584 с.

Сведения об авторе

Змеева Ольга Васильевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Zmeyeva Olga V.
PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.67-77
УДК 316.4.051(470.11)

К. К. Логинов

МОРСКИЕ СУДА ЗАПАДНОГО ПОМОРЬЯ (ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.)

Аннотация

Статья восполняет лакуну в систематических знаниях о морских судах крестьянской постройки в западном Поморье, постепенно образовавшуюся со времени публикации в 1859 г. классической монографии П. А. Богославского «О купеческом

судостроении в России речном и прибрежном». В статье автор строго придерживается принципа историзма, рассматривая историю происхождения, развития и состояния на финальной стадии бытования каждого поморского судна, свободно ходившего по просторам Белого моря.

Ключевые слова:
Русское Поморье, суда традиционной крестьянской постройки.

Konstantin K. Loginov

MARINE VESSELS OF THE WESTERN POMOR AREA (SECOND HALF OF XIX-th — EARLY XX-th CC.)

Abstract

The article fills in the gap in the systematic knowledge about marine peasant-built vessels in the (western) Pomor area, which has been forming since the publication of the classic monograph by P.A. Bogoslavsky “On merchant shipbuilding in Russia, river and coastal” in 1859. In this article, the author abides to the historicism principle in investigating the origins, evolution and characteristics at the final stage of usage of each Pomor vessel that used to freely navigate the White Sea expanses.

Keywords:
Russian Pomor area, traditional peasant-built vessels.

Отечественная литература, в которой описываются морские суда Беломорья, достаточно обширна. Классическим здесь считается труд П. А. Богославского «О купеческом судостроении в России: речном и прибрежном» [Богославский, 1859]. Книга, несмотря на то, что издана в позапрошлом веке, не устарела. Все прочие публикации на эту тему лишь дополняют сведения Богославского. Свою лепту в этом отношении внесли и отечественные этнографы, побывавшие в Поморье: С. В. Максимов, М. М. Пришвин, В. П. Никольский, И. М. Дуров, А. М. Линевский, Т. А. Бернштам и др. Судовую проблематику во главу своих интересов они не ставили, но и мимо интересных фактов не проходили. Источниковедческую базу на заявленную тему самым существенным образом расширили труды Э. Генриота [Генриот, 1974] и коллективный труд Г. Е. Дубровина с соавторами [Дубровин и др., 2001]. Популярна среди современных исследователей также обширная компиляция Г. С. Дмитренко «Морские тайны древних славян» [Дмитренко, 2003]. В соответствии с современной эпохой более всего востребованы выложенные на интернет-ресурсах версии указанных работ. Вместе с тем какие-то сведения приходится добывать по крохам из почти случайных упоминаний путешественников или из специализированных морских словарей. В общем и целом процесс изучения деревянных судов и гражданского судостроения России далек от завершения. Важным шагом в этом направлении можно считать недавнюю публикацию «Энциклопедического словаря судов народной постройки» [Курноскин, Филин, 2016]. Здесь же приходится констатировать, что исследования «всей линейки» традиционных поморских судов западного Поморья периода второй половины XIX — начала XX вв. еще никто не написал. Краткая статья архангельского исследователя В. Н. Ломакина «Описание основных типов поморских судов» [Ломакин, 2010] не закрывает указанного пробела, да и написана она на материалах восточного, а не западного Беломорья.

В одной статье поднятую тему в достаточной степени осветить невозможно. Здесь, следуя классификации П. А. Богославского, рассмотрим крестьянские суда западного Поморья, «плавающие по всему морю» [Богославский, 1859: 3, 38]. Исследование специфики судов крестьянской постройки, «плавающих вдоль берега» [Богославский, 1859: 3, 42], может быть рассмотрено позже в рамках отдельной статьи.

К поморским судам, «плавающим по всему морю», по утверждению П. А. Богославского, в его время относились *лодьи, кочмары, раньшины, шняки* и *лихтера.* Еще один тип судна той же категории, а именно *морской галеот* (галиот), он, видимо, посчитал вышедшим у поморов из употребления. Хотя в западном Поморье морской галиот просуществовал до начала XX в. (см. ниже).

Поморская лодья/лодия/ладья. Известный историк морского судостроения Э. Генриот считал, что двух-трехмачтовые лодьи с осиновым днищем и надстроенными сверху дощатыми бортами, характерные для Балтийского и Днепровского судоходства эпохи Древней Руси, не были непосредственными предшественниками поморских лодий. Он связывал возникновение ранних поморских судов с *ушкуями* — разновидностью беспалубных шитых лодий, уже не имеющих основания из долбленой осины [Генриот, 1974: 110–111]. Лодья как особый тип судна в западном Поморье упоминается впервые в документах Соловецкого монастыря XV в. [Богославский, 1859: 4]. На рисунке, представленном в работе Г. С. Дмитренко [Дмитренко, 2003: 39], изображена такая шитая из досок поморская одномачтовая лодья XV в. Древние шитые суда изготовлялись по безгвоздевой технологии: «Доски обшивки клали внакрой. Их пришивали к шпангоутам толстой еловой *«ниткой»* (веткой. — *К. Л.*) пятисантиметровым швом. В длину доски сшивали между собой вересковой (на самом деле можжевеловой. — *К. Л.*) «ниткой» диаметром 1–8 мм. Шов при этом — 2,5 см. <...> Перед сшивкой доски плотно прижимали друг к другу специальным инструментом — *клещами*. Отверстия для шитья быстро просверливали специальным сверлом — *дрелью*, устроенной в виде лука. После продергивания деревянной ниткой сквозь отверстия, последние забивали клиньями, с наружной стороны борта сосновыми, а с внутренней — из мягкой ели» [Дмитренко, 2003: 27–28]. После осмолки бортов отверстия в швах воду не пропускали. От автохтонного населения поморами была заимствована чуть иная технология. Она состояла в сшивании досок бортов полосками моржовой кожи. Это придавало корпусу судна большую эластичность при сдавливании льдами. К середине XIX в. доски бортов и несущие конструкции сшивались друг с другом гвоздями, железными скобами, железными винтами и болтами. Лодьи стали почти вдвое больше, чем в Средневековье, достигая «35–60 футов в длину и 10–18 футов в ширину» [Богославский, 1859: 38]. Для использования в ледовой обстановке лодьи Поморья изготовлялись из весьма толстых досок. Специфической чертой поморских лодий было наличие широкого, практически под прямым углом к бортам подшитого днища, что придавало поморским лодьям (при наличии загрузки) высокую остойчивость, то есть устойчивость к опрокидыванию. В итоге эволюции лодьи в период Нового времени стали плоскодонными судами (с прямым днищем и широким килем), непременно имеющими палубу. Согласно изысканиям Э. Генриота, трюм лодий позднего периода «был разделен поперечными переборками на три отделения. Каждое отделение «имело свой входной люк. В носовом помещении устанавливали кирпичную печь; здесь готовили пищу

и размещали команду. В кормовой части устанавливали жилье (каюту) для *кормщика* (капитана). Тут же хранились и мореходные инструменты. В средней части судна находился грузовой трюм глубиной до 4 м. Рангоут (парусная оснастка) судна состоял из трех мачт с прямыми на реях парусами. На бушприте парус не ставили. Галс переднего паруса притягивался к наветренному блоку блиндарея и, таким образом, наветренная часть паруса выполняла функции кливера» [Генриот 1974: 113–114]. Парусная оснастка лодий позднего периода их существования несколько отличалась от представленной в труде Э. Генриота. Паруса на носовой и средней мачте оставались, как в описании Генриота, а парус на задней, несколько укороченной мачте был уже не прямым, а шпринтовым, По-поморски — *рейковым*, то есть с растяжкой из косой реи и трапециевидной формы, скользящим по мачте с помощью блоков и линей на нескольких матерчатых петлях. При попутных ветрах в том и другом случае судно показывало отличную скорость, делало переходы до 300 км в сутки. На больших лодьях было по два якоря весом до полутонны каждый и, кроме того, имелся еще один запасной якорь».

Отсутствие у лодий «яйцевидной» формы днища, противостоящей раздавливанию льдами, привело к окончательному исчезновению этого старинного типа судна, несмотря на многие его частные преимущества. Уже с 1880-х гг. ни в одном реестре судов, плавающих в Белом море, лодьи не встречаются.

Поморский коч. Основной недостаток поморской лодии как судна для плавания во льдах оказался преодоленным в поморском **промысловом коче**. Хотя норвежцев архангельские поморы называли *кочьманами*, название судна «коч», вопреки Э. Генриоту [Генриот, 1974: 112] и П. А. Богославскому [Богославский, 1859: 41], не является заимствованным от скандинавов. Вероятнее всего, данный тип судна получил свое название благодаря наличию на уровне ватерлинии набитого поверх досок бортов второго деревянного пояса из толстых дубовых досок, предохраняющего от трения бортов о лед. Такой пояс во всех поморских говорах именовался *коцем* или *кочем*. Дубовые доски для собственно *коча*, навесного *руля* и *порубня* — обвода вокруг судна поверх самой верхней доски бортов, стягивающего судно в одно целое, кораблестроители поморы закупали у купцов в Архангельске или, действительно, за границей — в Норвегии. Как и все суда, возникшие в Поморье после лодий, кочи обладали классическим для морского транспорта Белого моря круто выгнутым от килевого бруса вверх днищем, благодаря которому корабль, когда льды вокруг него смыкались, выдавливало вверх.

Г. С. Дмитренко возводит время возникновения русских поморских кочей к периоду XI в. [Дмитренко, 2003: 47]. Ни один народ Северо-Западной Руси, способный строить морские суда, так рано не добирался до берегов Белого моря. Передовые группы предков вепсов и карелов к берегам Поморья вышли никак не ранее конца XII в. [Бубрих, 1947: 36, 38], а русские — только в последней трети XV в. [Мюллер, 1947]. Не только ко времени составления «Переписной книги Обонежской пятины» (1563–1564 гг.), но и вплоть до конца XVII в. русские в западном Поморье смогли ассимилировать карелов лишь на побережье между устьем реки Нижний Выг и устьем реки Нюхчи. И поэтому в русских письменных источниках он назывался *Русским берегом*, тогда как к востоку от него берег писался *Карельским берегом*, а к востоку — *Карельской стороной Онежского*

берега [Жуков, 2016]. Так что к выработке конструктивных решений средневековых судов Поморья следует считать причастными как русских поморов, так и местных карелов, а отчасти и автохтонных жителей — саамов.

В своем компилятивном исследовании Г. С. Дмитренко описывает промысловый коч так: «Коч — старинное поморское парусно-гребное судно... Он имел характерные обводы для ледового плавания, был оснащен мачтой, навесным рулем (*руль, румпель, журавельник. — К. Л.*) и четырьмя веслами. Старинные кочи строили без применения металла: к скрепленному деревянными нагелями набору корпуса пришивали ремнями доски обшивки. Длина такого судна была 10–15 м, ширина — 3–4 м, осадка — 1–1,5 м. При попутном ветре ставили прямой парус, позволявший развивать скорость 6–7 узлов» [Дмитренко, 2003: 47]. Зимний парус на промысловый коч шился из оленьей замши. Ванты для паруса вырезались из кож тюленей, а якорные канаты сплетались из полосок моржовой кожи. Сделанная из кож морских зверей оснастка промыслового коча почти не обледеневала от воды и соленых брызг даже в сильный мороз. На носу судна всегда был вертикальный ворот. Современные поморы называют его *шпиль*. С помощью ворота и хорошо укрепленного во льду якоря судно с легкостью вытягивали на лед, а при надобности — и на берег. Вытаскивание судна из воды облегчалось тем, что коч имел набитые изогнутые в носовой части брусья, наподобие санных полозьев. Старинный промысловый морской коч, в отличие от более поздних его модификаций, был беспалубным судном, лишь иногда имел в носу небольшой навес.

Ради плаваний за Югорский шар (а в итоге была достигнута Аляска) поморы серьезно видоизменили свои кочи. В результате получился **коч морской**. Судно практически утратило возможность передвигаться под веслами. Доски с бортов со шпангоутами стали скреплять специальными железными скобами. Обязательной стала палуба, а размеры судна были серьезно увеличены. Длина судна возросла до 20–25 м, ширина — до 5–8 м, а осадка — до 2 м. Судно стало вмещать, помимо 10–15 человек команды, до 30 наемных промысловиков. Команды промысловиков поочередно доставляли до мест промысла и ссаживали на берег, а на обратном пути их подбирали вместе с добычей. Чтобы перевозить людей на берег или людей и добычу на судно, на палубе стали держать легкую лодку. При тихой погоде лодку могли буксировать на веревке сзади. В корме появилась каюта (*казенка*) для капитана и приказчика, а в трюме — камбуз и общая каюта для команды и собственно груза. Самые крупные кочи несли три мачты, хотя паруса оставались прямыми, в силу чего коч под парусами передвигался лишь по ветру. Как совершенный тип мореходного судна морской коч полностью сложился не позднее конца XVIII в.

Извозный карбас — специализированное судно западного Поморья, основным назначением которого было перевозить богомольцев с материка в монастыри на Соловецкие острова и обратно [Дубровин, Окороков и др., 2001: 311]. Изредка в литературе, касающейся описания морских судов, его именуют **морским карбасом**, в частности, так его назвал Г. Р. Державин. В своей «Поденной записке» он указал, что в 1703 г. в городе Вытегра по повелению Петра I капитаном Алексеем Щетневым был построен и выставлен на стапелях в качестве образца для местных корабелов *морской карбас* [Эпштейн, 1987: 131]. Впрочем, Державин не был мореходом. Вполне вероятно, что он ошибся в термине. Прежде чем появились «извозные карбасы», их функции исполняли сначала

поморские лодии [Максимов, 1859: 293], затем промысловые кочи. В 1785 г., во время путешествия по Олонецкой губернии, уже упомянутый нами Г. Р. Державин, назвал их **кочмарами**, то есть устаревшим на тот момент наименованием поморских кочей. Тогда это судно было уже достаточно специализированным, непременно имело палубу для укрытия богомольцев от непогоды [Эпштейн 1987: 110–111]. В кочмарах во времена Державина перевозили по 70, в беспалубных кочах — по 30 паломников за один раз. «Извозный карбас» второй половины XIX в. уже имел, помимо палубы, внутреннюю и внешнюю обшивки (что позволяло в холода меньше мерзнуть пассажирам). У судна было две мачты, а в носу — бушприт без кливера. Передняя мачта ставилась стоймя к переднему баку (*голове*), к которому и прикреплялась. На этой мачте поднимали носовой парус (прямой рейковый). Вторая мачта устанавливалась почти посередине судна (чуть ближе к корме) и также вооружалась прямым рейковым парусом. Подводная часть извозного карбаса (как внутренняя, так и внешняя) смолилась, надводная же часть и мачты красились в красный цвет, а верхняя часть бортов — в черный или зеленый. Судно получалось нарядным, хотя тяжелым и тихоходным. На одном извозном карбасе размещалось до 45 паломников. Команда судна составляла 5 человек. В конце XIX — начале XX вв. судно снабжалось двумя помпами и якорем-кошкой весом до 8 пудов. На палубе устраивалась *гуйна* — места под временным навесом для защиты от дождя и ветра [Особенности…, 2001: 311–312].

Морские галиоты. П. А. Богославский, хотя и не включил галиот в число бытующих в его время морских судов западного Поморья, мимоходом упомянул данный тип судна среди тех, которые начали строить при Петре I И, конечно, не дал никакого их описания. Насчет «забросили» уважаемый исследователь ошибался: среди статистических сведений за 1909 г. однозначно указывается, что на Белом море в эксплуатации все еще пребывают 8 галиотов [Спутник помора, 1910: 187]. Значит, не забрасывали их строительство. Да и строили их, наверное, тем же самым способом, который был зафиксирован в середине XIX в. С. В. Максимовым. Материал этот широко известен, но напомнить не помешает: «Мастер намечает на полу мелом, на песке палкой чертеж судна и вымеривает тут же его размеры. Ширину кладет вершками пятью или шестью шире трети длины; половина ширины будет высота трюма; на жерди намечает рубежки (*заметки*) и по этим рубежкам этою же жердью все время намечает шпангоуты, называя их по-своему *боранами* (носовым и кормовым). Отвесы или перпендикуляры и на чертеж кладет по глазу, без циркуля, и точно также своим именем *скол* называет, боковые части перпендикуляра, его прямые углы. Кончивши чертеж, мастер обыкновенно сбивает лекалы, если строится лодья, но считает это дело лишним, дорогим и для хозяина, если строится шняка или раньшина. Сбивши лекалы, мастер приступает прямо и не обинуясь к работе, делает *поддон* — основание судна, его скелет; обшивает его снаружи и внутри досками, ставит три мачты, если лодья назначается для дальних морских плаваний, и две, если она назначается для богомольцев, идущих в Соловецкий монастырь» [Максимов, 1859: 293]. Приведенному здесь тексту у С. В. Максимова предшествует строчка, в которой сообщается о том, что так же точно в Поморье строились и суда на голландский манер — галиоты и гукоры.

По сведениям Н. Я. Озерецковского [Озерецковский, 1989: 165–166], самой броской внешней особенностью галиотов было то, что по высоте задняя мачта вполовину меньше передней мачты. Грот-мачта галиота в верхней части

имела наклон вперед на голландский манер и ставилась на расстоянии примерно одной трети длины палубы от форштевня. Задняя, небольшая по размеру и прямая бизань-мачта несла небольшой треугольный парус. Корпус у галиота был плоскодонный, почти как у поморской лодьи, но со скругленными носовой и кормовой оконечностями. Основу скелета судна составляли мощный киль, форштевень и ахтерштевень. Верхняя часть носа, кормы и бортов загибалась внутрь. Большие галиоты достигали длины 30 м, ширины — 8,5 м, поднимали груз до 300 т. Большая грузоподъемность галиотов была их основным достоинством. Поэтому поморские промышленники заказывали мастерам строительство все новых и новых галиотов.

Раньшина (**рончина, роншина**) — парусно-гребное двух-, реже трехмачтовое промысловое судно, грузоподъемностью от 25 до 70 т. Оно было создано для ранних весенних выходов на Мурманские тресковые промыслы [Генриот, 1974: 114, рис. 3]. П. А. Богославский, как и И. В. Даль, считал, что название судна связано с тем, что на раньшинах поморы уходили на тресковый промысел на Мурман раньше, чем на других судах [Богославский, 1859: 42]. Кормовой парус у раньшины, если имелся, то был таким же, как на лодье в поздний период ее бытования, то есть рейковым и на чуть укороченной мачте. Яйцевидная форма подводной части корпуса способствовала выдавливанию судна на поверхность при сжатии льдов, а сильно наклонный вперед форштевень помогал в случаях надобности вытаскивать судно на лед с помощью якоря и лебедки, установленной в носу судна. Для сообщения с берегом раньшина постоянно таскала за собой лодку-*осиновку*. В длину и ширину раньшина была примерно равной морскому карбасу (см. выше), около 12 м в длину при ширине 4,5 м. В отличие от отяжеленного второй обшивкой морского карбаса, шилась раньшина из тонких досок в один ряд, что существенно облегчало ее общий вес. В отличие от промыслового коча, второй обвод из дубовых досок раньшине не требовался, поскольку ее экипаж приступал к промыслу, когда серьезное осложнение ледовой обстановки уже не очень-то судну и угрожало. Иногда в раньшину поморы переделывали шняку (см. ниже). В таком случае она всегда была короче и никогда не несла больше двух прямых парусов.

Шняка. П. А. Богославский возводил название этого судна к норвежскому schneeke — улитка [Богославский, 1859: 44]. Вряд ли это соответствует истине, но как разновидность морского судна шняка явно была норвежским заимствованием. У норвежцев судно уже стало выходить из употребления, когда поморы только-только начали сшивать борта шняк не березовыми ветками, а гвоздями и оборудовать носовой мачтой с косым парусом. Шняку, вслед за П. А. Богославским, у специалистов принято относить к морским судам [Богославский, 1859: 44–45]. По размерам же это самая вместительная поморская лодка, специализированная для ярусного лова трески в Баренцевом море [Логинов, 2008: 177, рис. 89]. Это судно также не имело ярко выраженного киля — основного отличительного признака, отличающего озерно-морской транспорт от большой лодки. Поморская шняка в норме несла две (редко — три) мачты с прямыми парусами, против ветра передвигалась на трех парах весел, управлялась навесным рулем из покупного дуба. С начала XX в. эти суда поморы начали иногда оборудовать бушпритом и косым носовым парусом. О шняке, передвигающейся против ветра, поморы говорили: «Смотри, смотри, там *шняка косит*». Ее крепкий корпус и малая осадка позволяли

без особой опаски подходить к каменистым отмелям и берегам. Из-за низких бортов с этого судна было легко запускать в море и вытаскивать обратно тяжеленный трехверстный тресковый *ярус* (продольник на треску). Максимальная длина судна была 6–7 саженей, грузоподъемность не превышала 200 пудов, в силу чего после полной загрузки добычей промысловики вынуждены были делать лишний рейс в родное село, если не было возможности сбыть улов на месте в Мурмане. Шняка имела на дне судна три отделения: *чердак* (для хранения снастей), *гребло* (там хранилась наживка для ярусов) и *клад* (для складывания улова). Команда большой шняки состояла из семи человек: кормщика (*корщика*) — обычно владельца судна, четырех наемных рабочих (*покручников*), разнорабочего (*весельщика*) и *наживочника* (обычно мальчика *зуйка*) [Случевский, 1886: 51]. Легкая шняка имела меньшую команду: старик *кормщик* (владелец судна), матерый мужик *тяглец* (моряк, вытягивающий ярус в шняку), юноша *весельщик* (моряк, удерживающий с помощью пары весел судно на траверзе яруса) и мальчишка *наживочник* (зуек, задача которого насаживать на крючки наживку и помогать при вытягивании яруса) [Пришвин, 1956: 338–339].

Ёла. Никто из исследователей не оспаривает, что данный тип судна, как и шняка, был заимствован поморами от норвежцев. Ёла, как и шняка, строилась для нужд промыслового мурманского лова трески [Логинов 2008: 177, рис. 90]. По габаритам и чисто внешне ёлы были весьма похожи на шняки, но шились из еще более тонких досок. Они служили для доставки промысловиков к их промысловым избушкам и для собственно этого лова, были менее долговечны и надежны, чем шняки. Зато за счет экономии на толщине и качестве материала изготовления они были относительно дешевы. Из-за их дешевизны поморы довольно охотно покупали ёлы как у своих мастеров, так и за границей. В норвежском исполнении ёлы и шняки, по признанию М. М. Пришвина, выглядели всегда более грациозно, чем изделия русских мастеров [Пришвин, 1956: 325]. Наши соотечественники шили их проще и грубее. Заграничные ёлы прежде русских судов обрели такие усовершенствования, как мачты с косым парусами в носу судна, палубу и даже каюту с камином, перед которым можно было в холод обогреться. Наверное, поэтому М. М. Пришвин счел возможным столь усовершенствованные ёлы норвежцев поименовать *промысловыми ботами* [Пришвин, 1956: 354], что отчасти неверно.

Промысловый бот. В самом совершенном исполнении промысловый бот представлял собой двухмачтовое палубное судно с «тупой», т. е транцевой кормой и железным рулем, управляемым (не с палубы, а из рубки) рулевым-мотористом. Бот в корме имел отсек для дизельного двигателя, в средней части находился отсек для пойманный рыбы, в носовой части — небольшую каюту для команды. Впервые такой тип судна русские моряки увидели в Баренцевом море в 1885 г. в качестве вспомогательных судов, сопровождающих китобойные корабли американцев [Случевский, 1886: 48]. Заимствование судна поморами состоялось значительно позже, причем сразу в двух вариантах — американском и сильно упрощенном русском. Последние в колхозах Поморья ни рубки, ни палубы не имели, выглядели как одномачтовый большой моторный карбас с острым носом и кормой и навесным железным рулем, управляемым непосредственно рукой с задней банки. Остатки беспалубных моторных ботов разной степени сохранности все еще можно увидеть по берегам Белого моря. Промысловые боты,

выполненные по типу американских, высоко ценились поморами и моряками крупных внутренних водоемов Русского Севера: их не заливали высокие волны, судно возвращалось в вертикальное положение даже после опрокидывания на бок, когда мачты касались водной поверхности. Обе разновидности промысловых ботов могли двигаться под парусами. Беспалубный бот способен был передвигаться даже под двумя парами весел. Правда, при установке дизельных двигателей на боты надобность в этом возникала крайне редко.

Лихтеры. В работе П. А. Богославского лихтеры описываются как деревянные баржи с деревянной оградкой по левому и правому бортам на палубе. Такие лихтеры обладали одной мачтой с прямым парусом посередине палубы и почти вплотную к мачте приставленным подъемным механизмом в виде косого бревна, снабженного лебедкой [Богославский, 1859: 46–47]. В неизменном виде они продолжали существовать и в первые десятилетия XX в. [Спутник помора, 1910: 186]. Но уже совсем иной тип судна, хотя и с тем же названием, представляли **пароходные лихтеры** конца XIX — начала XX вв., построенные рабочими судостроителями на городских верфях как суда, обладающие пароходными трубами [Логинов 2008: 177, рис. 92]. Такие лихтеры брали на борт за один раз до 200 и более тонн соленой поморской рыбы у мест промысла, затем транспортировали ее в Петербург вокруг Скандинавии.

Шхуны. Данный тип парусного судна в западном Поморье имел не менее двух мачт и косые паруса на всех (2–4) мачтах. Это были наиболее сложно устроенные парусные суда Поморья с совершенной парусной системой, грузовым трюмом и каютами для капитана и экипажа, со спускаемыми с помощью ручных кранов шлюпками на борту. Большинство шхун, ходивших по Баренцеву и Белому морям, принадлежали в последней четверти XIX в. иностранцам [Случевский, 1886: 51–52]. Богатые поморы, как свидетельствует К. К. Случевский, большей частью только мечтали о том, чтобы приобрести такое судно и лично выходить в нем в море на промысел морского зверя и рыбы. Наверное, дело заключалось закостенелости местных предпринимателей-старообрядцев, а вовсе не в недостатке капиталов. По замечанию того же Случевского, в том же 1884 г. кемский предприниматель Водохлебов владел сразу семью шняками, тремя шхунами и еще двумя «**промысловыми яхточками**» [Случевский, 1886: 29]. Жаль, что очевидец не оставил даже самого беглого описания этих промысловых яхт, не указал, отличаются ли они чем-нибудь от моторных шхун. Уже к началу XX в. некоторая часть шхун западного Беломорья была моторизирована [Логинов, 2008: 178, рис. 91].

На самом деле в начале XX в. по Белому морю ходили морские суда и кораблики также и иных типов, отнести часть которых к традиционным крестьянским судам автор этих строк не видит основания. Согласно интернет-источнику [Поморское судостроение…, ЭР], на начало 1910 г. приписанными к Сороке (ныне Беломорску) числились следующие суда по типам постройки: а) «староманерные» суда: шняки — 28; кочмары — 1; мореходные карбаса — 17; б) «новоманерные» суда: яхты — 203; шхуны — 81; клипера — 29; ёлы — 57; кутеры — 4; брамы — 6; тендеры — 4; фенбурины — 2; лихтер-боты — 36; гафель-шхуны — 56; шлюпы — 14; галиоты — 8; гафели — 2; гальяши — 8; шхуны-барки — 4; шхуны-бриги — 2; сендмерская лодка — 1; промысловые боты — 12.

Крестьянские парусные суда перестали использоваться в западном Поморье вскоре после окончания Великой Отечественной войны. В течение 10 лет повсеместно в поморских колхозах их заменили двухмачтовые (с палубой) и одномачтовые (без палубы) моторные боты, которые в советское время стали называться **ДОР**ами.

Список источников

Поморское судостроение XVIII–XX вв. URL: www.shipslib.com/history/iss/hz8.html.

Список литературы

Богославский П. А. О купеческом судостроении в России речном и прибрежном. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1859. 179 с.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск: Изд-во Кар.-Фин. ССР, 1947. 52 с.

Генриот Э. Краткая иллюстрированная история судостроения / пер. с нем. и коммент. Л. Ф. Маковкина. Л.: Судостроение, 1974. 195 с.

Дмитренко Г. С. Морские тайны древних славян. М.: Полигон, 2003. 416 с.

Жуков А. Ю. История карелов Поморья и Поморской Карелии в свете новых источников конца XVII–XVIII вв. // Вепсы, карелы, русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов / под науч. ред. И. Ю. Винокуровой. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 46–58.

Курноскин С. П., Филин И. А. Народное судостроение в России. Энциклопедический словарь судов народной постройки. М.: Гангут, 2016. 408 с.

Логинов К. К. Историко-этнографические особенности поморского села Гридино: прошлое и настоящее // Скальные ландшафты Карельского побережья моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению / рук. проекта д. с.-х. н. А. Н. Громцев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 168–190.

Ломакин В. Н. Описание основных типов поморских судов // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность. Архангельск: Малые Карелы, 2010. С. 341–344.

Максимов С. В. Год на Севере: в 2 т. Т. 1: Белое море и его Прибрежья. СПб.: Изд-во Д. Е. Кожанчикова, 1859. 638 с.

Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XII–XVII вв. / ред. и вст. статья А. И. Андреева. Петрозаводск: Изд-во Кар-Фин. ССР, 1947. 119 с.

Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому / вст. статья, подготовка текста и коммент. Б. И. Кошечкина. Петрозаводск: Карелия, 1989. 208 с.

Особенности северорусского судостроения / Г. Е. Дубровин [и др.]. М.: Ин-т археологии РАН; Ин-т культурологии РАН, 2001. 404 с.

Пришвин М. М. За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии // Собр. соч. М.: Госиздат, 1956. Т. 2.

Случевский К. К. По Северу России. Путешествие Их Императорских Высочеств Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 году. Т. II. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1886. 241 с.

Спутник помора: справочник-ежегодник на 1910 год. Архангельск: Типо-литогр. В. А. Черепанова, 1910. 204 с.

Эпштейн Е. М. — Г. Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987. 133 с.

Сведения об авторе

Логинов Константин Кузьмич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Loginov Konstantin K.
PhD (History), Senior Research Fellow of the Institute of language, literature and history, Karelian Scientific center of RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.77-92
УДК 373.1:376.72'18'

Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина, К. С. Казакова

СИСТЕМА ИНСПЕКТИРОВАНИЯ И КОНТРОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИЛИЩ СВЕТСКОГО И ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВ В XIX ВЕКЕ: ЦЕЛИ, ФОРМЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация

В статье анализируется система инспектирования начальных училищ светского и духовного ведомств. Показано, что на протяжении XIX в. контроль за деятельностью учебных заведений в отдаленных северных уездах Архангельской и Олонецкой губерний осуществлялся в форме визитаций столичных чиновников. На архивном материале можно представить, какую роль в первой трети XIX в. играл столичный университет в системе управления подведомственными учебными заведениями. Выявлено, что визитации как форма личного контроля использовались и в светском, и в духовном ведомстве для оценки состояния просвещения в отдаленных губерниях Северо-Запада.

Ключевые слова:

визитации, инспектор, система учебных заведений, университет, Олонецкая губерния, Кольский Север.

Tatyana N. Zhukovskaya, Elena A. Kalinina, Ksenia S. Kazakova

SYSTEM OF INSPECTION AND CONTROL OF THE SCHOOLS ACTIVITIES OF SECULAR AND RELIGIOUS DEPARTMENTS IN THE 19TH CENTURY: PURPOSES, FORMS, EFFICIENCY

Abstract

The article analyzes the system of inspection of primary schools of secular and religious departments. It is shown that the control over the activities of educational institutions in the remote northern districts of the Arkhangelsk and Olonets provinces was carried out in the form of visits by capital officials over the course of the 19th century. On the archival material it is possible to imagine what role the metropolitan university played in the management system of the subordinate educational institutions in the first third of the 19th century. It was revealed that the visits as a form of personal control were used both in the secular and in the religious departments to assess the state of education in the remote provinces of the North-West.

Keywords:

visits, inspector, school system, university, Olonets province, Kola North.

О визитациях системы светских училищ

В первой половине XIX в. Архангельская и Олонецкая губернии входили в состав Санкт-Петербургского учебного округа. В этот период Олонецкая губерния и отдельные уезды Архангельской губернии были слабозаселенной территорией с неразвитой сетью дорог и малым количеством поселений. Так, в Олонецкой губернии единственным городом, сложившимся вокруг крупного промышленного предприятия (Александровского чугунолитейного завода), имевшим в первой половине XIX в. городскую по стилю хозяйственную и культурную жизнь, был Петрозаводск. В нем уже с 1796 г. действовало Главное народное училище. С началом образовательной реформы Александра I главные народные училища, открытые в губернских городах при Екатерине II, постепенно преобразуются в губернские гимназии. В Петрозаводске и Архангельске эти преобразования произошли в 1811 г. — во время визитации профессора Петербургского университета П. Д. Лодия. В уездных городах северных губерний открываются уездные училища (в 1808 г. в Олонецкой — 4, в 1811 г. в Архангельской — 3). Формирование уездных училищ проходило на базе уже существовавших в то время главных и малых народных училищ. Правительство предполагало открыть в стране 405 таких школ. Их преобразование происходило постепенно и продолжалось в течение всей первой половины XIX в.: в 1808 г. в 486 уездных городах России имелось 126 школ, где обучалось 12 839 учащихся, а в 1855 г. — уже 439 училищ (на 27 309 учеников) [Князьков, Сербов, 1910: 189]. Однако даже к середине XIX в. далеко не во всех уездных городах Северо-Запада были открыты такие школы. Например, в уездных городах Пинеге и Коле Архангельской губернии, в Повенце, Пудоже и Лодейном Поле Олонецкой губернии училища к этому времени так и не открылись, здесь действовали только приходские школы. В 1804–1805 гг. в Олонецкой губернии было открыто 24 такие школы, в Архангельской — 12 [Жуковская, Калинина, 2015: 120].

Управление училищами учебного округа до 1835 г. выполнял столичный университет [Жуковская, Калинина, 2014]. Уставом учебных заведений, подведомственных университетам (1804 г.), была установлена система административного управления образованием, звеньями которой были: Министерство народного просвещения (министр народного просвещения) — Главное правление училищ (попечитель учебного округа) — университет (ректор университета) — Дирекция народных училищ (директор народных училищ в губернии) — смотритель уездного училища в уезде — приходской священник и один из почетных жителей в казенных селениях или помещик в помещичьих селениях. Таким образом, складывалось строго централизованное руководство школами, прямая зависимость низших звеньев от высших [Калинина, 2017: 100–101]. Система ведомственного подчинения в сфере народного просвещения предполагала строгий надзор над учебными заведениями. Визитации учебных заведений профессорами университета имели огромное значение и давали материал для составления отчета о состоянии округа, который представлялся от имени ректора университета. Группа источников, освещающих деятельность профессоров Петербургского педагогического института и Петербургского университета по обозрению и управлению училищами учебного округа (инструкции визитаторам, их отчеты), хранится в фонде Департамента народного просвещения (РГИА) и в фонде Канцелярии попечителя Петроградского учебного округа (ЦГИА СПб), в составе описей, отражающих деятельность

Педагогического института (1804–1819) и университета в Петербурге [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 4, 125; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9, 612]. Обстоятельства визитаций отражаются и в мемуарных источниках и дневниках визитаторов [Погодин, 1868; Никитенко, 1893; Шевырев, 1997].

Инструментом контроля со стороны учебного округа, губернской администрации за деятельностью училищ были «обозрения» (ревизии) учебных заведений профессорами, назначавшимися по выбору Конференции Педагогического института, впоследствии Совета Санкт-Петербургского университета. Совет определял «визитаторов из членов училищного комитета или других профессоров, поручая каждому одну или две губернии по местному положению для осмотра» [Сборник постановлений…, 1864: 297–298] и распоряжался о снабжении их путевыми деньгами из штатной суммы университета. Профессор-визитатор мог сопровождать попечителя учебного округа в его поездках по губерниям, а мог совершать инспекцию и самостоятельно.

Проверяющим вручалось специальное «наставление», где указывалось, что они не только обозревают училища и составляют отчет об их посещении, но «должны вести беседу с гражданами, дружески внушать пользу учения и советовать, чтобы они отдавали детей в училища» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 3]. Так, в задачи профессора логики и философии П. Д. Лодия, обозревавшего столичный учебный округ в 1811 г., входило содействие губернскому учебному начальству при открытии новых школ в уездных городах Олонецкой и Архангельской губерний. Кроме того, визитаторы оценивали деятельность губернского директора училищ, «какую наклонность привил он в жителях к заведению приходских училищ и вообще к просвещению» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 7]. Такие «наставления» составлялись для каждой ревизии отдельно. По штату Главного педагогического института на содержание визитатора по Санкт-Петербургскому округу выделялось 4000 руб., кроме того, на путевые издержки, по усмотрению университетского совета, отпускалось еще 200–300 руб.

Во время визитаций профессора знакомились с деятельностью учебных заведений на местах. Инспектирование со стороны университетских чиновников редко выходило на уровень приходских сельских школ, обычно осмотру подвергались гимназии и уездные училища. Столичные проверяющие не посещали наиболее отдаленных мест, полностью полагаясь на отчеты смотрителей уездных училищ. При этом велись подневные записки (журналы) визитаций.

Прибыв на место, визитаторы сначала знакомили директора училища и учителей с данными им от попечителя «наставлениями», затем приступали к обозрению учебных заведений. Профессора интересовались ходом учебной и воспитательной работы в училищах, экзаменовали учащихся. Они знакомились с документацией, проводили собеседования с директором, смотрителями и учителями. При проведении индивидуальных бесед с педагогами и училищными чиновниками особое внимание уделялось вопросам методики преподавания учебных предметов, наличию учебников и учебных пособий, выполнению учителями обязанностей, связанных с организацией экскурсий, составлением истории гимназий, ведением метеорологических наблюдений. Особого одобрения со стороны визитаторов заслуживало составление преподавателями различных записок-комментариев к учебникам и учебным пособиям. По окончании осмотра визитатор проводил общее собрание педагогического коллектива гимназии, на котором подводились итоги визитации, указывались положительные

и отрицательные стороны деятельности школ. После осмотра учебных заведений визитаторы представляли Училищному комитету письменный отчет о результатах обозрения, отражая в нем состояние осмотренных училищ, качество подготовки учителей и преподавания, качество знаний учащихся.

Губернские училищные власти старались совместить с прибытием визитатора открытие нового учебного заведения и провести его в торжественной обстановке. Настоящим праздником для жителей Петрозаводска стало открытие Олонецкой губернской гимназии в 1811 г., совпавшее с приездом в Петрозаводск визитатора, профессора Петербургского педагогического института П. Д. Лодия для обозрения учебных заведений Олонецкой и Архангельской губерний. Во время этой продолжительной инспекции дотошный Лодий доехал даже до «медвежьих углов» отдаленных уездов. В своем отчете он обратил внимание на деятельность неузаконенных школ, отметив, что жители Каргополя «преимущественно отдают детей своих на учение священникам, содержащим домашние школы без всякого порядка» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 3]. Каргопольский городничий обещал проверяющему из Петербурга «прекратить сии беспорядки». В том же 1811 г. П. Д. Лодий, инспектируя училища Архангельской губернии, присутствовал при открытии Архангельской гимназии.

Такие обозрения имели большое значение. С одной стороны, для губернских дирекций народных училищ открывалась возможность для решения на месте многих организационных и финансовых проблем с прибывшим из столицы представителем окружного начальства, а учителя гимназий получали от университетского профессора ценные методические рекомендации и замечания. С другой стороны, визитации давали Училищному комитету важную информацию о состоянии школьного дела на местах. В то же время они служили живым связующим звеном между гимназией и университетом, формировали у лучших учеников мотивацию к поступлению в университет, а иногда заранее обеспечивали их протекцией.

Профессора-визитаторы вникали в проблемы организации и хозяйственного обеспечения училищ, постановки преподавания различных предметов. В свою очередь, они использовали накопленный опыт провинциальных педагогов для написания необходимых учебных пособий и программ. Например, профессорами Петербургского университета Е. Ф. Зябловским и Н. Г. Устряловым были написаны учебники и методические пособия для гимназий, уездных и приходских училищ, первым — по всеобщей географии [Зябловский, 1821], вторым — по русской истории [Устрялов, 1839].

Для университетских профессоров визитации становились дополнительной нагрузкой и отрывали их от основных занятий. Эти поездки обычно занимали не менее 2–3 месяцев, причем происходили не в летнее (вакационное) время, а в середине учебного года, осенью или зимой: по плохим дорогам, с неустроенностью дорожного быта. Эти тяготы, а также необходимость составления подробных отчетов лишь отчасти возмещались двойным окладом жалованья визитаторам на время путешествия.

Визитаторы-профессора в 1800–1830-х гг. контролировали систему школ как на уровне губернских городов, так и на уровне уездных училищ не только столичной, но и отдаленных губерний учебного округа. Контроль за деятельностью педагогов облегчался тем, что многие из них сами были питомцами Санкт-Петербургского университета.

После 1835 г. функции контроля за преподаванием были возложены на инспекторов казенных училищ, также приезжавших из центра учебного округа в отдаленные губернии. Они не только вникали в содержание и ход преподавания, но и давали ценные методические рекомендации. Так, инспектор петербургских казенных училищ П. П. Максимович, осматривая в 1838 г. Архангельскую гимназию, обратил внимание на механический характер преподавания Закона Божьего. В своем отчете инспектор написал, что одного механического способа обучения, затверживания уроков наизусть — недостаточно, учителя должны «передавать свое учение» так, чтобы это было доступно для детского возраста, чтобы ученики «могли усвоить выученное и дать в том отчет, и сами объяснить друг другу» [ГААО. Ф. 127. Оп.1. Д. 21. Л. 207].

С. С. Уваров стал инициатором прекращения периода университетского управления училищами. Введенное «Положение об учебных округах» передавало все управленческие функции в руки попечителей учебных округов. Система администрирования училищ, в которой университет был центральным звеном, была реформирована, но и после 1835 г. попечители округов могли пригласить в поездку по округу профессоров в качестве экспертов. Последняя ревизия училищ с участием университетских профессоров была проведена в 1863 г., когда А. Ф. Постельс обозревал Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую гимназии [Постельс, 1863]. В пореформенное время инспектирование училищ в рамках локальной территории могло быть организовано и на министерском уровне [Обозрение…, 1877].

Визитации училищ духовного ведомства

Контроль за деятельностью подведомственных учебных заведений в духовно-учебном округе осуществлялся также через их «обозрения» (ревизии, визитации). С 1814 г. их проводили члены академических Конференций по утверждению Комиссии духовных училищ. Статьи 455–468 «Устава Духовной академии» посвящены визитации духовных училищ [Устав…, 1830: 951–953]. Они определяли круг прав и обязанностей ревизора. Проверяющие обозревали училища, составляли ежедневные отчеты о проделанной работе, проводили публичные испытания учащихся. При проведении экзаменов строго следили за исполнением статей уставов, отмечая не только успехи учащихся, но и «образ учения» преподавателей. Они интересовались учебной и хозяйственной деятельностью школ, оценивали деятельность ректоров, смотрителей и преподавателей училищ. После осмотра учебных заведений представляли в правление Академии письменные отчеты о результатах обозрения, отражая в них состояние осмотренных училищ, качество подготовки учителей, их преподавания и знаний учащихся. Проверяющий инспектировал все духовные школы, встречающиеся на пути его следования по епархии. Режим визитаций не был регулярным. Так, в дореформенное время ревизии олонецких духовно-учебных заведений проводились в 1811, 1833, 1839, 1844, 1852, 1855 гг.

Для проезда к месту назначения ревизору выдавались деньги на командировочные расходы и инструкция, составленная членом Комиссии духовных училищ по Санкт-Петербургскому учебно-духовному округу архиепископом Феофилактом (Русановым).

В отчетах ревизоров содержались данные о состоянии учебного процесса, «не было ли перерывов учения в учебном году, кроме вакационных и табельных дней», получили ли ученики аттестаты и свидетельства

об окончании школ, были ли увольнения из школ без уважительной причины («по неспособности и нетерпимому поведению»). Важным разделом в отчете являлось личное мнение ревизора о состоянии духовных учебных заведений, об уровне преподавания предметов, о благонравии и прилежании преподавателей и учащихся. Проверяющий сообщал академическому правлению «свои мысли о способностях и прилежании самих членов семинарского правления и всех учителей с показанием истинной цены каждого из них» [Устав…, 1830: 953].

Так, в отчете настоятеля петербургского Благовещенского собора А. Минюшского о ревизии 1811 г. были даны краткие характеристики преподавателей и начальников олонецких духовных школ. Деятельность ректоров уездных духовных училищ И. Н. Ярославлева, игумена Иосифа, И. С. Нечаева ревизором были отмечены положительно: они рачительны, способны, усердны, старательны. Что касается учителей, то в отчете встречаются разные оценки их работы. Удостоились похвалы педагоги Петрозаводского уездного и приходского училищ, а учителя Вытегорского, Лодейнопольского приходских училищ С. Громцев и А. Спасский, наоборот, получили нарекания за «невоздержанность» и «дурное поведение», выразившееся в пьянстве [РГИА. Ф. 802. Оп.1. Д. 501. Л. 2, 116 об., 235, 241].

Такие обозрения, предоставляя в центр важную информацию о состоянии училищ, давали возможность решить некоторые проблемы организации духовного образования на местах. Например, отчет А. Минюшского за 1811 г. с информацией о тяжелом положении некоторых приходских училищ инициировал их закрытие, а сообщение о бедственном положении учащихся, ежедневно просящих милостыню, послужило толчком для увеличения сумм бурсачного и полубурсачного содержания в училищах Санкт-Петербургского учебно-духовного округа.

Однако обозрения духовных школ профессорами духовных академий не всегда были результативны. На значительные недостатки в самой организации ревизий указывал дореволюционный церковный историк, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии Б. В. Титлинов. Он утверждал, что ревизии занимали слишком непродолжительное время (3–4 недели), недостаточное для посещения всех учебных заведений епархии, поэтому ревизии часто носили формальный характер. Профессора, во время краткого посещения школ присутствуя только на экзаменах, не могли подробно познакомиться с методами преподавания в семинариях и адекватно оценить успехи или недочеты в деятельности преподавателей. К тому же ревизорами назначались почти исключительно монашествующие, ректоры, инспекторы и преподаватели академии, «а это были люди, большей частью не специалисты на педагогическом поприще, а только переходные, и потому наименее пригодные к ревизорской роли» [Титлинов, 1908–1909].

Современная оценка ревизий духовно-учебных заведений предложена Н. Ю. Суховой, которая отметила, что «академические ревизии изначально были действенны, а ревизорские отчеты содержали аналитические суждения и практические советы» [Сухова, 2012: 65]. Однако преподаватели духовных академий, занятые собственным преподаванием, редко погружались в ход учебного процесса подведомственных училищ и не имели возможности оценить реальную картину преподавания учебных предметов.

Значительная занятость профессоров духовной академии в экзаменационный период (июнь-июль) заставила Комитет Духовных училищ поручить проведение ревизий духовно-учебных заведений местным епархиальным архиереям. Это произошло в июне 1839 г., когда внешнее правление Санкт-Петербургской духовной академии обратилось в Духовно-учебное управление с просьбой об отмене обозрений подведомственных семинарий по учебной, нравственной и экономической частям, так как «действительные члены академической конференции, кои почти все тут наставники академические, при окончании нынешнего курса учения имеют много занятий по академии» [ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1953. Л. 30].

Восстановить хронику и формы инспектирования мы можем по выписке из Журнала правления Олонецкой духовной семинарии «о действиях экстраординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии, члена академической конференции иеромонаха Макария» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 52 об.]. В документе представлена хроника пребывания ревизора в Петрозаводске 5–12 июля 1844 г. Так, 5 июля, в здании семинарии Макарий встретился с епархиальным архиереем Аркадием (Федоровым) и просматривал журнал правления семинарии. 6 июля — в присутствии членов правления с 9 часов утра производил испытания семинаристов высшего отделения по догматическому и нравственному богословию, а вечером с 18 до 20 часов осматривал семинарскую библиотеку. 7 июля — с 9 до 14 часов ревизором были проведены экзамены в среднем и низшем отделениях семинарии по классу Священного писания и логике, с 18 до 20 часов — по алгебре и латинскому языку. 8–11 июля — в первой половине дня Макарий продолжил посещение экзаменов, а затем в здании семинарии проверял финансовую и делопроизводственную документацию, архив, книгохранилище, посетил семинарскую больницу, наемные квартиры учащихся. 12 июля он экзаменовал учащихся Петрозаводских уездного и приходского духовных училищ.

Интерес для исследователей представляет мнение Платона (Городецкого) об уровне преподавания математики, содержащееся в отчете о ревизии Олонецкой семинарии в 1833 г. Во время проверки о. Платон заметил, что математический курс в семинарии слишком сложен для обучения и предложил Комиссии духовных училищ его пересмотреть «для облегчения и пользы учащихся». Данное предложение было принято Комиссией и «взято в соображение» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 52 об.]. Упрощение математического курса в семинариях произошло в 1840 г.

Во второй половине XIX — начале XX вв. духовные школы ревизовали члены Учебного комитета при Святейшем Синоде и свои обзоры по результатам обозрений издавали отдельными сборниками [Лебедев, 1869; Керский, 1873; Миропольский, 1875; Григоревский, 1876].

Конфликты во время визитации

В целом визитации училищ проходили довольно спокойно. Проверяющий составлял отчет с указанием недочетов в работе того или иного учебного заведения и отправлял его в вышестоящие инстанции. В рассматриваемый период исключением, зафиксированным в исторических источниках, стала уже упомянутая ревизия духовных училищ Олонецкой губернии, проведенная в 1833 г. инспектором Санкт-Петербургской духовной академии архимандритом

Платоном (Городецким). Проверка выявила хорошее состояние Олонецкой духовной семинарии и семи олонецких училищ как в учебном, так и в нравственном отношении. Среди недостатков, замеченных ревизором, отмечались лишь некоторые погрешности в оформлении делопроизводственных бумаг, которые, по мнению Платона, «происходили по неопытности секретаря и эконома семинарии». При этом ревизор особо отметил деятельность ректора Аполлинария (Вигилянского): «Наставник добрый, могущий поучать других словами, а паче делами. К ректорской должности он усерден <…> его 11-летнее исправление должности всегда похвально и заслуживает внимание начальства» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 17]. Добавим, что до назначения в Олонецкую духовную семинарию Аполлинарий (Вигилянский) имел 7-летний стаж службы в системе духовного образования.

Тем не менее ревизор был озабочен тем, что некоторые учителя совмещают преподавание с церковным служением. Как видно из донесения, такие преподаватели часто пропускали учебные занятия или приходили на уроки неподготовленными. Например, Ф. Рождественский, ключарь Кафедрального собора, по мнению инспектора, «довольно сведущ в своих предметах, но, кажется, мало посвящает времени на приготовление к преподаванию оных, вероятно, развлекаясь епархиальными должностями» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 18]. Рекомендации ревизора в этом случае сводились к увольнению таких учителей от преподавательской должности или переводу их в другое учебное заведение.

Отчет Платона (Городецкого) по обозрению Олонецкой семинарии был подан на рассмотрение епископу Игнатию (Семенову), который, в свою очередь, отчет не одобрил. В июле 1834 г. он направил жалобу в Комиссию духовных училищ с обвинениями в адрес и ревизора, и ректора Олонецкой семинарии. По мнению преосвященного, ревизор Платон (Городецкий) слишком мягко отозвался о деятельности ректора, не приняв во внимание все замечания, высказанные в его адрес: о слабом преподавании уроков богословия, неаккуратном ведении семинарского делопроизводства и финансовых документов. В то же время критика проверяющего в адрес ключаря Ф. Рождественского была расценена как «урон лица преосвященного». «Епархиальные сотрудники, — писал Игнатий, — были призваны мною при открытии епархии и под моим руководством обучены к прохождению должности» [Там же: Л. 119]. Епископ Игнатий не только подверг отчет Платона (Городецкого) критике, но и усомнился в нравственных качествах самого проверяющего, сообщив, что «сам же Платон позволял себе нюхать табак в присутствии преосвященного» [Там же].

Жалоба преосвященного Игнатия послужила поводом для открытия судебного разбирательства, которое длилось в течение 1834–1839 гг. Комиссия духовных училищ в 1836 г. потребовала подробных письменных объяснений от ревизора и ректора, которые в своих показаниях были единодушны: работали честно, никаких нарушений Устава не совершали. Платон (Городецкий), в частности, писал: «Представив сие объяснение и по совести не находя себя виновным в том, что доносил на меня преосвященный Игнатий, утверждаю, что освидетельствование семинарии проведено мною добросовестно и с крайним разумением <...> Я никогда не думал, что без вины должен буду ответствовать перед высшим начальством как нерадивый и злонамеренный чиновник» [Там же: Л. 202–202 об].

Дело Платона (Городецкого) рассматривалось в разных инстанциях. Первоначально в 1837 г. оно разбиралось в Санкт-Петербургском академическом правлении, которое резюмировало, что архимандрит Платон свободен от дела: «Объяснение Платона по всем пунктам <…> основательны и достаточно показывают, что <...> изложенное в ревизии донесение не вымысел». Затем в августе-сентябре 1839 г. дело рассматривала Комиссия духовных училищ и Духовно-учебное управлении при Святейшем Синоде. Св. Синод признал безосновательность подозрений епископа Игнатия (Семенова) против Платона (Городецкого), которые были основаны на «личном неудовольствии ревизора». Епископу Игнатию было поставлено на вид, чтобы он «на будущее время о действиях лиц, уполномоченных от высшего начальства и с усердием исполняющих возложенные на них поручения, доносил своевременно, с должной осторожностью, с полным убеждением и исследованием, не основываясь на одних словах своих приближенных <…>, и удалился от подобных случаев, которые тяготеют над подсудными и отвлекают и высшее духовное начальство от занятий более важных» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322. Л. 203, 242]. Таким образом, конфликт был исчерпан, а Комиссия духовных училищ встала на сторону проверяющего. Конфликты подобного рода, возникавшие в ходе ревизий, случались и в последующие десятилетия, однако синодальное начальство считало это дело внутренним и старалось не предавать особой огласке нарушения, выявленные в ходе проверок духовных учебных заведений.

Инспектирование начальных училищ Кольского уезда Архангельской губернии

Кольский уезд был наиболее отдаленной территорией Архангельской губернии, на значительной части его территории проживали коренные народы Севера (саамы). В связи с неразвитостью сети городов и поселков в первой половине XIX в. единственным учебным заведением уезда было приходское училище в городе Кола, открытое в 1839 г. По случаю открытия училища «Архангельские губернские ведомости» сообщали: «День открытия был радостным для всех родителей, не имеющих никаких средств для первоначального обучения детей своих <…>, кроме того, многие отцы семейств просили смотрителя о принятии детей их по возвращении с рыбных и звериных промыслов» [Об открытии училища…, 1839].

Надо сказать, что по числу грамотного населения Кольский уезд отставал как от уездов Олонецкой губернии, так и от других уездов Архангельской губернии. В 1833 г. в целом по Архангельской губернии соотношение числа грамотных к общему числу жителей составляло 1:112, в уездных городах Холмогорске и Онеге — 1:27, в Мезени — 1:48, в Шенкурске — 1:13, в Коле — 1:20 [Калинина, 2017]. Число желающих обучаться в Кольском училище было невелико.

Инспектирование школ Кольского уезда, как правило, совмещали с поездкой по Кемскому уезду Архангельской губернии (с 1859 по 1883 гг. Кольский уезд был включен в состав Кемского уезда). Поскольку на данной территории расстояние между школами, которые обязан был посетить штатный смотритель, было значительным, а дорога сопровождалась различными трудностями, инспектирование школ отдаленных уездов проводилось нечасто.

Вот что писал в своем рапорте директору училищ Архангельской губернии смотритель Кемского уезда Ф. Никитин в марте 1839 г.: «По отдаленности расстояния Колы от Кеми, нерегулярности сообщения в особенности весной и осенью, также и летом, посещают Колу только зимой, ибо путь летом морем, озерами и пешком через тундру и болота весьма затруднителен. А потому <…> всегда встречаются препятствия, ибо взаимная переписка и получение ответов от школ или меня летом длится месяц и более, а осенью и весной около 3-х месяцев <…> Издержки поездки моей в Колу <…> простирались ныне до 165 руб. Здесь разумеются издержки, употребляемые на прогоны, продовольствие в пути и наем квартиры в Коле и в 2-х селениях Кольского уезда, где я, расстроенный многотрудным путем, вынужден был останавливаться; на одежду, обувь и прочие дорожные потребности, необходимые для столь отдаленного пути по суровости климата, заимствованы мною на время [ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 79. Л. 79; Калинина, 2017: 185].

Дабы смотрители использовали казенные средства по назначению, в ноябре 1834 г. вышло распоряжение Министерства народного просвещения «О разъездных деньгах директоров и смотрителей училищ», в котором говорилось, что хотя суммы на прогоны по уезду для обозрения училищ будут выдаваться смотрителям в виде прибавки к жалованью безотчетно, но при этом «надлежит поставить им в обязанность и наблюдать, чтобы они непременно обозревали подведомственные им учебные заведения» [О разъездных деньгах.., 1834: 153]. В декабре 1834 г. Министерство распорядилось выдавать прогонные деньги только тем штатным смотрителям, которые «имеют в ведении своем приходские училища, находящиеся не в одном городе с уездным, а только на дальнем расстоянии, и их посещение сопряжено по необходимости с большими издержками, с той целью, чтобы они не могли уклоняться от посещения вверенных надзору их училищ» [Там же].

С началом активной колонизации численность населения на Кольском Севере росла, открывались новые школы. В Кольском уезде на 1896 г. насчитывалось 15 населенных пунктов: город Кола, 14 сел, 20 лопарских погостов, 15 колоний и становищ и 1 выселок [Краткое описание…, 1896: 205]. В уезде действовали два одноклассных училища, подчиненных Министерству народного просвещения (в Коле и Кузомени), 10 церковно-приходских школ и 4 школы грамоты. Во всех церковных школах в 1894/1895 учебном году обучалось 286 мальчиков (из 620) (включенных в перепись. — *Авт.*) и 62 девочки (из 564) [Там же]. Грамотность была достаточно низкой, 71 % детей оставались без обучения. Кроме того, показатели грамотности сильно зависели от населенного пункта, так, в городе Коле 52 % жителей были грамотными, тогда как в лопарских селах — лишь 5 % [Ушаков, Киселев, 1984: 64].

В конце XIX в. на Кольском Севере начинает создаваться система начального образования. Особой задачей представлялось учреждение школ для «инородческого», то есть неславянского населения Кольского уезда. Главным институтом, взявшим на себя заботы по созданию школьной системы и просвещению коренного населения края в конце XIX — начале XX в., была церковь. Епархиальное начальство понимало, что «только посредством школы возможно возрождение и просвещение инородцев в духе православной церкви» [ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 83]. В распространении просвещения среди

коренного населения Кольского п-ова важную роль сыграло постановление Архангельского епархиального съезда духовенства от 23 января 1887 г. об открытии школ грамоты среди лопарей, зырян и самоедов, «из которых бы лучшие ученики поступали стипендиатами в духовные училища с тем условием, чтобы они по окончании учения обязались посвящать себя деятельности в видах религиозно-нравственного влияния на инородцев» [Там же]. Вслед за этим постановлением благочинному Кольского уезда священнику Георгию Терентьеву поступил запрос о том, сколько в лопарских приходах есть церковно-приходских школ, и пользуются ли школы сочувствием со стороны лопарей [Там же]. В епархию был направлен следующий ответ: «Церковноприходских школ в лопарских приходах нет за неимением средств у лопарей, равно и у причтов, мало обеспеченных жалованием. Мальчиков и девочек у лопарей не мало, нельзя сказать, чтобы лопари не желали отдавать детей учиться грамоте, только дело зависит от того, что они не могут их содержать в училище по своей бедности. Лопари сознают пользу в грамотности и даже сочувствуют» [ГОКУ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 17]. Незамедлительно от Архангельской духовной консистории поступило предписание о том, что всем священникам лопарских приходов необходимо озаботиться открытием церковно-приходских школ и школ грамотности в лопарских приходах [ГОКУ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 319]. К 1913 г. на территории Александровского (до 1899 г. Кольского) уезда работали 14 церковно-приходских школ [Тематический обзор…, ЭР].

Инспектирование церковно-приходских школ в отдаленных лопарских погостах, как правило, осуществляли местные благочинные или, в редких случаях, служители церковного ведомства, назначенные Архангельским епархиальным училищным советом. Отчеты о таких проверках содержат ценную информацию о различных сторонах учебного процесса в начальных церковно-приходских школах Кольского Севера. В инспекторских отчетах дается характеристика особенностей учебного процесса, характеризуются успехи учеников в тех или иных предметах. Кроме того, оценивается и профессиональный уровень учительства (преподавателями начальных церковно-приходских школ чаще всего были священники местных церквей или учительницы, окончившие Архангельские епархиальные курсы). В инспекторских отчетах приводятся данные об особенностях финансирования деятельности школ, наличии необходимых учебных принадлежностей. Кроме того, в отчетах содержатся замечания инспекторов об «отношении местного населения к делу образования», то есть о стремлении родителей того или иного населенного пункта отдавать детей в школу, а также об участии родителей в финансовой помощи школе. Проверяющий обязательно указывал на необходимость конкретных мер по улучшению деятельности инспектируемой школы. Это могли быть как частные замечания, касающиеся методики преподавания, так и пространные суждения автора о путях повышения уровня грамотности коренного населения и привлечения детей в школы. Например, в отчете проверяющего Ловозерской миссионерской церковно-приходской школы, состоявшей под наблюдением Кемско-Александровского отделения Архангельского епархиального училищного совета, за 1906 г. дается следующая характеристика работы школы: «Твердому усвоению материала препятствовало неединовременное поступление детей в школу, <...> неаккуратное посещение детьми школы вследствие небрежения родителей, также и краткость учебного времени для детей, в домашнем и кочевом быту

не говорящих по-русски, отчего забывается ими излагаемое в школе» [ГОКУ ГАМО Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 82]. Проверяющий констатирует и существующие проблемы с дисциплиной: «Бороться со своеволием детей — задача трудная: вне школы они все время проводят без надзора и попечения родителей об их поведении. Состоятельность ижемцев дает им возможность не ограничивать себя ни в чем и баловать детей, для которых праздность взрослого населения в учебное время заразительна. Вообще стоит заметить, что труд учащаго в подобных условиях оказывается крайне неблагодарным» [Там же]. В целом в отчетах инспекторов начальных училищ конца XIX — начала XX вв. фиксируются основные трудности в работе школ в лопарских погостах: недостаточность финансирования, малое количество учащихся, большинство из которых не знают русского языка, отсутствие поддержки со стороны местного населения, несоответствие учебного цикла хозяйственному календарю традиционной промысловой деятельности коренного населения.

Кроме инспекторских проверок школ уездными наблюдателями (как правило, священниками), в отдаленные уезды время от времени направляли проверяющих из Архангельска. Так, в 1911 г. для проверки работы начальных церковно-приходских школ архангельское епархиальное начальство решило командировать в северные уезды своего чиновника Николая Козмина. Он родился в семье священника Шенкурского уезда Архангельской губернии, получил духовное образование. Не желая, по-видимому, становится священником после окончания училища, он продолжил учебу, получил степень кандидата богословия и стал преподавателем в Архангельском духовном училище. Николай Козмин так или иначе участвовал во всех просветительских мероприятиях Архангельской епархии. Он являлся активным участником Церковно-археологического комитета и Епархиального комитета православного миссионерского общества в Архангельской епархии, которое занималось, в частности, привлечением в православие «инородцев», проживающих на окраинах Российской империи.

Поскольку Николай Козмин, помимо преподавательской и организаторской деятельности, занимал должность архангельского епархиального наблюдателя церковных школ, то зимой 1911 г. был вынужден отправится в путешествие по Александровскому уезду для обозрения состояния школьного дела в «неведомой дотоле Лапландии». Его путешествие по Лапландии длилось около двух месяцев, с конца января по конец марта. После возвращения инспектор, имеющий тягу к литературному творчеству, опубликовал свои наблюдения в виде путевого очерка, который получил название «По школам Лапландии. Дневник наблюдателя». В сочинении автор представил читателю описание школ в отдаленных саамских погостах (Кильдинском, Нотозерском, Ловозерском, Печенском и др.), а также культурно-бытовые особенности жизни коренного населения.

Лейтмотивом повествования автора становится описание стремления лопарей к просвещению, которое органично вписывается в колониальный дискурс конца XIX — начала XX вв. Маршрут служебной поездки Н. Козьмина проходил по Архангельскому, Онежскому, Кемскому и Александровскому уездам. «На пути моего следования было немало школ, в которых я делал более или менее продолжительные остановки, вот почему только пробыв 23 дня в пути <...>, я вступил в пределы Александровского уезда», — писал Н. Козмин [Козмин, 1912: 3]. В поездке по Кольскому Северу его сопровождал уездный наблюдатель священник В. Мелентьев, более знакомый с особенностями жизни коренного

населения. Проводниками инспекторов в путешествии по зимней тундре были лопари. Передвижение на оленях, использование непривычных санок-болок, непогода, ночевки в лопарских тупах, делали служебное путешествие обременительным и трудным. «На душе тревога. Слышу завывание ветра. Хочется взглянуть, что делается кругом. И оттого, что не могу этого сделать, становится как-то обидно на кого-то и за что-то», — писал инспектор [Козмин, 1912: 6] Стоит отметить, что Николай Козмин не только инспектировал школы церковного ведомства, но и побывал на уроке русского языка в министерском училище г. Колы «согласно просьбе инспектора народных училищ», что свидетельствует о тесной связи между духовным и светским ведомствами в деле просвещения в отдаленных северных уездах Российской империи.

Описания школ в лопарских погостах в целом схожи между собой (см. подробнее: [Казакова, 2018]). Общее количество учащихся не превышает, как правило, 30 человек. Учебный год начинается только поздней осенью, когда лопари возвращаются с промыслов. Учитель в школе преподает все предметы за исключением Закона Божьего, которым с учениками занимается местный священник. «Если принять во внимание позднее начало занятий и инородческий состав учащихся, то станет понятным, что условия для ее (учительницы. — *Авт.*) работы здесь далеко не благоприятны», — резюмирует Н. Козмин после посещения школы в отдаленном Сонгельском погосте [Козмин, 1912: 13]. Инспектор вынужден констатировать, что во многих погостах, например, в Семиостровском и Йоканьгском, нет школ и «лопари здесь поголовно безграмотны». Несмотря на то, что автор пишет о стремлении лопарей к просвещению, он вынужден тут же признать, что никто из лопарей, получивших начальное образование в церковно-приходских школах, не продолжил свое обучение в средних духовно-учебных заведениях Архангельска из-за нежелания родителей отправлять своих детей «на чужую сторону». Таким образом, идея преемственности образования, законодательно оформленная постановлением Архангельского епархиального съезда духовенства от 23 января 1887 г. о готовности епархии организовать и финансировать образование детей «инородцев», сталкивалась с нежеланием лопарей отправлять своих детей в Архангельск.

В целом инспекторские проверки выявляли реальное состояние дел в отдаленных уездах епархий (училищных дирекций) Русского Севера. Визитации и инспекции в этих условиях сложились как эффективная личная форма контроля за работой учебных заведений. Поскольку служебная поездка инспектора ввиду неразвитости транспортного сообщения занимала много времени и сопровождалась различными трудностями, то инспектирование школ отдаленных уездов проводилось нечасто. Однако результаты таких проверок содержали важную для центра информацию о реальном состоянии дел в сфере просвещения в северных губерниях Российской империи.

Список сокращений

ГААО — Государственный архив Архангельской области.

ГОКУ ГАМО — Государственный архив Мурманской области.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга.

Список источников

ГААО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 21.
ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 79.
ГОКУ ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111
ГОКУ ГАМО Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2
РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 4
РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125
РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 501.
РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322.
Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864.
Устав Духовной Академии // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 32. № 25673. СПб., 1830. С. 951–953.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 612.
ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1953.

Список литературы

Григоревский М. Х. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в 1875 г. СПб.: Б. и., 1876. 60 с.
Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. Во главе училищ: административная деятельность дореформенного университета в России // Труды Ин-та российской истории РАН. 2015. № 3. С. 115–136.
Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 2. С. 22–32.
Зябловский Е. Ф. Всеобщее землеописание для употребления в губернских гимназиях Российской империи Санкт-Петербургского университета. СПб.: Напеч. при Имп. Акад. наук, 1821. 41 с.
Казакова К. С. Полярная «Одиссея» инспектора училищ Николая Козмина в 1911 году // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. № 28 (28). С. 140–147.
Калинина Е. А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2017. 736 с.
Керский С. В. Преобразование духовно-учебных заведений Вологодской епархии. СПб.: Б. и., 1873. 135 с.
Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / под ред. проф. С. В. Рождественского. М.: Польза; В. Антик и К°, 1910. 240 с.
Козмин Н. По школам Лапландии (Дневник наблюдателя). СПб.: Синод. тип., 1912. 31 с.
Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский / Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет. Архангельск: Типо-литогр. наследн. Д. Горяйнова, 1896. 267 с.

Лебедев С. И. О ревизии духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в 1868 г. СПб.: Б. и., 1869. 63 с.

Миропольский С. И. Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в 1872 г. СПб.: Б. и., 1875. 352 с.

Никитенко А. В. Записки и дневники. (1826–1877). СПб.: Типография А. С. Суворина, 1893. Т. 1. 588 с.

Обозрение министром народного просвещения графом Д. А. Толстым учебных заведений Олонецкой губернии (в августе 1877 г.) / Олонецкий губернский статистический комитет. Петрозаводск: Губ. Тип., 1877. 42 с.

Об открытии училища в городе Кола // Архангельские губернские ведомости. 1839. № 16.

О разъездных деньгах директоров и смотрителей училищ // Журн. М-ва народ. просвещ. 1834. Ч. 1, ноябрь. С. 153–154.

Погодин М. П. Школьные воспоминания. 1814–1820 // Вестник Европы. 1868. № 7–8. С. 603–634.

Постельс А. Ф. Отчет по обозрению гимназий Петрозаводской, Архангельской, Вологодской и Вятской и других учебных заведений Санкт-Петербургского и Казанского учебных округов с 15 февраля по 17 мая 1863 года члена Главного правления училищ Постельса. СПб., 1863. 56 с.

Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 658 с.

Тематический обзор по истории христианства и взаимоотношениям государства и церкви // Государственный архив Мурманской области. URL: http://www.murmanarchiv.ru/index.php/exhibitions-events/reviews-and-lists-of-documents/130-2009-06-10-10-17-19.

Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX веке. Вильно: Рус. почин, 1908–1909. Т. 2. С. 158–160.

Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь // Вологда в воспоминаниях и путевых записках, конец XVIII — начало XX века. Вологда, 1997. С. 61–78.

Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для учебных заведений. СПб.: Тип. Рос. акад., 1839. 362 с.

Ушаков И. Ф., Киселев А. А. История родного края. Мурманск: Кн. изд-во, 1984. 176 с.

Сведения об авторах

Жуковская Татьяна Николаевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Калинина Елена Александровна
доктор исторических наук, директор Карельской региональной общественной организации охраны памятников истории и культуры

Казакова Ксения Сергеевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Zhukovskaya Tatyana N.
Ph. D. (History), Associate Professor of the Institute of History of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Kalinina Elena A.
Doctor of Science (History), Director of the Karelian Regional Public Organization for the Protection of Monuments and Culture

Kazakova Ksenia S.
PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.92-109
УДК 061.62:65011(470.21)

А. Г. Саморукова, В. П. Петров

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ: КОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1963–1988 ГОДАХ

Аннотация

Прослежен путь развития Кольского филиала АН СССР с 1963 по 1988 гг., когда Филиал был преобразован в региональный научный центр АН СССР с существенным расширением круга его задач и укреплением материальной базы. Основное внимание уделено формированию основных научных направлений и связанным с ними структурным преобразованиям КФАН и его академических учреждений. Научные направления и структура Кольского филиала АН СССР, а затем Кольского научного центра РАН менялись в соответствии с приоритетными задачами, которые возникали в связи с освоением Кольского края.

Ключевые слова:

научные направления, структурные подразделения, лаборатория, отдел, комплексное научное учреждение, научный центр.

Antonina G. Samorukova, Valentin P. Petrov

ORGANIZATION OF SOVIET SCIENCE IN THE FAR NORTH: KOLA BRANCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN 1963–1988

Abstract

The article traces the development of the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences within the period from 1963 to 1988. At that time the Branch was transformed into a regional Scientific Research Centre of the USSR Academy of Sciences and its tasks and supporting material base were significantly expanded. The main attention was focused on forming the basic research areas and the structural changes connected to them. These research areas and fields together with the structure of the Kolar Branch and then Kola Scientific Research Centre changed and developed according to priority tasks related to exploration of the Kola region.

Keywords:

research areas, structural subdivisions, laboratories, departments, integrated research institution, scientific research centre.

К началу 1960-х гг. Кольский филиал АН СССР, благодаря постоянному целенаправленному вниманию и поддержке со стороны государственных органов, Президиума Академии наук СССР и местных советских, партийных и производственных организаций, приобрел черты крупного регионального научного кластера с интегрированной системой научных учреждений, материально-технической базой и социальной инфраструктурой, что позволяло всесторонне исследовать и решать сложные проблемы социально-экономического развития заполярного края.

С начала 1960-х гг. в исторической литературе изучение истории науки, анализ проблем ее развития выделяются в качестве самостоятельного направления. В фокусе интереса историков находятся вопросы истории и становления научной инфраструктуры, институционализации науки. Появились обобщающие исторические исследования, которые способствовали формированию представлений о развитии науки на различных этапах ее истории. Среди них коллективные и индивидуальные монографии, исторические очерки [Организация науки, 1970; Основные принципы…, 1973; Беляев, Пышкова, 1979; Кольцов, 1988; Лахтин, 1990].

В постсоветский период большое внимание уделяется исследованиям по региональной тематике. Изучение истории науки в регионах базируется в основном на архивном материале. Публикуются сборники документов, научно-справочные издания, журнальные статьи, среди которых прежде всего следует отметить статьи А. А. Бровиной, посвященные анализу документального наследия, связанного с изучением Европейского Севера [Бровина, 2012, 2018], исторические очерки [Титов, Савватеев, 2006], монографии по истории научных центров Европейского Севера [Академическая наука…, 2006; Самарин, 2006]. Работы по истории Кольского научного центра РАН представлены научно-справочными изданиями [Ученые…, 2010; Кольский научный центр…, 2011], статьями в изданиях КНЦ РАН [Дюжилов, 2004; Виноградов и др., 2014; Макарова, Петров, 2014; Токарев, Петров, 2014; Саморукова, Петров, 2018].

Предпринятые после XXI съезда КПСС попытки реформировать все стороны жизни государства и общества обусловили и коренные перемены в структуре организации и управления наукой, отразившиеся на деятельности КФАН СССР.

В апреле 1961 г. было принято совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР». Этим решением впервые создавался общегосударственный орган планирования и координации научных работ — Государственный комитет Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ, который заменил ранее существовавший Государственный научно-технический комитет. Целью создания нового Государственного комитета СМ СССР являлась концентрация деятельности научных учреждений различного ведомственного подчинения на выполнении исследовательских работ по основным научным проблемам, имеющим большое народнохозяйственное значение. Согласно постановлению, семь региональных филиалов Академии наук СССР, в том числе Кольский, вместе с их научно-исследовательскими учреждениями были переданы из Академии наук СССР в ведение Комитета по координации научно-исследовательских работ.

В начале 1963 г. на государственном уровне было признано, что создание Комитета по координации при Совете Министров РСФСР не оправдало надежд и целесообразно преобразовать его в общесоюзный Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, возложив на последний подготовку совместно с АН СССР предложений по основным направлениям развития науки и техники в стране.

В связи со сложившейся обстановкой Президиум Академии наук СССР в 1963 г. вернулся к вопросу о положении и статусе филиалов. По мнению президента АН СССР М. В. Келдыша, филиалы, переданные в Комитет по координации остались, по сути, в том же составе и было создано объединение филиалов параллельно с АН СССР [Келдыш, 1963: 5]. Это привело к тому, что руководство научной работой со стороны Академии наук, естественно, ослабло. Исходя из этого Президиум АН СССР счел целесообразным подчинить Академии наук СССР учреждения, которые занимались в основном разработкой проблем естественных и общественных наук.

Во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 апреля 1963 г. «О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и академий союзных республик» и распоряжения Президиума АН СССР от 3 мая 1963 г. Государственный комитет Совета Министров РСФСР сдал, а Академия наук СССР приняла Кольский филиал АН СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 651. Л. 1].

Это решение приветствовалось и на местах. Председатель Кольского филиала АН СССР Е. К. Козлов, выступая на XIV областной партийной конференции в 1963 г., отметил, что Президиуму Кольского филиала АН СССР с помощью Мурманского обкома КПСС удалось доказать, что деятельность Филиала и его организационная структура лучше всего соответствуют и будут соответствовать развитию производительных сил края и изучению его природных богатств. Благодаря этому в прошедшей реорганизации научных учреждений Кольский филиал остался без изменений [ГАМО. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 1. Л. 141].

В 1964 г. Кольский филиал АН СССР как комплексное научное учреждение целиком восстановил свою деятельность в составе Академии наук. Ученые Кольского филиала расценили это как признание той большой роли, которую Филиал играет и призван играть в научном обеспечении успешного развития Евро-Арктического региона России [ГАМО. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 49. Л. 123].

Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 апреля 1963 г. и в соответствии с новым Уставом АН СССР, принятым 15 мая 1963 г., Кольский филиал АН СССР со всеми его структурными подразделениями был подчинен Президиуму АН СССР [Уставы…, 1975: 181]. Все научные подразделения Кольского филиала в соответствии с Уставом АН СССР организационно подчинялись Президиуму Филиала, осуществляющему руководство научной, научно-организационной и хозяйственной деятельностью [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 687. Л. 9].

Президиум Кольского филиала, учитывая изменения в организационном подчинении филиала и желая ускорить завершение реорганизационного периода, внес на рассмотрение и утверждение Президиума АН СССР следующие проекты:

1. Положение об основных задачах Кольского филиала АН СССР.
2. Положение об организационном подчинении Кольского филиала АН СССР и его структуре.

3. Положение об основных научных направлениях институтов, отделов и Полярно-альпийского ботанического сада Кольского филиала АН СССР [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 687. Л. 6.].

24 апреля 1964 г. Президиум АН СССР утвердил новый состав Президиума КФАН СССР во главе с председателем к. г.-м. н. Е. К. Козловым, в 1961 г. сменившим на этом посту чл.-корр. АН СССР А. В. Сидоренко. Заместителем председателя Президиума стал к. т. н. Н. А. Воронков.

В состав нового Президиума КФАН вошли:

Бельков И. В., к. г.-м. н., Геологический институт;

Игнатьев О. С., к. т. н., Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья (ИХТРЭМС);

Исаев С. И., к. ф.-м. н., Полярный геофизический институт;

Козупеева Т. А., к. с.-х. н., Полярно-альпийский ботанический сад;

Мазуров М. К., к. э. н., ИХТРЭМС;

Точилин М. С., д. г.-м. н., Геологический институт;

Турчанинов И. А., к. т. н., Горно-металлургический институт (в настоящее время — Горный);

Загородный В. Г., ученый секретарь.

Согласно положению об организационном подчинении КФАН была также утверждена новая структура научных подразделений Кольского филиала вместо существующей на момент его передачи из Комитета СМ РСФСР по координации научно-исследовательских работ.

Структура КФАН СССР на тот момент была такова [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 687. Л. 26–29]:

- Геологический институт в составе 13 лабораторий, чертежного бюро, Геологического музея, шлифовальной мастерской;
- Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья в составе 8 лабораторий и опытного цеха с перспективой образования экспериментальных мастерских;
- Горно-металлургический институт в составе 12 лабораторий, с планом создания еще 4 лабораторий и опытного цеха;
- Полярный геофизический институт в составе 6 лабораторий, бюро радиопрогнозов и геофизической станцией в селе Ловозеро;
- Мурманский морской биологический институт в составе 9 лабораторий;
- Полярно-альпийский ботанический сад в составе 6 групп и опытного научно-экспериментального пункта.

В 1960–1970-х гг. в системе АН СССР большое значение имела практика периодических проверок и анализа деятельности научных учреждений экспертными комиссиями с участием представителей руководства Академии наук СССР и ведущих ученых. Эксперты анализировали качество проводимых научных исследований, их востребованность в экономике страны, помогали с определением дальнейших приоритетов.

В этом ряду следует отметить большую проверку Кольского филиала по линии АН СССР в 1965 г., когда Президиум АН СССР направил комиссию во главе с академиком Б. П. Константиновым для комплексного обследования учреждения. В комиссию Президиума АН СССР входили акад. И. В. Тананаев, чл.-корр. АН СССР Н. Н. Ковалев, д. х. н. И. С. Морозов, д. ф.-м. н. В. И. Красовский, к. т. н. В. В. Тимашов.

Руководство Академии наук предполагало на одном из заседаний Президиума АН СССР специально заслушать вопрос о состоянии и перспективах научной деятельности Кольского филиала и его учреждений.

Главная цель, которую преследовала комиссия Президиума АН СССР, заключалась в определении наиболее актуальных и приоритетных направлений и задач деятельности Кольского филиала АН СССР в области фундаментальных и прикладных научных исследований, важных для развития производительных сил и экономики Мурманского региона.

С вопросом о научных направлениях были связаны и вопросы развития научно-организационной и производственной структуры Кольского филиала АН СССР, финансирования, капитального строительства, кадровой политики.

О результатах работы комиссии Президиума АН СССР было доложено 18 октября 1965 г. на расширенном заседании Президиума Кольского филиала им. С. М. Кирова [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 701]. Комиссией был дан обстоятельный и доброжелательный анализ деятельности Кольского филиала, отмечено хорошее впечатление как о Филиале в целом, так и о его научных учреждениях. Комиссия сделала заключение, что Кольский филиал, который по существу являлся форпостом науки на Крайнем Севере, за годы своего существования превратился в крупнейший научный центр. Было подтверждено также, что его основные направления в развитии научно-исследовательских работ соответствуют общим задачам, которые поставлены перед ним по изучению и использованию природных ресурсов края.

Судя по материалам проверки и выступлениям участников заседания, большое внимание было уделено исследованию и решению проблем энергетики региона. Вопрос этот имел предысторию. Еще 10 января 1964 г. бюро Отделения физико-технических проблем энергетики рассматривало научную направленность и результаты деятельности лаборатории энергетики Горно-металлургического института. Лаборатория, состоящая из 10 сотрудников, в том числе 7 научных работников, за 12 лет существования выполнила обширный комплекс исследований, связанных с изучением гидроэнергетических ресурсов Кольского региона и разработкой наиболее эффективных путей их использования. Вместе с тем, по мнению комиссии, в Кольском филиале АН СССР практически не проводились исследования в области промышленной энергетики, не изучалась специфика энергетического баланса основных отраслей промышленности. В последние годы были свернуты исследования в области комплексного изучения и использования водных ресурсов Кольского п-ова. Кольскому филиалу АН СССР рекомендовалось расширить исследования по основным направлениям развития энергетики и энергетического баланса Кольского п-ова и соседних районов Северо-Запада.

В связи с этим бюро Отделения указало на необходимость создания при Президиуме КФАН СССР Отдела энергетики и комплексных водохозяйственных проблем в составе двух лабораторий на базе имеющейся лаборатории энергетики. Вторично решение было подтверждено бюро Отделения 9 марта 1965 г.

К моменту работы комиссии АН СССР самостоятельный отдел энергетики из-за малочисленности сотрудников все еще не был создан. Председателю Президиума КФАН Е. К. Козлову и директору Горно-металлургического института И. А. Турчанинову было рекомендовано обратить

внимание на укрепление и расширение лаборатории энергетики с тем, чтобы создать условия для организации на ее базе отдела уже к концу 1966 г. Тем не менее отдел энергетики был выделен в самостоятельное подразделение при Президиуме КФАН только в 1973 г.

В составе комиссии отсутствовали экономисты, что объяснялось следующим: незадолго было принято решение об организации Отдела экономических исследований на базе лаборатории экономических исследований Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья. Без оценки экономической эффективности ни технологические схемы, ни разработки ученых не могли считаться завершенными. Отдел был образован в мае 1965 г., и в соответствии с решением Президиума АН СССР основными направлениями работы Отдела признаны следующие: экономическая эффективность основных фондов предприятий и новой техники в горнодобывающей, металлургической, химической промышленности на базе кольского минерального сырья: развитие и размещение производительных сил Мурманской обл. В дальнейшем, согласно плану развития сети научных учреждений Филиала, Отдел экономических исследований при Президиуме КФАН планировалось преобразовать в самостоятельный институт [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 687. Л. 38–39].

Главным профилирующим направлением Мурманского морского биологического института, которое развивалось на момент передачи КФАН в АН СССР, являлось изучение биологических закономерностей, определяющих продуктивность Баренцева моря, и пути ее повышения. Направление, по мнению проверяющих, должно было развиваться и в будущем. Было высказано особое мнение о том, что для развития и продуктивной деятельности Мурманского морского биологического института необходимо осуществление комплексных капиталовложений.

Комиссией Президиума АН СССР были сделаны замечания относительно направлений и результатов деятельности Полярного геофизического института. В частности, внимание было обращено на то, что, являясь уникальным научным учреждением в СССР по всестороннему исследованию полярной ионосферы, ПГИ не развернул необходимым образом научно-исследовательскую работу в этом главном направлении. В Полярном геофизическом институте отсутствовали ясные перспективы его развития, а также четкое мнение о степени важности различных направлений. С точки зрения проверяющих, основные капитальные вложения на строительство и закупку оборудования были направлены в последнее время не на развитие основного научного направления, которым никто в СССР, кроме Полярного геофизического института, не может заниматься, а на развитие других научных направлений, которые можно рассматривать только как вспомогательные. Происходило распыление средств по различным направлениям, в результате чего ни одно из них не развивалось продуктивно. В качестве объективной причины сложившегося положения отмечалась крайняя раздробленность различных подразделений института.

Комиссия рекомендовала придать первостепенное значение всестороннему комплексному исследованию полярной ионосферы, сделав этот комплекс самостоятельным. Была предложена помощь Отделения общей и прикладной физики АН СССР в приобретении более совершенной аппаратуры и организации пункта комплексных наблюдений. Дирекция института получила поручение подготовить детально разработанный перспективный план развития института на 1966–1970 гг.

Деятельность Полярно-альпийского ботанического сада еще до приезда комиссии рассматривала специальная сессия Ботанических садов АН СССР, которая одобрила работу его ученых и вынесла решение о создании Полярно-альпийского ботанического сада-института.

Итоги работы комиссии 18 февраля 1966 г. обсуждались на Президиуме АН СССР с изданием постановления «О перспективном развитии научных учреждений Кольского филиала Академии наук СССР на 1966–1970 годы» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 709. Л. 107].

Президиум Академии наук СССР постановил:

1. Одобрить научную и научно-организационную деятельность Кольского филиала Академии наук СССР в области развития производительных сил Кольского п-ова, выявления его богатейших минеральных и энергетических ресурсов, в исследовании вопросов эффективной добычи и комплексной переработки минерального сырья, в изучении полярной ионосферы и продуктивности Северного морского бассейна, интродукции и акклиматизации растений, в разработке перспектив развития народного хозяйства Мурманской обл. на период 1960–1980 гг.

2. Считать основными следующие задачи Кольского филиала АН СССР:

- изучение и освоение сырьевых богатств, выявление главных закономерностей формирования и размещения полезных ископаемых Кольского п-ова (медь, никель, железо и др.);
- изучение физических основ и создание новых методов технологии добычи и комплексного обогащения полезных ископаемых в условиях Заполярья;
- изучение энергетических ресурсов и водохозяйственных проблем Кольского п-ова;
- разработка эффективных способов комплексной переработки редкометалльного сырья Кольского п-ова;
- исследование полярной ионосферы, космических лучей, сейсмического режима земной коры;
- изучение биологических закономерностей, определяющих продуктивность Баренцева моря и пути ее повышения;
- исследование природных растительных и почвенных ресурсов Мурманской обл., интродукция и акклиматизация растений;
- выявление экономической эффективности промышленного освоения минерального сырья и перспектив развития производительных сил Мурманской обл. и смежных с ней районов.

3. Утвердить основные направления научных исследований учреждений Кольского филиала АН СССР.

4. Утвердить структуру научных учреждений Кольского филиала АН СССР.

5. Считать целесообразным организовать в 1967 г. в Кольском филиале АН СССР Отдел энергетики и комплексных водохозяйственных проблем на базе лаборатории энергетики и комплексных водохозяйственных проблем Горно-металлургического института.

6 Поручить Отделению наук о Земле рассмотреть вопрос организации Института комплексной переработки полезных ископаемых на базе существующих лабораторий Горно-металлургического института и Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья и представить предложения в Президиум АН СССР.

7. В целях расширения исследований по освоению растительных ресурсов региона считать целесообразным предоставить Полярно-альпийскому ботаническому саду права института с преобразованием существующих там научных групп в лаборатории.

Постановление Президиума АН СССР имело большое значение для дальнейшего развития структуры КФАН и его учреждений. Уже с мая 1965 г. развернул свою работу Отдел экономических исследований, первым руководителем которого стал к. э. н. М. К. Мазуров. В этом развивающемся подразделении создавались тематические группы общеэкономических проблем, экономики и социологии труда и др. В 1966 г. при Полярном геофизическом институте организован комплексный геофизический полигон по изучению динамики современных движений земной коры. В составе Полярно-альпийского ботанического сада-института в качестве самостоятельного вспомогательного подразделения выделены заповедник и садово-парковая часть с опытно-производственным хозяйством.

В апреле 1967 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие успехи в развитии науки и производительных сил Кольского п-ова Кольский филиал им. С. М. Кирова АН СССР был награжден орденом Ленина.

В 1971 г. решением Президиума АН СССР председателем Президиума КФАН был назначен д. г.-м. н. Г. И. Горбунов (1971–1985), работавший в Министерстве геологии СССР и давно связанный с деятельностью Кольского филиала АН СССР. Трудовая научная биография председателя Президиума КФАН СССР в 1949 г. началась с должности ученого секретаря, внесшего существенный вклад в подготовку преобразования Кольской базы в Филиал. К этому времени Г. И. Горбунов, выпускник Московского геологоразведочного института, имел не только опыт работы по специальности, но и организаторские навыки партийной работы в должности второго секретаря Ловозерского РК ВКП(б) Мурманской обл. [Ученые…, 2010: 114].

С его приходом наметился новый этап в развитии Филиала. Г. И. Горбунов трижды избирался на новый срок. На протяжении 32 лет работы в КФАН СССР председатель Президиума приложил немало усилий для строительства Академгородка в городе Апатиты, всей производственной и социальной инфраструктуры Филиала. В 1973 г. было закончено строительство и подготовлено к сдаче здание Горного института Кольского филиала. Завершилось строительство корпуса опытных работ и модельных установок, экспериментальных мастерских, автоматической телефонной станции. Введены в строй автобаза, больница с поликлиникой, два детских сада, пионерский лагерь, жилые дома. Укреплялась научно-экспериментальная база Филиала. Решалась многолетняя проблема в развитии Мурманского морского биологического института, здесь строились объекты инженерного обеспечения института (водо- и электроснабжение), продолжалось строительство общежития и жилого дома в пос. Дальние Зеленцы, приобретено экспедиционное судно [Токарев, Петров, 2014: 35].

Увеличился штат сотрудников институтов и опытно-экспериментальных технических и научно-вспомогательных подразделений. К руководству институтами пришли новые молодые высококвалифицированные ученые —доктора наук И. Б. Токин, Г. Г. Матишов, Н. Н. Мельников, О. М. Распопов, В. Т. Калинников. В институтах КФАН создавались новые научные лаборатории, а на базе уже существующих подразделений формировались комплексные научные отделы. Так,

из состава Полярного геофизического института была выделена и передана в Геологический институт лаборатория сейсмологии и геофизическая обсерватория «Кукисвумчорр». В целях развития комплексных исследований по обогащению полезных ископаемых Кольского п-ова в составе Горного института на базе нескольких лабораторий в 1975 г. создан Отдел обогащения, возглавляемый к. т. н. П. А. Усачевым. В феврале 1973 г. Президиум КФАН постановил организовать в составе ИХТРЭМС (на базе существующей группы лабораторий в г. Мончегорске) Отдел технологии строительных материалов, руководителем которого был утвержден к. т. н. А. Брянцев.

Для повышения эффективности работы научных институтов развивалась система вспомогательных технических, управленческих и информационных служб и подразделений. Созданы служба ремонта научно-исследовательской аппаратуры, первая метрологическая служба, патентный отдел, отдел охраны труда.

В 1978 г. в целях развития исследований по охране окружающей природной среды в условиях интенсивного индустриального освоения Крайнего Севера в составе Отдела экономических исследований организуется лаборатория охраны природы, основными задачами которой стали разработка проблем сохранения и улучшения природной среды в условиях Крайнего Севера и подготовка прогнозов ее изменения при нарастающих темпах развития народного хозяйства. Возглавил лабораторию к. б. н. В. В. Крючков.

В последующие годы КФАН занял видное место в ряду научных центров СССР и получил широкое признание в нашей стране и за рубежом.

На 1970-е гг. пришлось становление и развитие сотрудничества трех филиалов АН СССР: Кольского, Карельского и Коми. Три северных филиала занимались близкими проблемами, прежде всего, изучением природы и ресурсов Северо-Запада европейской части страны. Сфера научной деятельности трех филиалов, природная общность территории, стоящие перед ними научно-исследовательские задачи обусловливали возможность и необходимость взаимного сотрудничества.

К началу 1970-х гг. структуры трех филиалов во многом были схожими. В их состав входили институты геологии, биологии, отделы экономических исследований, энергетики. Каждый филиал имел свою региональную специфику, в частности, Карельский филиал АН СССР со дня своего основания имел развитое гуманитарное подразделение (Институт языка, литературы и истории). Тем не менее были глубокие и объективные основания для координации исследований на межрегиональном уровне. В начале 1970-х гг. энергетики, экономисты, геологи, химики и биологи всех филиалов приступили к комплексному изучению Северо-Западного региона СССР [Виноградов и др., 2014: 4].

Геологический институт Кольского филиала и Институт геологии Карельского филиала начали совместные исследования по перспективной оценке Карело-Кольского региона на твердые полезные ископаемые, которые планировалось завершить в 1975 г. Геологические институты трех филиалов работали над составлением Геологического атласа Севера европейской части СССР. Отделы экономических исследований филиалов приступили к работе по изучению комплексных межотраслевых и территориальных проблем использования природных ресурсов районов Европейского Севера на отдаленную перспективу (до 2000 г.). Ботаники и биологи Полярно-альпийского ботанического сада-института стали инициаторами и разработчиками обширной программы

исследований трех филиалов. В разработанной программе отмечалось, что в решении целого ряда вопросов возможны и необходимы тесное сотрудничество и координация, а в ряде случаев и совместные планово-тематические работы, в частности, в разработке научных основ охраны природы Севера. Начались совместные исследования по рациональному использованию и охране водных ресурсов Кольского п-ова и Карелии. Было выявлено влияние сточных вод промышленных предприятий на режимы водоемов, разработаны рекомендации по упорядочению использования водных ресурсов и их охране.

Накопленный опыт совместных исследований между академическими учреждениями, безусловно, сказывался на их уровне. Были достигнуты значимые результаты в организации комплексных научно-исследовательских групп по актуальным научным проблемам. В состав групп вошли специалисты не только научных подразделений, но и других научных, проектных и производственных предприятий. Примером могут служить группы специалистов, работавших по межотраслевой теме «Разработка прогноза комплексного освоения природных ресурсов, обоснование принципиальных направлений и проблем развития производительных сил Европейского Севера на период 1981–1990 годов и 1991–2000 годов» [Горбунов и др., 1976: 27].

Совместная научно-исследовательская деятельность северных филиалов продолжалась до 1985 г. В последующие годы форма организации и координации научных исследований на уровне региональных учреждений постепенно утратила свою роль. Все большее значение приобретали индивидуальные творческие связи, участие в проектах и программах различного уровня, в т. ч. международных.

В июле 1978 г. в КФАН находилась группа ведущих ученых страны, работников аппарата Президиума АН СССР во главе с вице-президентом акад. В. А. Котельниковым. Цель посещения — ознакомиться с состоянием научно-исследовательских работ, выработать основные направления и определить перспективы дальнейшего развития научных учреждений филиала.

Итоги работы комиссии были рассмотрены в январе 1979 г. на заседании Президиума АН СССР, на котором был заслушан доклад председателя Президиума Кольского филиала Г. И. Горбунова «Об основных направлениях исследований и перспективах развития научных учреждений КФАН СССР» [Горбунов, 1979: 12–22].

В постановлении Президиума АН СССР отмечалось, что, развивая фундаментальные исследования, научные учреждения КФАН СССР успешно сочетают их с прикладными разработками, направленными на ускорение темпов научно-технического прогресса, расширение минерально-сырьевой базы промышленных предприятий, совершенствование технологических процессов и организацию новых производств с учетом комплексного использования природного сырья и охраны окружающей среды региона.

Рассмотрев научную деятельность Кольского филиала АН СССР, Президиум Академии наук СССР принял постановление «Об основных направлениях исследований и перспективах развития научных учреждений Кольского филиала». Перед руководством КФАН была поставлена задача интенсификации научных работ при ограничении роста штатного состава. В связи с этим в 1980-е гг. в деятельности академического учреждения первостепенное значение приобрели факторы интенсификации. Проведение возрастающего объема исследований проходило при стабильной численности персонала.

1 октября 1981 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по ограничению роста и сокращению численности работников аппарата управления и некоторых отраслей непроизводительных сфер». Им, в частности, предусматривалось уменьшить в XI пятилетке численность персонала научных, проектных и изыскательских организаций не менее чем на 15 %. Для академических институтов были сделаны определенные льготы.

Возможность выполнения возрастающих по объему и сложности научных исследований в условиях ограничения численности персонала в XI пятилетке была обусловлена несколькими факторами.

1. Осуществление комплекса организационных мероприятий по улучшению управления научными исследованиями и совершенствованию структуры институтов с новыми проблемами и направлениями работ. Президиумом Филиала принят ряд локальных нормативных документов по улучшению организации и планирования исследовательских работ и внедрения их результатов в производство, совершенствованию систем материального стимулирования.

2. Вторым фактором повышения эффективности научного труда явилось укрепление материальной базы институтов, приобретение новейшей высокопроизводительной и уникальной по точности измерительной аппаратуры, автоматизации исследовательских процессов.

3. Третьим фактором интенсификации исследований следует считать постоянный рост квалификации научного персонала. Если в 1970 г. удельный вес кандидатов и докторов наук составлял всего лишь 30 % (8 докторов и 52 кандидата наук), то к 1984 г. удалось довести этот показатель до 50 % (25 докторов и 292 кандидата наук), то есть достичь среднего по Академии наук СССР в целом [Горбунов, 1984: 10].

В 1985 г. во главе Кольского филиала АН СССР встал директор Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья д. х. н., проф. В. Т. Калинников. Геологический институт возглавил д. г.-м. н. Ф. П. Митрофанов, Горный институт — д. т. н. Н. Н. Мельников, Мурманский морской биологический институт — д. г. н. Г. Г. Матишов. Формировались также научные школы в области гидрометаллургии и материаловедения, изотопной геологии и геодинамики литосферы, горного дела, освоения подземного пространства, комплексных морских исследований, мониторинга арктических экосистем.

Был осуществлен ряд мероприятий, направленных на повышение теоретического уровня и эффективности проводимых исследований, на организацию работ по ряду актуальных для региона тем новых научных направлений. В частности, в декабре 1986 г. на основании постановления Совета Министров СССР «О комплексном использовании полезных ископаемых Кольского полуострова» был организован Институт экономических проблем, и. о. директора стал к. г.-м. н. Г. П. Лузин, будущий чл.-корр. РАН.

Вторая половина 1980-х гг. отмечена началом глубокого реформирования общественно-политической и социально-экономической системы СССР, что оказало значительное влияние на деятельность Академии наук СССР и ее региональных филиалов.

В мае 1987 г. в ЦК КПСС, в связи с подготовкой рабочего визита М. С. Горбачева в Мурманскую обл., Президиумом КФАН была представлена справка о деятельности Филиала, в которой были изложены его основные научные направления и практические результаты деятельности. В документе

подчеркнуто, что Кольский филиал АН СССР проводит комплексное изучение природных ресурсов и подготовку научно обоснованных путей вовлечения их в сферу народного хозяйства, осуществляет скоординированное межинститутское взаимодействие.

В исследованиях, связанных с минеральными ресурсами, выявлены и установлены закономерности размещения важнейших в промышленном значении полезных ископаемых. Это главное направление деятельности Геологического института было неотделимо от проблем добычи и обогащения полезных ископаемых, которые в научном плане решали ученые Горного института. Главной задачей Института химии редких элементов и минерального сырья являлось изучение химической технологии полученных концентратов при первичной переработке для создания эффективных методов их комплексной переработки. Замыкал эту технологическую цепочку Институт экономических проблем, который выполнял экономическую оценку минерально-сырьевых ресурсов и технологических процессов их использования.

Второй блок институтов объединяло изучение и освоение биологических ресурсов. Исследованиями растительных и почвенных ресурсов региона, рационального их использования и охраны, зеленого строительства занимались ученые Полярно-альпийского ботанического сада-института. Изучение биологической продуктивности северных морей, изыскание путей рационального использования биоресурсов являлось основой деятельности Мурманского морского биологического института КФАН СССР.

Энергетические ресурсы, вопросы освоения углеводородного топлива шельфа Баренцева моря — главные объекты исследований Отдела энергетики.

Хозяйственное освоение Кольского п-ова, акватории северных морей требовало знания геофизики и воздействия специфики состояния полярной ионосферы на жизнедеятельность человека. Эти вопросы обеспечивались исследованиями Полярного геофизического института.

Таким образом, КФАН в начале 1987 г. являлся комплексным научным учреждением, в котором на тот момент работало около 3500 человек, в их числе 350 кандидатов и докторов наук [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 330. Л. 6].

В сентябре-октябре 1987 г. в Мурманской обл. находился Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, во время визита которого перед партийной организацией и всей областью была поставлена задача — сформулировать программу ускорения социального и экономического развития стратегически важного региона. Естественно, эта задача самым тесным образом была связана с необходимостью укрепления научного потенциала во всех его компонентах и ускорения внедрения достижений научно-технических разработок [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 337. Л. 3].

К визиту Генерального секретаря ЦК КПСС в Мончегорске была организована выставка, отображающая все главные результаты научной деятельности Кольского филиала и определяющая его перспективы. Здесь же во время посещения выставки были намечены важнейшие направления, по которым было дано поручение проработать материал для включения его в проект правительственного постановления. В течение недели Президиумом Филиала были подготовлены и представлены в ЦК КПСС обоснования по развитию в регионе новых производств на базе уникальных сырьевых баз и одновременно были переданы предложения по укреплению научного потенциала.

Подготовке предложений по развитию Кольского филиала и укреплению научного потенциала региона в целом предшествовала работа Президиума АН СССР по проверке деятельности Филиала в целом и его отдельных институтов для определения приоритетных направлений деятельности [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 364. Л. 8]. С этой целью в ноябре 1987 г. в Мурманской обл. находился президент АН СССР акад. Г. И. Марчук с группой видных ученых и руководителей ряда подразделений Президиума АН СССР.

Общий итог проверки работы Кольского филиала Г. И. Марчук подвел на собрании научного и партийно-хозяйственного актива Филиала и Кольского горнопромышленного комплекса 21 ноября 1987 г. По итогам ознакомления с работой КФАН президент АН СССР внес в правительственные органы и ЦК КПСС предложение о преобразовании Кольского филиала АН СССР в научный центр с одновременным расширением системы научных учреждений и укреплением опытно-экспериментальной базы: «Мы пришли к выводу — поставить вопрос перед ЦК КПСС и Правительством об организации на базе Кольского филиала АН СССР Кольского научного центра. Этим будут расширены функции, усилятся непосредственные контакты институтов с соответствующими отделениями, повысится самостоятельность институтов. Но и укрепится единство решения общих задач всего центра, появится возможность более авторитетно и ответственно подходить к решению крупнейших задач, которые на вас будут возложены» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 337. Л. 19].

В течение декабря 1987 г. все предложения Академии наук были согласованы в ГКНТ СССР и заинтересованных министерствах и включены Госпланом СССР в проект правительственного постановления.

Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 10 марта 1988 г. «О мерах по ускорению экономического и социального развития Мурманской области в 1988–1990 годах и на период до 2005 года» были закреплены предложения ученых по развитию системы научных учреждений КФАН и его материально-технической базы.

18 мая 1988 г. состоялся партийно-хозяйственный актив КФАН, где были рассмотрены предложения Президиума АН СССР по вопросу о задачах и перспективах развития Кольского научного центра АН СССР.

Научно-исследовательская деятельность КФАН в 1988 г, которая осуществлялась с учетом дополнительных заданий, порученных научным учреждениям КФАН директивными органами в течение года, получила положительную оценку на различных уровнях. В четырех подразделениях — Институте химии и технологии редких элементов и минерального сырья, Горном и Геологическом институтах, Отделе энергетики была проведена комплексная проверка их деятельности специальными комиссиями Отделений АН СССР, которые подтвердили успешное выполнение учреждениями КФАН поставленных перед ними задач. Деятельность Кольского филиала АН СССР и перспективы его дальнейшего развития были подвергнуты всестороннему анализу Президиумом АН СССР, принявшему 27 сентября 1988 г. постановление, согласно которому Кольский филиал АН СССР был преобразован в Кольский научный центр АН СССР с существенным расширением круга его задач и укрепления материальной базы.

С ориентацией на создание новых научных подразделений сформулирован ряд новых основных научных направлений, в том числе:

- исследование состояния, закономерностей развития и прогноз функционирования экосистем в условиях интенсификации хозяйственного освоения природных ресурсов Севера;
- теоретические исследования по разработке математических, имитационных и информационных моделей технологических процессов и принципов их дискретных аналогов для решения научно-технических задач.

Одновременно с этим отделениям Президиума АН СССР были даны поручения обеспечить расширение сети научных учреждений КФАН. Речь шла о создании в составе Центра новых научно-исследовательских организаций: Института информатики и моделирования технологических процессов, Института проблем промышленной экологии и Института физико-технических проблем энергетики Севера [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 359. Л. 19].

Постановлением Президиума АН СССР 31 января 1988 г. на базе существующих научно-вспомогательных подразделений Вычислительного центра коллективного пользования и Отдела метрологии был организован Институт информатики и математического моделирования технологических процессов, директором которого был назначен д. т. н. В. А. Путилов.

17 апреля 1989 г. Совет Министров РСФСР своим постановлением оставил за Кольским научным центром имя С. М. Кирова, присвоенное Кольской научной базе АН СССР в 1934 г., 12 июня 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о сохранении за КНЦ АН СССР ордена Ленина, которым был награжден КФАН в 1967 г.

27 июня 1989 г. в составе КНЦ АН СССР был создан Институт проблем промышленной экологии Севера (первый в стране), который возглавил д. т. н. Г. В. Калабин. К этому времени назрела необходимость централизовать и расширить комплексные исследования по проблемам экологии и адаптации человека к условиям севера. К моменту создания учреждения исследования по частным задачам экологического профиля проводились в нескольких подразделениях разных институтов: в лаборатории охраны природы Института экономических проблем; в лаборатории почвоведения Полярно-альпийского ботанического сада-института; в ряде подразделений Мурманского морского биологического института.

Существовавший малочисленный Отдел энергетики не мог охватить все проблемы развития энергетической системы региона. Исходя из того, что намечался переход на снабжение топливными ресурсами Северного экономического района за счет новых месторождений нефти и газа на шельфе Баренцева моря, круг актуальных проблем расширялся. Этим мотивировалась необходимость укрепления Отдела энергетики и преобразования его в августе 1990 г. в Институт физико-технических проблем энергетики Севера. Формирование института было возложено на директора-организатора к. т. н. А. А. Папина.

В марте 1989 г. на Общем собрании АН СССР чл.-корр. В. Т. Калинников был избран председателем Президиума КНЦ АН СССР.

Начинался принципиально новый этап институционального развития академической науки на Кольском Севере. Вся история Кольского филиала Академии наук была опытом создания в условиях осваивающегося Крайнего Севера комплексного многоцелевого научного учреждения с единым стратегическим и оперативным руководством деятельностью входящих в его состав научных институтов, централизованных управленческих и финансово-

экономических, научно-вспомогательных и информационных подразделений (центральной научной библиотеки, научного архива, патентной службы, редакционно-издательского отдела и др.), производственных и технических подразделений, социально-бытовой и медико-оздоровительной инфраструктуры (поликлиника и больница, детские дошкольные учреждения, жилищное хозяйство, профилакторий и др.).

В новом статусе региональный научный центр представлял ассоциативное объединение научных институтов — самостоятельных юридических лиц, находящихся под руководством отраслевых отделений Академии наук. Предстояло наработать опыт координации научных исследований по приоритетным направлениям и проблемам устойчивого развития региона, а также практику взаимодействия и эффективного использования материальных и финансовых ресурсов, в том числе созданных в период функционирования Кольской базы и Кольского филиала Академии наук.

Монополизированное государственное руководство сферой науки, несмотря на издержки идеологической природы, обеспечивало рост и качественное развитие научного потенциала как в масштабах всей страны, так и в регионах. На примере кольской академической науки рельефно выявляется роль местных властных органов — партийных и советских — в реализации государственной научной политики как в организации контроля за деятельностью научных учреждений, так и в оказании им помощи и поддержки в решении конкретных вопросов. Особую значимость такая поддержка имела в налаживании взаимодействия Президиума Кольского филиала АН СССР с производством по внедрению результатов научно-исследовательских работ, по решению проблем комплексного использования полезных ископаемых на основе создания Кольского горно-химического кластера и по ряду других направлений. Новый статус академической науки в качестве регионального научного центра объективно открывал перспективные возможности по взаимодействию институтов Центра с местной властью и производственными организациями, но он же создавал и очевидные ограничения и трудности из-за возможного возникновения конфликта «ведомственных» интересов даже в рамках регионального научного центра. Уже в ближайшие годы академические учреждения Кольского п-ова ожидали новые преобразования, связанные с развалом СССР, разрушением всей советской системы организации науки, воссозданием Российской академии наук и ее реформированием в принципиально изменившихся социально-экономических условиях.

Список сокращений

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

ВАН — Вестник Академии наук

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ГАМО — Государственный архив Мурманской области

ГКНТ СССР — Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

ИХТРЭМС — Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья

ММБИ — Мурманский морской биологический институт

НА КНЦ — Научный архив Кольского научного центра

ПАБСИ — Полярно-альпийский ботанический сад-институт

ПГИ — Полярный геофизический институт

РАН — Российская академия наук

ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

Список источников

Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области» (ГАМО):

ГАМО. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 1. Л. 141 — Мурманский отдел КПСС. Промышленный отдел.

ГАМО. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 49. Л. 123 — Партийный комитет Кольского научного центра АН СССР.

Научно-документальные материалы канцелярии Президиума Кольского филиала им. С. М. Кирова за 1930–1963 гг.:

НА КНЦ. РАН Ф. 1.Оп. 6. Д. 651. Л. 1.

НА КНЦ. РАН Ф. 1. Оп. 6. Д. 687. Л. 6.

НА КНЦ. РАН Ф. 1. Оп. 6. Д. 687. Л. 9.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 687. Л. 26–29.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 687. Л. 38–39.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 701.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 709. Л. 107.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40 — Научно-документальные материалы канцелярии Президиума Кольского филиала им. С. М. Кирова за 1976–1985 гг.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 330. Л. 6.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 337. Л. 19.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 359. Л. 19.

НА КНЦ РАН. Ф .1. Оп. 40. Д. 364. Л. 8.

Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1975. 207 с.

Список литературы

Академическая наука в Карелии: 1946–2006: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 2006. 175 с.

Беляев Е. А., Пышкова Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М.: Наука, 1979. 245 с.

Бровина А. А. Академическая наука СССР и индустриальная модернизация страны: исторический опыт освоения практических территорий России (1920–1930 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 57–65.

Бровина А. А. Документальное наследие науки на Европейском Севере России // Вестник РАН. 2012. Т. 82, № 9. С. 801–806.

Виноградов А. Н., Калинников В. Т., Петров В. П. Приоритетные задачи Кольского научного центра Российской Академии наук по организации междисциплинарных комплексных исследований на современном этапе освоения Арктической зоны России // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. Вып. 4. С. 3–10.

Горбунов Г. И., Пьявченко Н. И., Подоплелов В. П. Сотрудничество трех северных филиалов Академии // ВАН СССР. 1976. № 10. С. 24–29.

Горбунов Г. И. Об основных направлениях исследований и перспективах развития научных учреждений КФАН СССР // ВАН СССР. 1979. № 7. С. 12–22

Горбунов Г. И. Экономическое и социальное развитие Кольского филиала АН СССР в свете задач, поставленных XXVI съездом КПСС и последующими пленумами ЦК КПСС. Апатиты, 1984. 25 с.

Дюжилов С. А. Судьбы науки на Кольском Севере (по материалам Кольской базы АН СССР) // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 101–116.

Келдыш М. В. Советская наука и строительство коммунизма // ВАН СССР. 1961. № 7. С. 14–39.

Кольский научный центр. Летопись 1930–2010. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. 320 с.

Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1961 гг.). Л.: Наука, 1988. 264 с.

Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 224 с.

Макарова Е. И., Петров В. П. Опыт институционализации науки в Евро-Арктическом районе от ХИГС до КФАН СССР (1930–1950) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2. Апатиты, 2014. С. 5–30.

Организация науки / Г. М. Добров [и др.]. Киев: Наукова думка, 1970. 204 с.

Основные принципы и общие проблемы управления наукой. М.: Наука, 1973. 320 с.

Самарин А. В. История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление и развитие (1944–1991 гг.). Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 2006. 231 с.

Саморукова А. Г., Петров В. П. Советский способ создания регионального академического кластера на Крайнем Севере (на примере Кольского филиала АН СССР) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 15. Апатиты, 2018. С. 62–72.

Титов А. Ф., Савватеев Ю. А. Карельский научный центр Российской академии наук: история и современность (краткий очерк). Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2006. 156 с.

Токарев А. Д., Петров В. П. К истории строительства Кольского филиала АН СССР — Кольского научного центра в 1971–1988 годы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. Апатиты, 2014. С. 29–47.

Ученые Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты: КНЦ РАН, 2010. 514 с.

Сведения об авторах

Саморукова Антонина Григорьевна
научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Петров Валентин Петрович
доктор геолого-минералогических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Samorukova Antonina G.
Researcher Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

Petrov Valentin P.
Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.109-122
УДК 94(470.22)”19”

С. Н. Филимончик

«ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ» ИЛИ «ХОДОКИ»? СОВЕТЫ КАРЕЛИИ В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ

Аннотация

Рассмотрено проведение конституционной реформы второй половины 1930-х гг. в Карельской АССР (КАССР). Охарактеризованы избирательные кампании 1937–1940 гг., выявлены факторы, влиявшие на электоральное поведение граждан. Проанализированы состав и основные направления работы Верховного Совета и Президиума Верховного Совета КАССР в 1938–1940 гг. Показано влияние начала Второй мировой войны на деятельность органов власти приграничной Карелии.

Ключевые слова:

выборы, избиратель, депутат, сессия, Верховный Совет, Президиум Верховного Совета.

Svetlana N. Filimonchik

"LAND OWNERS" OR "WALKERS"? THE COUNCILS OF KARELIA IN THE CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL REFORM OF THE SECOND HALF OF THE 1930S

Abstract

The article focuses on the constitutional reform of the second half of the 1930s in the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. It discusses the election campaigns of 1937–1940 and identifies the factors which influenced the citizens’ electoral behavior. The article analyzes the composition and main activities of the Supreme Council and the Presidium of the Supreme Council of the KASSR in 1938-1940. It demonstrates how the beginning of the Second World War influenced the authorities’ work in the near-border Karelia.

Keywords:

elections, voter, deputy, session, Supreme Council, Presidium of the Supreme Council.

Большевики, пришедшие к власти с лозунгами отрицания ценностей парламентаризма, в Конституции 1936 г. закрепили права и свободы граждан, разделение властей, ввели всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании. Теперь властная элита должна была в большей степени формироваться через процедуру выборов, нежели через назначения и кооптацию. Смена управленческих кадров проводилась в условиях жестоких политических

чисток и репрессий. Столь варварский способ замещения был чреват снижением качества управления и обусловил усиление контроля над малоопытными политиками. Статья 126 Конституции 1936 г. впервые закрепила особую роль в обществе Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)) как ядра всех государственных организаций. Очень сильно повлияло на ход реформы начало Второй мировой войны. В чрезвычайных условиях требовалась готовность быстро принимать сложные управленческие решения: внешнеполитические цели государства диктовали изменение территории, состава населения и административно-государственного устройства.

Изучение конституционной реформы второй половины 1930-х гг. историки успешно ведут на материалах высших органов власти СССР и РСФСР, что позволяет глубже понять ведущие тенденции политических изменений, факторы, их определяющие, и рассмотреть процесс перераспределения власти между основными политическими силами. Эту работу необходимо сочетать с изучением хода реформы в регионах, автономных республиках РСФСР, на местах. Рассмотрение феномена власти в сталинское время на материалах небольших социальных общностей, отдельных политических институтов дает возможность активнее связать политический процесс с конкретной социальной реальностью, с коллективным сознанием, ценностными установками.

На материалах Карельской АССР реформа емко охарактеризована в исследованиях А. И. Бутвило [Бутвило, 2008] и Л. И. Вавулинской [Вавулинская, 1994], а также в коллективной монографии по истории представительной власти Карелии (соответствующий раздел написан М. И. Шумиловым) [Представительная власть…, 2006]. Автор данной статьи ставит целью рассмотреть избирательные кампании 1937–1940 гг., опыт работы новых представительных органов власти Карельской АССР и показать, как в ходе реформы выстраивались отношения «власть — подчинение» у основных участников политического процесса: избирателя, депутата, партийного работника. Хронологически статья охватывает вторую половину 1930-х гг. — от начала конституционной реформы до преобразования Карельской АССР в Карело-Финскую ССР (КФССР). Общественно-политическое развитие КФССР в 1940 г. рассмотрено частично, в основном на материалах избирательных кампаний в местные Советы, другие важные политические мероприятия уже освещены в трудах С. Г. Веригина [Веригин, 2009], Ю. М. Килина [Килин, 1999], В. Г. Макурова [Макуров, 2001].

Источниковую базу исследования составили опубликованные стенограммы сессий Верховного Совета КАССР и хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия различные группы делопроизводственных документов. Протоколы сессий Верховного Совета КАССР, заседаний Президиума Верховного Совета КАССР за 1938–1940 гг. позволили выявить принятые законодателями решения и охарактеризовать их подготовку и обсуждение. В стенограммах карельских областных партконференций 1938–1939 гг. представлен материал о партийном руководстве избирательными кампаниями. Автором изучены отчеты о работе депутатов Верховного Совета Карелии, о деятельности избирательных комиссий, работе агитаторов. Адресованные начальству отчетные документы далеко не всегда ограничивались перечислением успехов и достижений. Зная о возможных проверках, авторы стремились указать на недостатки и провалы с тем, чтобы первыми объяснить их причины, в том числе сославшись на «происки врагов». Учетные карточки депутатов Верховного

Совета КАССР позволили представить характеристику депутатского корпуса с демографической, национальной, профессиональной, образовательной стороны. Для уточнения биографических сведений привлекалась периодическая печать Карелии конца 1930-х гг. Исследование выполнено на основе историко-критического и конкретно-проблемного методов и контекстуального подхода.

17 июня 1937 г. XI Всекарельский съезд Советов утвердил первую в истории Карелии Конституцию. В структуре текста, в содержании основных глав она была тождественна Конституции РСФСР и СССР и закрепляла всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании. В 1937–1938 гг. граждане КАССР приняли участие в выборах в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР. В 1938 г. они избрали Верховный Совет Карельской АССР. В 1939 г. шла подготовка к выборам в местные Советы. Из-за советско-финляндской войны Президиум Верховного Совета КАССР принял решение выборы отложить [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/18. Л. 177.], они состоялись уже в КФССР декабре 1940 г. В июне того же года на территории новой союзной республики прошли выборы в Верховный Совет СССР и Верховный Совет КФССР.

Для власти выборы стали серьезным политическим экзаменом, потребовали больших организационных усилий. Местные советы составляли списки избирателей. В условиях высокой миграционной активности непросто было добиться полноты учета избирателей. В 1937–1938 гг. раскручивался маховик репрессий, арестованных граждан не всегда успевали вычеркнуть из списков избирателей. С этим связывают относительно невысокую явку на выборы в 1937 г. в ряде поселений. Например, в рабочем поселке Кондопога не пришли на выборы 10 % избирателей [НАРК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 234. Л. 50]. В 1940 г. выборы впервые проводились на территориях, вошедших в состав Карелии после советско-финляндской войны. Состав населения там постоянно менялся в связи с прибытием переселенцев и перемещениями воинских частей, что затрудняло подготовку избирательной документации.

Для приема избирательных бюллетеней и подсчета голосов создавались участковые избирательные комиссии численностью 6–10 человек из расчета одна комиссия на 1,5–2 тыс. избирателей. Регистрацию кандидатов, снабжение участковых избирательных комиссий бюллетенями, утверждение результатов выборов по округу, выдачу депутатских удостоверений об избрании проводили окружные избирательные комиссии. На выборах в Верховный Совет КАССР в 1938 г. в работе избирательных комиссий участвовало 4,9 тыс. человек. В 1940 г. на выборах в Верховный Совет КФССР численность работников избиркомов увеличилась до 10,4 тыс. человек, в местные советы Карелии в избирательных комиссиях работало более 35 тыс. человек, около трети из них составляли женщины [НАРК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 177].

Партийные организации контролировали состав избирательных комиссий, особое внимание уделяли подбору кандидатур председателя и секретаря комиссии. Подсчет голосов на избирательных участках проводился часто в присутствии секретарей райкомов партии и других партийных работников.

Девятая глава Конституции КАССР определяла, что выставлять кандидатов в депутаты имеют право общественные организации и общества трудящихся. Они были четко перечислены: коммунистическая партия, профсоюзы, кооперативы, организации молодежи, культурные общества (ст. 109). Когда

обсуждался проект Конституции, поступали предложения о том, чтобы разрешить выставлять кандидатов в депутаты отдельным избирателям, но эти предложения решительно отклонялись [НАРК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 116].

Общественные организации выдвигали кандидатуры, предложенные партийными органами. Открыто критиковать такую практику могли позволить себе немногие, например, представители силовых структур, но и для них это было небезопасно. М. Б. Шнеерсон, заместитель начальника Сегежстроя Беломорско-Балтийского комбината НКВД, в выступлении на XIV областной партконференции (июнь 1938 г.) назвал процедуру навязывания трудовому коллективу кандидата в депутаты «бесцеремонным нарушением основ нашей демократии». При этом он отмечал: «Мы никаких претензий против кандидата, которого нам предложили, не имеем, да и не можем иметь, так как мы мало его знаем». Не устраивало то, что трудовому коллективу не дозволялось самому определить достойного, а ведь «мы — самая крупная стройка в крае». О кандидате руководителю предприятия сообщили партийные органы, когда тот уже выехал на предприятие: «Звонят по телефону: приезжает человек. И выкладывай его перед народом» [НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 184/5. Л. 89–90]. В октябре 1938 г. Шнеерсон арестован как «участник контрреволюционного заговора» и в феврале 1939 г. расстрелян.

Законодательно не запрещалось выдвижение нескольких кандидатов в депутаты, но на практике во всех избирательных округах выдвигался только один кандидат. Власти боялись альтернативных выборов после коллективизации, падения уровня жизни начала 1930-х гг., стремились запугать и изолировать потенциально недовольных властью. Не случайно избирательная кампания 1937–1938 гг. совпала с «большим террором». На каждого из кандидатов запрашивались данные из НКВД. По результатам проверки вместо выдвижения в депутаты гражданина могли даже арестовать. Так, в разгар избирательной кампании кандидата в депутаты Верховного Совета СССР председателя Олонецкого районного исполнительного комитета (РИК) Ивана Сидоровича Тимофеева арестовали как «врага народа» и через месяц расстреляли [НАРК. Ф. 1552. Оп. 1. Д. 432. Л. 9, 11].

После одобрения партийных органов и НКВД следовало «официальное» выдвижение кандидатуры на собрании трудового коллектива. На данном этапе могли звучать критические высказывания в адрес предложенных райкомами кандидатов, при голосовании они получали несколько голосов «против». Выдвиженец, как правило, работал в этом трудовом коллективе, люди хорошо знали и его сильные стороны, и его недостатки.

С невиданным доселе размахом развертывалась агитационная работа. Газеты печатали фотографии и биографии кандидатов, мнение о них сослуживцев. В печати обязательно акцентировалось крестьянское или рабочее происхождение кандидата, тяготы жизни его семьи до революции, подчеркивался его вклад в социалистическое строительство, прежде всего, его участие в стахановском движении, из личных качеств человека выделялись трудолюбие, чувство долга. Власть сумела отобрать на выборы действительно много достойных и порядочных людей, пользовавшихся авторитетом среди земляков.

Для их поддержки был сформирован многочисленный отряд агитаторов. На выборах местных советов в 1940 г. с населением работало более 15 тыс. агитаторов. Агитатор должен был посетить каждую семью в доме, к которому был

прикреплен. Во-первых, это позволяло вести работу с учетом потребностей избирателей разного возраста, статуса, образования, во-вторых, каждый избиратель попадал в зону контроля.

Промолчав на собраниях, в беседе с агитатором в домашней обстановке граждане позволяли себе высказать критическое отношение к избирательному процессу. Так, проживающий на хуторе «Сиг-завод» Пегиев пришедшему к нему домой агитатору заявил: «Я уже несколько раз читал эти биографии, а за Лебедеву все равно голосовать не буду, и заставить меня никто не может. Зачем выдвинули только двух, а не четырех кандидатов и не тех, кого мы хотим» [Советы Карелии…, 1993: 203]. Данное высказывание сразу же попало в сводку НКВД, ибо одной из задач агитаторов было изучать общественные настроения и выявлять нелояльно настроенных.

В день выборов контроль за избирателями приобретал особую значимость: по часам велась оперативная отчетность с целью своевременно «принять меры для обеспечения 100 % явки» [НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 56. Л. 16]. Гонка за количественными показателями всячески поощрялась. Рабочих по окончании смены привозили на избирательные участки организованно. Всякий случай отказа от участия в выборах расценивался как проявление антисоветских настроений.

К избирательной кампании широко привлекали деятелей профессионального и самодеятельного искусства. Они помогали создавать в день выборов праздничную атмосферу. На избирательных участках находились гармонисты и баянисты, звучали патефоны. На близлежащих улицах устраивались танцы, выступления художественной самодеятельности, играли духовые оркестры. На каждом участке с раннего утра работали буфеты, в которые сразу же выстраивались очереди. Голосование начиналось в 6 часов утра. К этому времени у избирательных участков уже стояли десятки людей, желавших проголосовать первыми.

Избирательные кампании позволили действующей власти утверждать, что она опирается на доверие народа. Так, в выборах в Верховный Совет КФССР в 1940 г. участвовало 99,66 % избирателей. Из них за предложенных кандидатов проголосовало 98,48 %. Итоги выборов на сессии Верховного Совета КФССР в июле 1940 г. характеризовались как «преданность карело-финского народа советскому правительству, большевистской партии и вождю народов» [НАРК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 95, 164].

Отличные от официальной точки зрения версии происходящего избиратели все же доносили до властей, но специфически. В кабине для тайного голосования порой создавались пространные записки-рассуждения, наполненные то горечью, то иронией. В спецсообщении НКВД приводилась, например, записка, выявленная на избирательном участке № 34: «…Хотят нам, дуракам, глаза замутить выборами и конституциями… чтобы каждый советский гражданин был в УСЛОНе не год, не пять, а 25 лет, и этого добиваются наши руководители, чтобы работали остальной век свой бесплатно и жили из-под палки. Зато жить стало лучше и веселее, но дать стало нечего есть рабочему» [Советы Карелии, 1993: 203]. Критические по отношению к власти настроения проявились в характерных надписях на избирательных бюллетенях: «Все равно коммунисты без нас кого хотят, того и выберут»; «Теперь в Карелии орудуют настоящие националисты, а арестовывают ни в чем неповинных честных финнов» [НА РК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 271].

Согласно ст. 19 Конституции КАССР, Верховный Совет являлся высшим органом государственной власти КАССР. Верховный Совет КАССР был избран в июне 1938 г. В его состав вошло 102 депутата. Ранее на Всекарельские съезды Советов избиралось намного больше делегатов, что отнюдь не способствовало эффективной работе «хозяина Карельской земли». Выделим в составе депутатского корпуса несколько значимых групп. Депутатами Верховного Совета КАССР стали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталин. Практической работы в Верховном Совете Карелии они, конечно, не вели, их избрание, скорее, символизировало почтение и преданность населения вождям и обеспечивало контроль центра над деятельностью представительной власти карельской автономии. Депутатами являлись 8 ответственных партийных работников, 11 членов республиканского правительства, 7 сотрудников НКВД, 5 военнослужащих. Партийные функционеры и государственные служащие обеспечивали стабильность и преемственность государственной работы, сохранение сложившейся модели управления. Депутатами стали всего 2 директора завода, но 8 рабочих и мелких служащих. Победу колхозного строя в Карелии символизировало избрание депутатами 12 колхозников и 5 работников МТС [НАРК. Ф. 414. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 99]. Избранные в высший законодательный орган республики рабочие и крестьяне не имели опыта законотворческой деятельности, они хорошо знали трудности жизни населения и являлись связующим звеном между номенклатурной властью и простыми людьми.

За время своей работы депутаты провели три сессии Верховного Совета КАССР. Первая сессия состоялась в дни празднования 15-летия КАССР — 26–29 июля 1938 г. На сессии был избран председатель Верховного Совета КАССР. Им стал ответственный партийный работник — второй секретарь Карельского обкома ВКП(б) тверской карел Дмитрий Петрович Смирнов. В годы Гражданской войны он служил в ВЧК, в 1920–1930-е гг. находился на руководящей партийной работе в национальных регионах — в Башкирии, Казахстане, Украине, в 1937 г. по решению ЦК ВКП(б) направлен в Карелию [Медвежьегорский…, 1938]. На высоком государственном посту Смирнов проработал четыре месяца. Несмотря на то, что по закону он обладал неприкосновенностью (ст. 33 КК), председатель Верховного Совета КАССР был арестован по «делу лингвистов». Когда массовый террор был остановлен, дело о якобы финнизации литературного карельского языка развалилось [Белоусов, 2014], Смирнов был освобожден и уехал в Москву. В августе 1939 г. председателем Верховного Совета был избран Николай Афиногенович Орлов, редактор республиканской газеты «Красная Карелия». В его обязанности входило в основном руководство заседаниями Верховного Совета (ст. 26 Конституции КАССР).

На первой сессии депутаты создали постоянные комиссии Верховного Совета КАССР: для разработки проектов республиканских законов — Комиссию законодательных предположений (председатель Павел Илларионович Мищенко); для рассмотрения бюджета и проверки его использования — Бюджетную комиссию (председатель Александр Васильевич Егоров).

Был решен вопрос о возмещении депутатам расходов, связанных с выполнением депутатских обязанностей. С этой целью каждому депутату из бюджета выделялось 300 рублей ежемесячно, во время сессий выплачивались суточные в размере 50 рублей. Депутаты получили право бесплатного проезда по железнодорожным и водным путям Карелии.

На первой сессии было сформировано правительство республики. При обсуждении этого вопроса прежде парадный настрой выступлений сменился острой критикой ситуации на местах, поскольку в ведении республиканского правительства находились отрасли, существенно влиявшие на повседневную жизнь граждан. Много нареканий звучало в адрес Наркомата местной промышленности: ни одно из предприятий республиканского подчинения не выполнило полугодовой план, руководители местных производств плохо знали запросы потребителей. Резкой критике подверглась работа Наркомата торговли. Хотя в 1934–1937 гг. товарооборот в Карелии вырос вдвое, в торговле многими товарами сохранялись перебои [Первая сессия…, 1938: 58]. Остро критиковали депутаты работу Наркомата коммунального хозяйства. В Карелии осваивалось меньше половины средств, отпущенных на жилищное строительство, нехватка жилья оставалась одной из самых острых социальных проблем [Там же: 63]. Были выявлены существенные недостатки в работе Наркомата здравоохранения. Запаздывал ввод в действие родильных домов и детской больницы, в районах не хватало врачей [Там же: 62]. Покритиковав деятельность республиканского правительства, депутаты тем не менее единогласно утвердили новый состав СНК КАССР, в котором большинство членов правительства сохранили свои посты.

На первой сессии Верховного Совета КАССР суровой критике подверглась национальная политика, проводившаяся в Карелии в 1920-х — начале 1930-х гг. Осуждались повсеместное выдвижение финнов на руководящие посты, насаждение финского языка, финской литературы, искусства. Критикуя административные методы, насаждение институтов финской культуры, председатель Президиума Верховного Совета КАССР Марк Васильевич Горбачев категорично заявил, что финский язык «вовсе не нужен карельскому населению» [Красная Карелия, 1938]. На этой сессии депутаты единогласно приняли решение об исключении из Конституции КАССР финского языка как государственного и внесли соответствующие изменения в текст Основного закона. Тем не менее через два года Верховный Совет КФССР фактически признал неверным это политизированное решение, принятое в условиях массовых репрессий. В докладе председателя Президиума Верховного Совета КФССР Отто Вильгельмовича Куусинена на первой сессии Верховного Совета КФССР подчеркивалось: «Мы к финскому языку относимся с почетом, и у нас финский язык является государственным языком, у нас печатаются книги, газеты на финском языке, обучение в школах с осени будет проходить на финском языке» [НАРК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 57].

Вторая сессия Верховного Совета КАССР состоялась с нарушением конституционных сроков созыва, через год — 7–10 августа 1939 г. На ней был рассмотрен вопрос об исполнении республиканского бюджета за 1938 г. [Вторая сессия…, 1939: 8, 10]. Этот бюджет не проходил утверждения в Верховном Совете, и многие депутаты впервые знакомились с ним. Нарком финансов КАССР Сергей Степанович Ракчеев доложил, что доходы Карелии в 1938 г. составили 189,3 млн руб. — 99,8 % назначения. Полностью получить запланированные доходы не удалось из-за того, что республиканская промышленность не справилась с производственными заданиями. Расходная часть республиканского бюджета — 184,8 млн руб. была выполнена на 98,1 %. Недовыполнение было связано с тем, что в республике не смогли полностью освоить средства на строительство жилья и объектов здравоохранения.

Депутаты заслушали два доклада о бюджете КАССР на 1939 г. — наркома финансов Ракчеева и председателя Бюджетной комиссии Верховного Совета КАССР Егорова. Верховный Совет принял Закон о бюджете Карельской АССР на 1939 г., в нем предусматривались бюджетные доходы в сумме 217,5 млн руб. и расходы — 195,1 млн руб. Доходы, превышающие расходы, подлежали передаче на общегосударственные нужды [Там же: 57]. Были также утверждены районные бюджеты, бюджет Петрозаводска, дотации из республиканского бюджета в бюджеты местных Советов. Решение о бюджете 1939 г., принятое в августе того же года, запоздало, но бюджет СССР, частью которого являлся бюджет Карелии, был утвержден также с запозданием. Исполнение этого бюджета депутаты, избранные в 1938 г., уже не рассматривали.

Большое внимание депутаты уделили подготовке к выборам в районные, городские, сельские и поселковые советы, намечавшимся на осень 1939 г. Вторая сессия приняла Закон о внесении изменений и дополнений в ст. 108 Конституции КАССР, уточняющую порядок проведения выборов. Сессия утвердила Положение о выборах, однако в связи с начавшейся советско-финляндской войной выборы в Карелии в 1939 г. не состоялись.

На второй сессии Верховный Совет избрал сроком на 5 лет высший судебный орган Республики — Верховный суд КАССР. Согласно статье 75 Конституции КАССР, на Верховный суд возлагался надзор за деятельностью всех судебных органов Карелии. Председателем высшего судебного органа стал Павел Илларионович Мищенко, направленный в Карелию в конце 1937 г. из Ленинградского областного суда, когда отстранили от работы прежних руководителей судебной системы республики.

Таким образом, в течение первого года работы Верховный Совет КАССР как высший государственный орган принял несколько законов конституционного характера, в целях совершенствования законодательного процесса создал постоянно действующие комиссии для подготовки заключений и поправок к законопроектам, провел работу по формированию органов исполнительной и судебной власти Карелии, утвердил годовой бюджет региона. В период массовых репрессий Верховный Совет КАССР следовал в фарватере государственной политики, нарушалась неприкосновенность депутатов, законодательная работа была излишне политизирована.

В перерывах между сессиями Верховного Совета высшим органом власти в Карелии являлся Президиум Верховного Совета КАССР. Он был избран Верховным Советом КАССР на первой сессии в июле 1938 г. В его состав вошло 12 депутатов, в том числе 4 карела, 1 вепс, 7 русских (национальный состав депутатов тщательно отслеживался). Председателем Президиума Верховного Совета КАССР был избран вепс М. В. Горбачев. В 1930-е гг. после учебы в Ленинградской финансовой академии он работал заместителем управляющего Карельской конторой Госбанка, управляющим Кандалакшским управлением Госбанка [Народные избранники…, 2006: 240]. Секретарем Президиума Верховного Совета КАССР стал выпускник лесного техникума и комсомольский работник карел Тимофей Федорович Вакулькин. Председатель и секретарь Президиума Верховного Совета КАССР имели небольшой опыт советской работы, они были выдвинуты в ЦИК КАССР в разгар «чисток» госаппарата: в 1937 г. Горбачев сменил арестованного председателя ЦИК КАССР Николая Архипова, а Вакулькин — арестованного секретаря ЦИК КАССР Ивана Хейкконена [Там же: 60].

Заместителем председателя Президиума Верховного Совета КАССР стал секретарь Заонежского райкома партии русский Василий Георгиевич Базулев. Помимо него в Президиум входили еще два ответственных партийных работника: первый секретарь обкома партии Геннадий Николаевич Куприянов и секретарь Олонецкого райкома ВКП(б) Андрей Дементьевич Богданов. Их участие обеспечивало партийный контроль деятельности этого высокого органа власти.

Вторым заместителем председателя Президиума Верховного Совета КАССР стала рабочая лыжной фабрики карелка Мария Гавриловна Борисова, стахановка, не раз получившая поощрения от руководства фабрики. О своем выдвижении в депутаты 24-летняя приемщица лыж Борисова узнала, находясь на курорте в Ессентуках, откуда прислала телеграмму о согласии баллотироваться [НАРК. Ф. 689. Оп. 7. Д. 2/13. Л. 18]. Производственников в Президиуме представлял также орденоносец Иван Алексеевич Федоров. В марте 1935 г. старший стрелочник станции Медвежья Гора Федоров, рискуя жизнью, предотвратил аварию поезда. По здоровью (вагоном ему передавило руку) выполнять прежнюю работу он не мог, тогда руководство послало Федорова на 6-месячные курсы переподготовки, по их окончании он работал начальником станции Пергуба [Медвежьегорский большевик, 1938]. В 1936 г. к герою-железнодорожнику приезжал писатель Андрей Платонов, в то время он входил в состав бригады литераторов, получивших задание «создать «Чапаева» железнодорожного транспорта». Производственного очерка по итогам поездки в Медвежью Гору Платонов не написал, но на основе художественного осмысления истории Федорова родился один из лучших его рассказов «Среди животных и растений» [Спиридонова, 2011: 284].

В состав Президиума Верховного Совета КАССР были избраны красные командиры: награжденный орденом Красного Знамени командир дивизии Иван Николаевич Черепанов из Петрозаводска и начальник погранотряда Иван Алексеевич Петров из Видлиц. Последний вскоре после избрания был переведен на работу в Главное Управление погранвойск НКВД, уехал из Карелии, поэтому в августе 1939 г. он был освобожден от обязанностей члена Президиума, тогда же членом Президиума Верховного Совета КАССР была избрана агроном Нина Ивановна Малютина. С этого времени в составе Президиума работали 4 женщины. В этом органе власти оказалось 4 депутата с высшим образованием, в том числе 2 женщины: Малютина и учитель биологии Александра Гавриловна Полякова. С другой стороны, член Президиума свинарка колхоза «Путь Ленина» Анна Ивановна Никитина была вообще неграмотной, вместе с Борисовой они входили в группу депутатов Верховного Совета КАССР, посещавших курсы для малограмотных.

Члены Президиума были очень молоды. Лишь двое из них родились до 1900 г. Средний возраст родившихся в XX в. составлял 30 лет. Важные государственные посты в республике были доверены молодежи.

Заседания Президиума должны были проводиться 1 раз в месяц, в 1938 г. состоялось 6 заседаний, в 1939 г. — 15, в 1940 г. — 2. С марта 1940 г. заседания не проводились, решения принимались опросным порядком.

Президиум Верховного Совета РСФСР нацеливал власти автономных республик добиваться повышения эффективности в работе госаппарата, усиливать его ответственность перед гражданами. Для Президиума Верховного Совета Карелии это направление деятельности постепенно становилось ведущим.

На заседаниях Президиума систематически рассматривались вопросы о состоянии работы с жалобами трудящихся в республиканских наркоматах и районных исполнительных комитетах Советов. Обсуждения показывали, что некоторые жалобы лежали в папках, «ожидающих ответа», более года или были вообще утеряны в потоке бумаг. Нарушались сроки рассмотрения жалоб и заявлений граждан. Вскрылись случаи пренебрежительного, формального отношения к жалобам. На одном заседании РИК могло рассматриваться 50–60 жалоб и заявлений граждан [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/17. Л.87]. Жалобы могли направлять на рассмотрение тому лицу, на которого жалоба была подана [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/17. Л.16, 67].

За состояние дел на местах отвечали местные Советы. В их ведении находились предприятия местной промышленности, коммунальное хозяйство, то есть сферы, слабо развитые и отстающие. Советы пытались наладить местное производство, стремились контролировать состояние жилищного фонда, при этом депутаты жаловались, что «ретивые хозяйственники» мало считаются с ними [НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 203]. Жизнь села местные Советы организовывали совместно с колхозными правлениями. Нерешенность проблем с эффективной организацией сельскохозяйственного производства, социальных вопросов на селе негативно сказывались на их авторитете. Ряд сельских Советов свел свою деятельность к выдаче разных справок.

Депутаты местных Советов редко отчитывались перед избирателями: в 1938 г. из 174 депутатов в Прионежском районе отчитались лишь 25 [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/18. Л. 26]. Выполнение наказов избирателей контролировалось слабо. В отчете Беломорского РИК указывалось, что в Шиженском сельсовете из 37 наказов избирателей выполнено 20, в Солунинском сельсовете из 57 — 32 [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/18. Л.1, 2]. Для исправления ситуации и помощи советским работникам на места выезжали депутаты Вакулькин, Прокофьев и др.

Из 89 обязательных постановлений, вынесенных РИК и горсоветами Карелии в 1939 г., 65 были изданы с нарушениями законодательства РСФСР [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/19. Л. 32]. Президиум Верховного Совета КАССР отменял решения исполкомов Советов, налагающие на граждан незаконные штрафы и обязательства. Так, 26 ноября 1938 г. Президиум отменил постановления Ведлозерского РИК об оплате жилых помещений, о борьбе со снежными заносами, об охране лесов от пожаров [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/17. Л. 79, 91]. 26 января 1939 г. были отменены постановления Медвежьегорского РИК «О мероприятиях по снегоуборке на железнодорожном транспорте», Беломорского РИК «Об упорядочении зимнего лова наваги в Колежемской губе Белого моря» [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/18. Л. 7].

Улучшить работу местных Советов пытались за счет обновления состава депутатов и усиления партийного представительства. На выборах в декабре 1940 г. было избрано 5699 депутатов, 26 % составляли карелы, вепсы и финны, 4104 депутата (почти три четверти из общего числа) впервые приступили к государственной деятельности. Депутатский корпус формировался в основном из молодежи, 78 % избранных составили лица моложе 40 лет. Более половины депутатов местных Советов являлись членами ВКП(б) [НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 86. Л. 96].

Одним из приоритетных направлений работы Президиума Верховного Совета КАССР была социальная защита семей и детства. 26 августа 1938 г. принят Указ Президиума Верховного Совета КАССР «О состоянии работы детских

учреждений Петрозаводска» в связи со сложившейся тревожной ситуацией в туберкулезных яслях и доме малютки, где в первой половине 1938 г. умерло 42 малыша [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/17. Л. 21]. 26 октября 1938 г. принят Указ Президиума Верховного Совета КАССР «О ходе ликвидации детской беспризорности и безнадзорности по Карельской АССР». Он обязал наркоматы и ведомства предоставить работу 69 безнадзорным подросткам, создать им необходимые бытовые условия [НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/17. Л. 65]. В период советско-финляндской войны Президиум Верховного Совета КАССР рассматривал вопрос о пособиях семьям мобилизованных граждан (часть семей с детьми и стариками не имела других источников дохода кроме заработка ушедшего на войну мужчины).

Основную работу депутаты вели в своих округах. Их отчеты показывают, что они являлись надежными пропагандистами проводившегося политического и экономического курса, активно участвовали в текущих политических и хозяйственных кампаниях. Ведущей формой связи являлись письма избирателей, в основном это были жалобы и просьбы помочь. Очень часто депутаты превращались в «ходоков». Так, большинство избирателей депутата из Лехты врача Анастасии Николаевны Журавлевой составляли жители трудпоселков. Депутат помогала добыть необходимые документы молодежи для поступления на учебу, а старикам для возвращения к родственникам на родину, хлопотала об устройстве больных в медицинские учреждения, помогала получить задержанную зарплату, отменить незаконное увольнение. Журавлева отмечала: «Вся моя работа состоит в переписке, в устройстве отдельных личностей» [НАРК. Ф. 689. Оп. 12. Д. 4/37. Л. 17]. Полномочия депутата Верховного Совета КАССР позволяли помогать особо нуждающимся гражданам, решать местные злободневные проблемы, однако возможности депутатов системно решить социальные проблемы через законотворческую деятельность в конце 1930-х гг. оставались незначительными.

Общественно-политическую жизнь пограничной Карелии существенно изменило начало Второй мировой войны. Сталин счел, что ему удастся использовать ослабление столкнувшихся в смертельной схватке западных стран для того, чтобы вернуть территории, утраченные с развалом Российской империи, укрепить безопасность стратегически важных рубежей страны, расширить коммунистическое влияние.

Осенью 1939 г. безрезультатно завершились советско-финляндские переговоры по территориальным вопросам, после чего советское руководство приняло решение отодвинуть границу от Ленинграда военным путем. В начале советско-финляндской войны в городе Териоки было сформировано Народное правительство Финляндской Демократической Республики (ФДР) во главе с секретарем Исполкома Коминтерна Куусиненом. Согласно Договору о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР, 3 декабря 1939 г. ФДР соглашалась отодвинуть границу с СССР на Карельском перешейке, а взамен получала 70 тыс. км^2 к западу от Кировской железной дороги — примерно половину территории КАССР. По приказу центра власти Карелии развернули широкую пропаганду этого договора среди местного населения. В финском обществе идея создания ФДР не получила поддержки. Финны сражались за государственную независимость и сохранили ее, потеряв 11 % территории. После советско-финляндской войны к СССР отошли районы Северного и Западного Приладожья, Карельский перешеек. Эти территории Сталин передал Карелии, которая была выведена из состава

РСФСР и преобразована в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику. Юридической стороной вопроса пренебрегли. Территория союзной республики, согласно ст. 18 Конституции СССР, не могла быть изменена без ее согласия, а Верховный Совет РСФСР вопрос о выходе Карелии из состава РСФСР не рассматривал. Решение было принято в марте 1940 г. на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) [Макуров, 2001: 585–590].

13 апреля 1940 г. состоялась внеочередная третья сессия Верховного Совета КАССР. Депутаты единогласно утвердили закон «О преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую ССР», приняли Закон о выборах, избрали конституционную комиссию. 8–11 июля 1940 г. работала первая сессия Верховного Совета КФССР первого созыва. Была утверждена Конституция КФССР, избраны председатель, Президиум Верховного Совета КФССР, постоянно действующие законодательная и бюджетная комиссии, утверждено Правительство КФССР [Представительная власть…, 2006: 72].

Члены Народного правительства ФДР возглавили Президиум Верховного Совета КФССР (Отто Вильгельмович Куусинен) и Правительство КФССР (Павел Степанович Прокконен). Важные государственные посты в Карелии получили и другие бывшие члены Народного правительства ФДР. Большинство депутатов Верховного Совета КФССР составили впервые приступившие к политической деятельности граждане. Управленческая верхушка Карелии вновь существенно обновилась.

Таким образом, в ходе рассматриваемой реформы впервые все советские граждане стали избирателями. Избрание депутатов сопровождалось обсуждением их кандидатур в трудовых коллективах, в ряде случаев это обсуждение носило характер демократической процедуры, в то же время избирателю часто навязывали кандидата по разнарядке. После выборов избиратели широко использовали возможности обращения к своему депутату в случае нарушения закона или в трудных житейских обстоятельствах. Депутаты вели определенную работу по совершенствованию аппарата управления, борясь с бюрократизмом, волокитой, нарушениями прав граждан, стремились снизить остроту социальных проблем. Трибуна заседаний использовалась ими для критики исполнительной власти, обеспечивающей повседневные нужды граждан. Вместе с тем депутаты не были самостоятельны в выработке приоритетов работы и выполняли, прежде всего, указания федеральной власти и партийных органов, находясь под жестким контролем силовых структур. Партийный аппарат, существенно пострадавший в период репрессий, не меньше других граждан был заинтересован в укреплении законности и активно участвовал в становлении новых властных органов. В ходе реформы партийным организациям удалось в полной мере сохранить контроль над обществом, расширить представительство ВКП(б) в органах республиканской и местной власти, закрепив безальтернативность выборов, контролируя их проведение, выдвигая членов партии в депутаты, развернув беспрецедентную по масштабам агитационную работу.

Список сокращений

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

КК — Конституция КАССР

МТС — машинно-тракторная станция
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
РИК — Районный исполнительный комитет
СНК — Совет народных комиссаров
ФДР — Финляндская Демократическая Республика
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет

Список источников

Вторая сессия Верховного Совета Карельской АССР 7–10 августа 1939 г.: стенографический отчет. Петрозаводск, 1939.

Первая сессия Верховного Совета Карельской АССР 26–29 июля 1938 г.: стенографический отчет. Петрозаводск, 1938.

Советы Карелии, 1917–1992: документы и материалы / науч. ред. Л. И. Вавулинская. Петрозаводск, 1993.

Красная Карелия: орган Карельского обкома ВКП(б), Петрозаводского горкома ВКП(б) и Верховного Совета КАССР. 1938. 28 июля.

Медвежьегорский большевик: газета Медвежьегорского райкома ВКП(б) и райисполкома. 1938. 1 мая, 30 мая, 2 июня, 26 июня.

Национальный архив Республики Карелия (НАРК) Ф. 3. Оп. 4. Д. 234.

НАРК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 271.

НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 184/5.

НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 56.

НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 86.

НАРК. Ф. 414. Оп. 1. Д. 1/8.

НАРК. Ф. 689. Оп. 7. Д. 2/13.

НАРК. Ф. 689. Оп. 12. Д. 4/37.

НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/17.

НА РК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/18.

НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/19.

НАРК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 1/1.

НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136.

НА РК. Ф. 1552. Оп. 1. Д. 432.

Список литературы

Белоусов К. Лингвист не равно фашист // Север. 2014. № 1–2. С. 178–184.

Бутвило А. И. Новейшая история государственного управления в Карелии, 1917–2007. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 105 с.

Вавулинская Л. И. Из истории Советов Карелии (1930–1960-е годы) // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1994. С. 168–188.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 541 с.

Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.

Макуров В. Г. Карелия в годы Второй мировой войны // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 583–667.

Народные избранники Карелии. Депутаты высших представительных органов власти СССР, РСФСР, РФ от Карелии и высших представительных органов власти Карелии. 1923–2006: справочник / авт.-сост. А. И. Бутвило. Петрозаводск: ПетроПресс, 2006. 320 с.

Представительная власть в Карелии: история и современность. Петрозаводск, 2006. С. 62.

Спиридонова И. А. Карельские реалии в творчестве А. Платонова // «Мудрости бо ти имя подадеся…»: сб. ст. к юбилею проф. Софьи Михайловны Лойтер. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. С. 283–291.

Сведения об авторе

Филимончик Светлана Николаевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета

Filimonchik Svetlana N.
PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History, Petrozavodsk State University

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.122-138
УДК 393.05

Е. Е. Ямаева, А. К. Тискинек

ТЕКСТЫ СКОРБИ И ПЕЧАЛИ В СЕМЕЙНОЙ ТРАДИЦИИ АЛТАЙЦЕВ

Аннотация

В исторической памяти алтайского народа сохранились многочисленные описания эпизодов раскулачивания 1930-х гг. Эти события в памяти потомков оцениваются как самые страшные и неоправданно жестокие по отношению к народу. Годы Гражданской войны рассматриваются как время открытой вражды и убийств. Авторы статьи считают, что эти события сказались на формировании этнической идентичности алтайцев. Понять, как происходил данный процесс, можно в первую очередь через семейные воспоминания потомков пострадавших, что является целью исследования. Работа выполнена на материале опубликованных и устных источников. Исторические перипетии переживались в форме «молчаливого протеста», но при этом находили словесное воплощение в традиционных устных формах. Их актуализация среди прочих факторов укрепляла этническую общность.

***Ключевые слова**:*
раскулачивание, гражданская война, репрессии, запись, мемораты, историческая память.

Elizaveta E. Yamaeva, Aleksandr K. Tiskinek

TEXTS OF GRIEF AND SADNESS IN FAMILY TRADITION OF THE ALTAIANS

Abstract

In historical memory of the Altai people numerous descriptions of episodes of dispossession of the 30th years of the XX century remained. These events in the memory of descendants is evaluated as the worst and unnecessarily cruel to people. The years of the Civil war are seen as a time of open hostility and murder. The authors believe that these events

affected the formation of ethnic identity of the Altai people. To understand how this process took place, it is possible, first of all, through the family memories of the descendants of the victims, which is the purpose of the study. The work is based on published and oral sources. Historical vicissitudes were experienced in the form of "silent protest", but at the same time found verbal embodiment in traditional oral forms. Among other factors, their actualization strengthened ethnic community.

***Keywords*:**
dispossession, civil war, repression, recording, memorials, historical memory.

Методологические аспекты и материал

Изучение динамики этноидентификационных процессов у алтайцев опирается на анализ таких составляющих этих процессов, как историческая память и социальные институты в период модернизации (1917–1934). При исследовании мы учитывали, что пониманию этнической идентичности способствуют совокупности социальных конструкций, «возникающих и существующих в результате целенаправленных усилий людей», с подвижными границами, а также конструкций, основанных на «культурной схожести членов <…>, осуществляющих контроль ресурсов и политических институтов» [Тишков, 2013: 55–56]. Базовыми для нашей работы стали материалы о функционировании социальных институтов, конструирующих понятие об этнической общности, механизмах передачи культурного наследия. Семья является важнейшим из таких институтов. Предметом изучения служат семейная история, которая неотделима от этнической и общенациональной истории, и способы ее сохранения, которые определяются культурными традициями.

Тексты, повествующие о драматических событиях Гражданской войны и раскулачивания, относятся к «багажу» культурного наследия. Интерпретация истории, предложенная очевидцами событий и их потомками, отличается от той, которая преподносится официальной исторической наукой. Мы разделяем точку зрения, что «повседневная история» позволяет понять представителей иных культур, их восприятие социальных структур, событий и явлений прошлого [Пушкарева, 2004: 5]. Труд исследователя повседневности создает «конструкт конструктов», так как интерпретация чужих мыслей и слов всегда является не просто нарративом, но *транскриптом* — переводом с чужого эмоционального языка; «понять чужую культуру можно путем поиска и анализа символических форм — слов, образов, институтов» [Там же: 12–14]. В этом отношении информативность семейных воспоминаний и фольклорных традиций переоценить сложно. Работа с семейными мемуарами позволяет прочувствовать «дух времени», увидеть то, что было скрыто при описании этнографического быта или исторического события, семейных традиций. В русле нашего исследования наиболее близкими нам в отношении методологии и методики оказались труды этнографов Кольского научного центра И. А. Разумовой, Е. В. Бусыревой и О. А. Сулеймановой. Это, прежде всего, работы, посвященные различным вопросам конструирования семейной истории и функционирования семейной культуры [Разумова, 2001; 2013; Сулейманова, 2010], их связи с этнической идентификацией [Сулейманова, 2012; Бусырева, 2017] и с событиями периода спецпереселений и репрессий в российской истории [Бусырева, 2015; 2016; Разумова, 2018].

В качестве основных источников нами использованы опубликованные мемуары И. В. Шодоева, Н. Л. Кумандиной, В. Ф. Тозыяк, Ч. Чунижекова, М. С. Теркина. Воспоминания Ивана Васильевича Шодоева, написанные на алтайском

языке, достоверно отражают события первой трети XX в. [Шодоев, 1995]. К тому же великолепная память И. В. Шодоева всегда удивляла его современников. Автор описывает только те события, участником которых были он или его родители (по рассказам родителей). Книга Г. Елемовой «Потомок кегел-маймана» (на русском языке) посвящена семье Аргымая Кульджина [Елемова, 2007]. В ней содержатся многие интересные факты биографии Аргымая и людей, окружавших его. Автор приводит семейные легенды, архивные материалы и т. д. В Горном Алтае в последнее время наблюдается «бум» публикаций не только семейных историй, но и истории отдельных сел. Жители сел Кулада, Нижняя Талду собрали материал, деньги и опубликовали книги про свое село. Книги написаны на алтайском языке. В настоящее время в Горном Алтае издаются книги об истории и известных людях алтайских родов [Алтайчинов, 2003; Ямаева, 2012 и др.]. Работы содержат сведения о тамговых знаках, тотемных животных, почитаемых горах и растениях и т. д. Отдельную группу источников составляют статьи из газеты «Алтайдынг Чолмоны». В работе также использованы полевые материалы авторов. Все переводы цитируемых текстов, записанных и опубликованных на алтайском языке, выполнены Е. Е. Ямаевой.

Семейная история 1920–1930-х гг. и устная традиция алтайцев

Семейные истории алтайцев времен «до революции» рассказываются большей частью кратко, но эмоционально, с большой теплотой. В мемуарах присутствует идеализация «времен далеких предков». Так, в рассказе о влюбленном Салдырге (Болтошеве) чувствуется восхищение не только преданной любовью, но и «диким» с современной точки зрения обычаем похищения невесты: «Не успели даже «ай-уй!» крикнуть люди. Но Салдырга был подобен ветру, разве можно догнать? Говорят, ночь была белая, как молоко» [Каинчин, 2002: 69]. Рассказывается, что каждый алтаец на каком-нибудь инструменте играл и умел петь. «В то времена свадьбы проходили до утра. До утра песни пели. Была даже такая песня:

Заря уже загорается (пускай же загорается),
Пусть курица прокричит.
Солнце уже всходит (пускай же всходит),
Пусть кукушка запоет.

Вот люди поют и поют песню. А потом слова и мелодии песни два-три дня стоят в твоей голове» [Там же: 69]. «Вот раньше, до войны все пели, шутили, играли то на комусе, то на топшуре <…>. Был вот такой маленький комус, вот такой… в большой палец. Его полностью засовывали в рот, наружу оставался только маленький, почти невидимый язычок. Вот так играли. Одновременно и пели. Видели вы в жизни такой комус? Ничего вы не знаете» [ПМА[10], Майчикова]. Многие информанты вспоминали, что любимым занятием алтайцев довоенного времени была обычная борьба *кюреш.* Борьба организовывалась не только на праздниках, свадьбах, но на молодежных игрищах и даже во время общественных работ (там, где собирались молодежь, подростки). Рассказывали, что борьба была распространена даже у детей: «Боролись все <…>. Дети боролись чуть ли не с семи лет. Причем очень часто девочки боролись с мальчиками наравне. То же самое было и у молодых людей» [ПМА, Ечибесова]. Рассказы

[10] ПМА — полевые материалы автора Е. Е. Ямаевой.

о дореволюционных и довоенных временах в целом, основываются на этнографических особенностях алтайцев. В них отсутствуют приметы исторического времени, это собирательный образ прошлого.

Гражданская война

В рассказах о временах Гражданской войны бытовая сторона жизни уступает место историческим событиям. Как в любых мемоpатах, достоверность подтверждается ссылками на конкретных свидетелей, рассказчиков, на «общеизвестность» фактов и повседневные обстоятельства: «Жители села Хабаровка знают»; «Тетя Катя рассказывала, что когда была маленькой… пошла по ягоды»; «В Уймоне знают»; «Однажды весной… когда вот так копала кандык…» и т. п.

Персонажами воспоминаний становятся активные участники военных действий. Те или иные фразы героев Гражданской войны сохраняются в исторической памяти народа в виде «крылатых слов». Слова, сказанные красным командиром И. И. Долгих после казни им лидера белого движения А. Кайгородова, звучат так: «Твоя собачья голова много народу поела и смутила. Я твою голову вымою. А мою голову в грязи свиньи съедят». Очевидцы, как правило, знают полное содержание сюжета. Потомки, один раз услышавшие это высказывание, не забудут ее и будут пересказывать своим потомкам [Каинчин, 2002: 39–40]. Другая стереотипная фраза «От черного чая печень моя почернела» принадлежит Тежлею Ташкинову. Именно она много раз повторяется, и весь сюжет выстраивается на ней.

С течением времени в мемуарной литературе мотив классовой борьбы начинает психологически осмысливаться: «Куда деваться?», «Подростку что оставалось?», «Это ведь были совсем дети!». Геройская патетика Гражданской войны («В этом сражении героически проявил себя алтаец, партизан Сергей Глушаев») сменяется скрытым осуждением «героя», участвовавшего в убийстве и ранении 760 казаков и колчаковцев («А во время Гражданской войны алтайцы дали ему прозвище «Батый»). В текстах о Керзюнской и Усть-Канской трагедиях, когда были расстреляны невинные алтайцы, старики и дети, наблюдается разделение людей не по классовому признаку, а по этническому: «чужие» — кержаки, красные, то есть русские и воспитанные в русских семьях алтайцы; «свои» — собственно алтайцы, независимо от того, красные они или белые.

Приведем рассказ о том, как белые замучили сына коммунарки. «Сына ее, связанного веревкой и притороченного к лошади, привезли прямо к этому аилу. Сказали ей, что убьют ее сына. Мать чуть с ума не сошла… Она бежала рядом с сыном. Но… не так далеко и ушли. Возле Маяка (а по старинному названию — Корум-тьол) обоих убили. Матери выкололи глаза и разрубили грудь. Павлику нанесли множество ран, изрезали саблей. Трупы там и лежали. Люди боялись ведь. Всех, кто показал симпатии к ним, мучали, убивали. Куда деваться?» [Сартакова, 1995: 98]. «Когда красные хотели поймать «белую банду» Тежлея, сказали: «Сдавайтесь, иначе убьем членов ваших семей». Куда деваться? Вот и сдались. Красные всех их и прикончили в Онгудае» [ПМА, Баранчикова].

В исторической памяти народа к эпохе Гражданской войны примыкают события, последовавшие за ней. Среди групп персонажей выделяются, во-первых, первые комсомольцы и коммунисты, во-вторых, их жертвы. К тем и другим отношение разное. Коммунисты и комсомольцы — это тип героев, символизирующих

новые идеи и представления. Их образы устойчиво связываются со стереотипными формулами-описаниями или краткими поговорками, свернутым кодом некоего рассказа. Например, есть высказывания о новых героях как о людях никчемных, не соблюдающих традиционные нормы поведения. «Называли себя батраками. Резали скот раскулаченных людей. Не утруждая себя чисткой потрохов, так их и вываливали на землю, выкидывали эти потроха. Таким образом, днем и ночью занимались пустословием, бездельничая. Мы, молодые комсомольцы, присоединяясь к ним, наедались мяса. С тех пор сохранились и такие их выражения: «Колхоз пойду, работай не буду», «Алтай чай (пить) — страм (т. е. срам)» [Сартакова, 1995: 106]. Т. А. Ямаева (Тостоева) вспоминает: «Говорят, первые комсомольцы ходили в красных косынках <…>. Волосы свои они остригли. Очень часто собирались, то у них собрания, то молодежные игры <…>. В моей памяти они сохранились как очень шустрые люди, они ничего не боялись <…>. Я была еще маленькая, чтобы думать о комсомоле» [ПМА, Т. А. Ямаева].

В воспоминаниях Т. К. Ямаевой из села Кулада, внучки зайсана[11] 6-го отока Кааха Чамчиякова, сквозит обида, за то, что ее не взяли в комсомол. «Когда мы поселились в селе Кулада <…>, после того, как нас послали в ссылку, но по счастливой случайности мы вернулись на Алтай с полдороги <…>, мы хотели вступить в комсомол. Комсомолки ходили в красных косынках. С короткой стрижкой. Некоторые даже в кожаных куртках. Жили они как-то весело, все время проводили собрания <…>. Мы с сестрами тоже хотели вступить в комсомол. Но нас не приняли в комсомол. После этого ни один из нас никогда не подавал заявления ни в комсомол, ни в коммунисты» [ПМА, Т. К. Ямаева].

Герой мемуаров Тыйрый Болтошевой — Салдырга, «не-комммунист», был человеком привлекательным. «Дядя Салдырга был человеком высокого роста, крепкого телосложения. Кожа у него была светлая (букв.: *ак* — белая), глаза — голубые. Людей с такой внешностью среди наших теелесов встречается очень много. У него был очень звучный, громкий голос. Даже если вполголоса что скажет, кажется, что леса-горы словно вздрогнули. Был веселым, общительным. Про таких людей говорят, что это — живой человек. Всегда был занят чем-нибудь. Утром возле коновязи садился на коня. Вечером спешивался у коновязи. Наверно, бывал на охоте или ездил смотреть скот. Был грамотным. Девушки тайно вздыхали из-за него, и была даже песня, посвященная ему [Каинчин, 2002: 69]:

(Несмотря на то, что) теплый ветерок-ветер дует (постоянно) —
Но в болотистом месте трава не выросла.
(Несмотря на то, что) Салдырга ответил на мое сообщение,
Но мечта моя не сбылась (выйти замуж за него. — *Е. Я.*)».

Сразу после этих строк, автор книги сообщает, что 27 ноября 1937 г. Салдырга посадили в тюрьму в селе Алтайское. 5 декабря 1937 г. его расстреляли в городе Бийск. Так завершение жизни человека резко контрастирует с его беспечной предыдущей жизнью до революции. Портрет другой жертвы коммунистической машины, бая Тахтара, описывается таким образом: «Этот бай был очень жирным и толстым. Поэтому сам даже на лошадь не мог сесть. Редко, как лошадь могла его поднять» [Ямаева, 2012: 7].

---

[11] Зайсан — глава племени, объединявшего восемь и более родов; приравнивается к титулу князя по российской ранговой системе.

Раскулачивание и репрессии

В годы раскулачивания и репрессий появилась своеобразная «поэзия скорби и плача». Вначале приведем воспоминания очевидцев или их потомков о тех страшных событиях, обозначив их как сюжеты о репрессиях и раскулачивании.

Сохранились воспоминания о Чорос-Гуркине, выдающейся личности в алтайской истории, и его соратниках. Мемуары В. Ф. Тозыяковой содержат сведения о последних днях пребывания Г. И. Чорос-Гуркина в селе Эликмонар в период ареста. Она рассказывает, что в это время был арестован ее отец — Федор Сергеевич Тозыяков. Когда ее сестра Нина поехала в Эликмонар сделать передачу, то отец сказал, что здесь же находится Григорий Иванович [Тозыякова, 2007: 19]. Мемуаристка также сообщает, что когда этапируемые проходили мимо Узнезя, она выскочила из дома и догнала их в конце деревни, передала отцу буханку черного хлеба и долго стояла, плакала, пока они не скрылись за поворотом [Там же: 15]. Известно, что перевалочным пунктом ссыльных была Кызыл-Озекская тюрьма.

Воспоминания о пребывании в Кызыл-Озекской тюрьме Чорос-Гуркина, Тискинекова, Алыгызова, Толтойока принадлежат Ефиму Степановичу Полетаеву, записаны у него корреспондентом газеты «Алтайдынг Чолмоны» С. К. Кыдыевой. «В конце города, чуть выше тюлевой фабрики, стояли два барака. Кругом загорожено колючей проволкой. На вышке стояли караульщики. Туда привезли. Как только вошли за ворота, подтолкнули прикладом ружья и велели лечь. Потом раздели, велели войти (в барак. — *Е. Я., А. Т.*). Думали, что ведут расстрелу, поэтому попрощались друг с другом. С того и началась дорога мучения *шыранынг тьолы*. В бараке полным-полно народу. По 2–3 дня не давали есть. Драки, мучения *шыра*. 14-я камера была. Тех, кто туда вошел, тех увели по ночам. Знали, что ведут на расстрел. Большой мешок надевали, ноги привязывали, заставляли лечь, били резиновой дубинкой. Иногда приставляли наган ко рту, типа «убью», тогда кровь текла изо рта. Бросали к собакам, с трудом от них оторвешься. Была комната называемая «собачий дом». Раздетого там оставляли. Каменный пол, каменные стены, с потолка капает вода, невозможно сидеть. Не было даже что-нибудь сказать. Если дверь камеры откроешь, а ты не можешь ходить, то тащили по полу или подбрасывали к собакам. Эти страдания происходили с сентября по декабрь 1937. В Кызыл-Озекской тюрьме начался тиф. Только потому, что молод был — я выжил. Когда сидел, видел людей, которых туда-сюда таскали. Тискинекова видел, этот человек лечил мне раньше зрение. Ивана Толтойока, знал. Помню человека Серко из Шебалино, парня Тьитке из Керзюня, Алагызов и Гуркин проходили мимо. Они были уже людьми в возрасте. В декабре, в ветреный и холодный день, нас повезли в Бийск. Потом были станции Юрга, Тайга, северные края — Коми. 400 км прошли пешком. Из полтысячи человек путь прошли лишь половина. Трупы по дороге и оставляли. Зима. Первым делом начали строить дома, где должны жить конвойные. Сами разжигали и костер, грелись, ложились на то место, где жгли ветки, укрывались ветками и спали. Если снег сверху выпадет, то тепло. Если над кем-нибудь снег также не тронут и не встряхнут, то человек уснул навсегда. Поднявшиеся люди кое-как лишь бы хоронить… хоронили их тут же рядом. В первом лагпункте работало около 3 тыс. человек. Все по 58-й статье — враги народа <…> Однажды, помню, из Москвы пришел этап. Среди этапированных был маршал Советского Союза Егоров,

начальник НКВД по Закавказью Алиев (смуглый такой человек), начальник пограничной службы вдоль Монголии — Соколов. Но их вскоре отправили в Воркуту» [Кыдыева, 2007]. По замечанию корреспондента С. Кыдыевой, Ефим Степанович Полетаев обвинялся как «…“участник террористической организации”, ведущей борьбу против Советской власти. Его привязали к «делу Гуркина». Е. С. Полетаев не признал вину. До конца стоял на своем» [Там же].

Очень эмоциональный рассказ, полный сочувствия к персонажу, имеется про бая Тактара: «Как такой человек, к тому же уже старый, мог бы пережить ссылку? Одно страдание, одна мука. Да и только. Поэтому он просил (человека, пришедшего за ним): «Убейте меня здесь. Вместе с санями скиньте меня с обрыва». Человек действительно скинул его с высокого обрыва. Но Тактар-бай не умер. Говорят, горько заплакал: “Хотел умереть, но не смог. Зря только тебя, дорогого человека, втянул в такое дело”» [Каинчин, 2002: 21]. Про этот случай рассказывают еще так: «Молодых ребят — комсомольцев отправили, чтобы убить Тактара. Комсомольцы сказали: «Как алтайскому человеку убить алтайца?». Поэтому они столкнули сани с Тактаром в крутой овраг. Тактар не умер. Говорят, почтенный старик горько плакал: “Лучше бы я умер… Кости мои остались на Алтае!”» [Там же: 22].

Ряд текстов составили группу, которую мы условно назвали ***«дорога ссыльных»***. О перемещении арестованных по дороге сохранились воспоминания очевидцев.

«Когда началась повальная ссылка людей, то мы жили у подножья перевала Чакыр. Мы доили коров на ферме. Каждый день уводили людей иногда по 30–40, по дороге наверх, на перевал. Иногда ночевали у нас дома. (Сопровождающие) нас сразу выгоняли из дома. Их не интересовало, где мы будем ночевать, что будет с нами. Ссыльные же были всякие — больные, хромые, и старые, и совсем еще дети… Уставшие, голодные. С потухшим взглядом, с безучастными голосами… До сих помню услышанную тогда песню:

Земля, на которой мы выросли, была травостойной.
Каковы будут чужие края?
Земля, на которой мы ходили, пахло полынью.
Каковы будут края, куда нас отправляют?
От шубы, сшитой из шкуры козы,
Пусть старый кусок останется на Алтае моем.
От голоса моего, подобного эдиски (манок для зверя. — *Е. Я., А. Т.*),
Пусть эхо останется на Алтае моем.
Ескен тьерис еленгдю
Еске тьерлер кандый не?
Баскан тьерис баргаалу,
Баратан тьерис кандый не?
На родине нашей тучные пастбища,
Будет ли такой чужая земля?
Полынью покрыты наши дороги,
Будет ли такой дорога впереди?

Все проходили и проходили, с трудом поднимаясь на перевал. Взвалив на плечи свои страдания, стоны, жалобы, печаль, проклятья… А ведь это были люди только из двух районов — Усть-Кана и Усть-Коксы» [Каинчин, 2002: 56].

Екатерина Бултаевна Сабашкина, жившая у подножья перевала Чакыр вспоминала: «Спускали с перевала 30–40 человек пешком. Сопровождали два конных милиционера. Ночевали они в конторе Беш-Озека. Ни один из людей не сопротивлялся. Брата моего отправили вместе с этими людьми. Плача, долго бежала я за братом» [Кыдыева, 2007].

«В Улаганском районе арестованных мужчин собирали возле Балыктуюлского сельского совета. «Потом их пешими погнали вниз по Чолушману. В 1929 г. Среди этих людей была одна-единственная женщина Тьулукова Тьаныйка. Священник *абыс*, которого звали Белый Абыс, был тоже среди них. Милиционер по имени Езбек Тапас (с этими людьми) «спустился» с Улагана, присоединил к ним арестованных здесь (чолушманцев — *Я. Е.*), посадив их на лодку *карбыс*, повез из по озеру» [Сартакова, 1995: 107–108].

Возникло представление о дороге в один конец. Предки уходили туда, откуда не возвращались. Те, кому удавалось выжить, пытались спасти мальчиков, привезти их на родину, на Алтай. «В Коркобы жил старик Амыр, 84 лет. Когда кончился срок пребывания в ссылке (тюрьме), он, спрятав 6-летнего мальчика под шубой, вывез из лагеря и привез домой. Мальчика звали Мендин Курдаш. Сестре мальчика Сургал было 16 лет. Она осталась в лагере. Сохранилась ее песня [Кыдыева, 2007]:

Кызыл тал бажын кый дезе,
Кыйар эдим — малта тьок.
Коммунистке кир дезе-
Кирер эдим — арга тьок.
Если бы мог срубить верхушку красной ивы,
Срубил бы, да только топора нет.
Если мог стать коммунистом,
Стал бы, да только возможности нет.
Тьенгезектю Алтайда
Тьеереним турза, керюп тьюр.
Тьер тюбинден тьюре резем,
Тьененим, керкий, сурап тьюр.
На Алтае, покрытом мхами,
Если будет ходить моя корова, приглядывай за ней.
На дне земли окажусь,
За племянником моим приглядывай.
Казылып калган кара тьол
Качан ойто бюткей не?
Катуга барган карындаш
Качан ойто тьангай не?
Просевшая от ходьбы дорога
Не поднимется вновь вровень с землей?
Сосланный в ссылку брат мой
Вернется ли когда-нибудь?»

Каждая семья хранит в памяти события, коснувшиеся именно этой семьи: «16 мая 1931 года мой дед Маршаков Кыпчыш и его жена Бичи были отправлены в ссылку. Дед и бабушка вместе с пятью детьми находились в Нарыме, в ссылке. В болотистой местности валили лес. От недостатка еды и одежды, от тоски по Алтаю, от болезни они умерли. Умер младший сын Кюртюк. Перед смертью они наказали

двум старшим сестрам: “Возьмите с собой вашего кровного (двоюродного) брата Турдубека (Маршакова). Помогите ему устроиться в жизни и жените его”» [Баштыкова, 2012: 126]. Объединяло семьи одно слово — «Нарым». До недавнего времени это был синоним слова «смерть». Нарым называли «местом, откуда не возращаются. Нарым — это место, занятое болотом и водой, непроходимыми кустарниками, летом наполненное мошкарой, что дышать невозможно, а зимой — холода до 50 градусов. Бежать некуда: нет дороги. Влажность и сырость. Нет пищи, которой мог бы питаться алтаец: еда — это растения и рыба. Поэтому здесь погибло очень много алтайцев» [Там же]. Л. Т. Баштыкова, долгое время занимавшаяся историей спецпереселенцев, сообщает такие цифры: «В Томск было направлено 32 тысячи «переселенцев». В том числе 15 тысяч детей, не достигших 12 лет, 4 тысячи женщин (с детьми грудными и не достигшими 8 лет), 8500 мужчин (1 тыс. из которых не способны были работать)» [Там же].

Ушедшие и оставшиеся

Финальную часть мемуаров о ссыльных нередко составляют мотивы о судьбе раскулаченных и репрессированных в период ссылки и после возвращения. Непростая жизнь сложилась у одного из ярких комсомольцев 1930-х гг. — К. М. Кохоева (Кахаева). Рассказ о нем приводится в книге Т. Каинчина «Большая семья»: «Одним из ярких *ектем* (букв.: яростный, восторженный) секретарей обкома комсомола (Ойротской автономной области. — *Я. Е., А. Т.*) был Кохоев Кюдер Майманович. Был сослан в Колыму. Он говорил: «Человек, сосланный в ссылку, ведь нуждается не только в хлебе… Смысл жизни тоже должен быть. Египтяне, вот например, строили пирамиды, рыли каналы, чтобы сделать свою страну сильной. Мы тоже говорили себе: пускай мы будем как рабы… Пусть только страна наша будет крепкой. Пусть побеждает врагов. Пусть крепится Советская власть. Пусть коммунизм победит. Что наша жизнь по сравнению с этой великой идеей?! <…>. Кюдер Майманович рассказывал, что однажды нашел довольно крупный самородок. Бригадир в качестве поощрения дал ему пять булок хлеба, килограмм сахара и два дня отдыха. Бригада тут же съела хлеб и сахар, а я два дня спал… Ведь день отдыха нельзя разделить на всю бригаду» [Каинчин, 2002: 49]. После возвращения из ссылки Кюдер Майманович жил в селе Кулада. Похоронен на местном кладбище. Всю жизнь проработал чабаном (по личным воспоминаниям Е. Е. Ямаевой). Жизнь этого человека, полная революционного энтузиазма в молодости и неистребимого жизнелюбия даже в годы ссылки на Колыме, достойна хорошей памяти. Говоря о потомках репрессированных и их отношении к советской власти, Е. В. Бусырева справедливо отмечает, что если одни из них «считают себя не вправе обвинять власть в убийстве «отцов», то для других это означало бы «предать память» родителей, которые верно служили коммунистической идее» [Бусырева, 2016: 42].

Устойчивым является мотив ***«невозвращения на прежнее место жительства»***. «Болтошев Салдырга в 1930 г. отправлен в ссылку в Нарым. Через 4 года вернулся на Алтай. В 1935 г. просил, чтобы ему дали «голос», чтобы вернули его жену домой. Не получив ответа, отправился в Томск, в Нарым. Вместе с женой возвратилась их родственница Меркулеева Айтпанг. До родины добрались пешком. Ночью шли, а днем прятались в пещерах-гротах или скалах. Но домой они не вернулись. Возможно, были живы те, кто на них кляузы писал. Пришли они жить в село Куйаган Алтайского района, где жила сестра

жены Салдырга и где был совхоз под номером 333. Салдырга построил полуземлянку *тьер тура казала* в логу езек Кислинка» [Каинчин, 2002: 93]. По воспоминаниям Д. М. Болтошева, сына Салдырга, в Куйача (Куягане) жил брат матери — Чиков Чынык. «В 1942 г. мы переселились в колхоз «Светлый путь» в Усть-Кане. Там жили наши родственники — Тайтаковы. Наше добро поместилось в два мешка. Мы их приторочили к седлу. Сели на коней и поехали домой» [Там же: 37].

«Сестры Алтын и Кюндюй вместе с Турдубеком дошли до Алтая. Стали работать в коммуне «Свет Алтая». Жили у знакомых туратинских казахов. Здесь же работали их родственники Тайтаков Бачим и его жена Кюртен. Сестры женили Турдубека, в 1939 г. родилась дочь Лидия. Вскоре Турдубек отправился на войну и погиб. Сестра Кюндюй отправилась в Ело, где жила сестра Тантак. Сестра с мужем Солон укрывали ее в шалаше в лесу (боясь преследований, что они помогают беженке), одели, обули и отправили обратно в Тураты. Кюндюй вышла замуж за сына казаха, у которого они жили. С мужем Яковом они родили двух сыновей, старший умер еще в детстве. Кюндюй жила в городе с сыном Иосифом» [Баштыкова, 2012: 126].

Отчетливо сохранились в исторической памяти народа остававшиеся на Алтае ***старики и старухи***. «У старухи Качаковой Табжуурат арестовали и увели всех сыновей — одного звали Колько, другого — Ойзу, третьего… Старуха осталась одна в *аиле.* Отрывая свои волосы, плача и стеная, осталась одна…» [Сартакова, 1995: 105–106]. Сюжеты об ожидании ссыльных дочерей и сыновей составляют отдельную группу. «В местности Сетерлю жили Карамай и Тантылай Яковы. Старшая дочь Карамчы вышла замуж за сына Мантьы Кульджина — Яжная. Родила одного сына. Яжнай умер. Карамчы отдали замуж за брата Яжная — Яла (Тьала). Родила двух сыновей. Когда старшему было 5 лет, а младшему 5–6 месяцев, семья была отправлена в ссылку. Через 9 лет Карамчы вернулась из ссылки, из Нарыма. Вернулась одна. Мать же ее в течение многих лет ждала ее; каждый день всегда всматривалсь в людей, проезжающих мимо их аила, по дороге. Ждала дочь» [Кыдыева, 2007].

В результате чудовищной политики раскулачивания и репрессий многие семьи потеряли друг друга. Тема ***разъединения семей***, пребывания в детдомах объединяет отдельную группу мотивов. Младшая сестра отца Янга (Тьанга) по причине болезни была оставлена в Нарыме. «Слышала я, как разговаривали сестра и брат. Они говорили о том, что невозможно забрать ее с собой. Идемте. Через некоторое время брат вернулся обратно и сказал: «Ты ничего не бойся. Когда ты выздоровеешь, я обязательно вернусь и заберу тебя на Алтай». Он погладил меня по голове и поцеловал. И они ушли. Я потеряла сознание. Пришла в себя в больнице. Люди в белых халатах называли меня Валя. Меня отдали в детдом. После детдома работала в Томском меланжевом комбинате, потом на швейной фабрике <…>. Но никак не могла вспомнить, где я родилась. Жила в общежитии. У меня была отдельная комната. Однажды в воскресенье лежала в кровати и слушала передачу. Рассказывали про успехи Ябоганского совхоза. Как услышала это название, не знаю, что со мной случилось! Я вскрикнула, вскочила… Плакала и смеялась… Услышав название моей родины, ко мне вернулась моя память. Получив отпуск, приехала на Алтай, увидела своих родных» [Баштыкова, 2012: 127–128].

В семейных меморатах присутствуют стереотипные формулы, которые характерны только для данного сюжета и сохраняются при его передаче. Например, об одном из крупнейших баев Алтая — Тактаре существует такое предание. «Когда дочь Тактар-бая выходила замуж, он сказал (пришедшим сватам): «Поставьте передо мной лошадей пестрых, как мои (лошади), поставьте передо мной человека, подобного мне» (здесь имеется в виду калым за дочь. — *Я. Е.*). Давешние люди ответили ему: «Мы еще наберем пестрых лошадей, но где нам взять человека с залысиной такой?» [Ямаева, 2012: 7].

Когда во время работы над книгой «Теелестердинг угы тези» [Ямаева, 2012] собирался материал по семье Тайтак из рода теелес, информанты вспомнили слова, сказанные предком Тайтак:

Уй минип тьюрген улус
Учарга тьеткен.
Учуп тьюрген улус
Уй минерге тьеткен».
Те (люди), которые ездили на корове,
Теперь готовы полетать.
Те (люди), которые раньше летали,
Теперь дошли до того, чтобы ездить на корове.

Правда, оказалось, что слова принадлежит Тайтаку из рода тодош. Этот человек принадлежал очень зажиточной семье. Перемены при советской власти коснулись всех. Его слова якобы адресовались Кюдеру Кахаеву, который приехал в годы Гражданской войны из Уймона на быке. Хотя, конечно, К. Кахаев прибыл из Уймона не на быке, а на своем коне, высказывание не относится к будущему активисту советской власти, который вскоре стал активным комсомольцем, а потом секретарем обкома комсомола, поднявшись по карьерной лестнице.

«Песня одного человека»

Каждый хранил в себе свою трагедию, выражал ее в одиночестве. К одиноким старикам и старухам причислялись и вдовы, оставшиеся после Гражданской войны без мужей. Они переживали горе вместе, разделяли его. Мемуары И. В. Шодоева, проникнутые большим сочувствием и состраданием к таким вдовам, содержат рассказ о женщине по имени Тьинтьи, которая выражала свою печаль через сочиненные ею песни. Нередко она распевала свои песни на свадьбах или сборищах людей по случаю приезда гостей. Приведем тексты ее песен [Шодоев, 1995: 23–24].

Чапкан еленг чалынду
Чактанг арткан тьыргалду.
Тьууган еленг корболу
Тьууданг арткан тьыргалду.
Скошенная трава сохраняет росу,
Оставшиеся в живых от несчастий имеют праздники.
Собранное сено сохраняет еще семена и ростки,
Оставшиеся в живых от войны имеют веселье.
<…>
Кегерип тьаткан кек еленг
Келетке тьерданг не чыгат,
Керюжип ескен бойлорыс

Керюшпес тьерге не барат?
Агарып чыккан ак чечек
Ажыт тьерденг не чыгат?
Айдыжып ескен бойлорыс
Айдышпас тьерге не барат?
С зеленеющими листьями синий цветок
Почему вырастает в тени,
Выросший вместе со мной (любимый)
Почему уходит в мир невидимых (мертвых)?
Белоствольный белый цветок
Почему вырастает на западе (где солнце закатывается)?
Разговаривавший со мной с детства (любимый)
Почему уходит в страну молчания (мертвых)?

Эти удивительные по своей выразительности песни скорби и печали напоминают традиционные песни сыгыт у алтайцев. Традиция таких песен уходит корнями в глубокую древность и проявила себя в эпитафийных надписях тюрков. «Личные песни» в своей основе — по символике, форме выражения, по тому, что они принадлежат особым категориям исполнителей — отчасти продолжают традицию, связанную с похоронно-поминальным комплексом культуры. При этом они связаны с актуальными значениями и бытуют в условиях и ситуациях своего времени. Тексты, которые называют «песней одного человека», включаются в мемуарные нарррративы. К таким относится, например, песня Кюдера Маймановича Кахаева, которую он распевал, когда выпьет:

Буурыл тайга буудай бер,
Бутьыр-бутьыр чайназын.
Бу бойыма уруп бер,
Бууккан бурым чечилзин.
Саврасому трехлетнему коню дай пшеницы,
Пусть с хрустом он жует.
Мне самому чарочку налей,
Пусть печаль с моей печени развеется.

Сохранилась песня сына Аргымая Кульджина. Рассказывают, что сын Аргымая — Кару жил в одно время в Туекте. Однажды он поехал на свадьбу в Ябоган к Охрашу Баинкину. Не был ли Баинка — сыном Мандьи (брата Аргымая. — *Е. Я., А. Т.*). На свадьбе его приняли не очень дружелюбно. Кару спел такую песню [Елемова, 2007: 73]:

То, что это помет аргамака
Кто разберется в навозе?
То, что я сын Аргымая.
Кто из вас оценит нынче?

В памяти мемуаристки сохранилась алтайская песня, посвященная ей. Она спета на свадьбе на алтайском языке, в честь русской девушки Нины Кумандиной:

Вот сидит русская городская девушка.
У нее длинные косы.
В ушах у нее хорошие сережки.
У нее городское, зеленое, как трава, платье.
Обутки у нее как огоньки.
Мне эта девушка нравится.

Приведенные выше тексты свидетельствуют о том, что в алтайской музыкальной культуре был песенный жанр, обозначаемый как «личная песня», хотя, безусловно, это — не Homo Lyricus. Об этом явлении вскользь упоминает А. Кунанбаева в своей работе о песне «одного голоса». «На определенном этапе поэзии и музыки устной традиции оказывается очевидным, что «голос» песни, т. е. ее мелодия, это и есть «мой» голос, голос Homo Lyricus и, соответственно, голос выдающегося лирического певца, заявляющего о себе в мире. Собственно, *совпадение* этих двух значений одного термина «голос» — как «голоса2 и «мелодии» — и образует, если угодно, лирику как особый песенный жанр — разумеется, не в смысле «личной песни», известной ряду народов Сибири и дальнего Востока, как самоидентификации человека внутри того или иного рода (племени), а в смысле лирики как уникальной позиции человека в мире» [Земцовский, Кунанбаева, 2011: 210].

В 1920–1930-е гг. в культуре появляются новые образы. «Культур-активисты» по характеру были люди смелые, способные сломать традиции. Так, в газете «Кызыл Ойрот» за 1929–1932 гг. встречаются предложения корреспондентов отказаться от алтайской одежды, чегедеков, остричь волосы, подобно комсомолкам, мужчин призывали отказаться от косы *кетьеге*. В поведении людей появляется нарочитое пренебрежение к потомкам бывших баев и зайсанов. «Бывшие малоимущие или бедные люди» могли публично оскорбить «бывших баев» [Елемова, 2007: 73]. Многочисленны рассказы потомков бывших баев, которые через всю жизнь пронесли унижения и оскорбления. Вместе с тем, как показывают мемуарные материалы, относящиеся ко времени раскулачивания и экспроприации, образы первых комсомольцев или коммунистов, занимавшихся «раскулачиванием», в памяти народа остались не совсем приятными. Люди, которые постоянно проводили собрания, воплощались в образах пустословов и бездельников, жадных до чужого добра (раскулаченное имущество нередко присваивалось новыми хозяевами жизни).

Трагические годы ссылок и репрессий получили освещение в сюжетах о пребывании в тюрьмах (например, в Кызыл-Озекской близ Горно-Алтайска), об одиноких стариках и детях, оставшихся в *юртах* в бесконечном ожидании возвращения родных. Получили устойчивость представления о дороге в один конец, возникли песни печали и скорби, своеобразные «песни одного человека», в которых каждый «выплескивал» свое горе в «собственной песне». Алтайская культура предоставляла традиционные формы для воплощения новых явлений и потрясений жизни, их интерпретаций, для выражения общечеловеческих эмоций и передачи семейного исторического наследия.

Сведения об основных исторических персонажах семейных историй

Абышкин Макарий родился в 1878 г. в селе Отогол (Мариинка). Учился в катехизаторском училище в Бийске. После его окончания работал учителем в разных школах. В 1929 г. отказался от сана священника. В 1930 г. работал в редакциях газет «Ойротский край» и «Кызыл-Ойрот». Был отправлен в ссылку и расстрелян в 1937 г.

Алагызов Иван Савельевич родился в 1888 г. в селе Улала, алтаец-туба, рода меркит. Член ВКП(б) с 1920 г., член ВЦИК, заведующий национальным отделом Западно-Сибирского края (исполкома). Член Ревкома, председатель Ойротского облисполкома. Арестован 19 мая 1937 г. Постановлением тройки

УНКВД Западно-Сибирского края от 4 октября 1937 г. по ст. 58-4-11 расстреляли как врага народа. Реабилитирован постановлением Президиума Алтайского краевого суда от 29 марта 1995 г.

Болтошев Салдырга — один из самых состоятельных алтайцев Усть-Канского района. Прошел ссылку в Нарыме. Был расстрелян в 1937 г.

Кайгородов Александр Петрович (1887–1922), уроженец села Абай Горного Алтая. Православный. В Первую мировую войну воевал на Кавказском фронте. Полный кавалер ордена Святого Георгия. В марте 1918 г. в селе Улала принял участие в Учредительном съезде инородческих депутатов, провозгласившем национальную автономию алтайцев и избравшем Каракорум — Алтайскую окружную управу. В начале 1919 г. был сформирован Алтайский кавалерийский туземный дивизион. Основными задачами дивизиона были охрана границ Алтайской окружной управы и противодействие советской власти. А. П. Кайгородов в дивизионе служил в должности младшего офицера. В сентябре 1919 г. добился от походного атамана казачьих войск генерала А. И. Дутова разрешения на формирование на Алтае инородческих казачьих полков. А. В. Колчак подписал специальный приказ (указ) о создании из алтайцев и русских нового казачьего войска — Алтайского. А. П. Кайгородов остался в памяти людей как признанный лидер алтайского повстанческого движения. В 1922 г. в селе Катанда Усть-Коксинского района был убит командиром отряда ЧОН И. И. Долгих. Его отрубленная голова доставлена была в Барнаул.

Каспанкин Тахтар — один из крупнейших баев Горного Алтая. В 1917 г. имел 765 лошадей, 425 овец, 105 голов крупного рогатого скота.

Кахаев Кюдер Майманович — секретарь обкома комсомола Ойротской автономной области.

Кульджин Аргымай, крупнейший бай Алтая. Участник Учредительного съезда инородцев Горного Алтая в 1918 г., провозгласившего создание Алтайской Горной думы. Финансировал национальные проекты (построил школу для алтайских детей, ему принадлежит заслуга финансового обеспечения бурханизма). Имел маслозавод, был поставщиком лошадей для царской армии.

Кульджин Мандьи, брат Аргымая Кульджина. Имел маслозавод, разводил полукровных орловских рысаков. Кульджин Сапок, младший брат Кульджиных, был активным участником повстанческого движения.

Кумандин Лука Яковлевич — алтайский священник. Выступал за просвещение алтайцев, модернизацию традиционной экономики. Вместе с М. Я. Кумандиным, А. И. Чевалковым, И. К. Соколовым создал в декабре 1906 г. «Союз друзей-деятелей по возрождению туземного населения». Судьба организации неизвестна.

Ташкинов Тежлей — активный участник повстанческого движения, соратник А. П. Кайгородова. Состоял на службе у Аргымая Кульджина.

Тискинек (Тискинеков) Василий Иванович (1900–1937). Родился в селе Чемал Чемальской волости Бийского уезда. В 1919 г. окончил Томскую духовную семинарию. В 1919 г. вступил в Алтайский Туземный кавалерийский дивизион. С мая по октябрь 1919 г. служил в колчаковской армии в должности командира взвода. В 1920 г. был арестован за участие в отряде А. Н. Кайгородова и содержался под арестом в Бийской тюрьме. В 1921 г. он был освобожден по амнистии. После освобождения работал инструктором национальных школ Бийского уездного отдела народного образования. В 1923–1928 гг. учился

в Томском государственном университете на медицинском факультете, окончил университет в 1928 г., получив специальность офтальмолога. После учебы работал по специальности. В 1934 г. в Ойротской автономной области был создан противотрахоматозный диспансер, работу которого возглавил В. И. Тискинек. В 1936 г. обучался на курсах военно-химического дела в Московском институте усовершенствования врачей. Вернувшись из Москвы, работал главным врачом Ойротского облздравотдела. В. И. Тискинек был арестован 29 августа 1937 г., 1 июня 1938 г. был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58-1 «а», 58-2, 58-11 УК РСФСР по сфальсифицированному обвинению за участие в контрреволюционной организации, действовавшей в Ойротской обл. Его обвиняли в проведении вредительства в области здравоохранения и шпионаже в пользу германской разведки. Решением Военной коллегии он был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 1 июля 1938 г. в Барнауле.

Толток (Толтойок) Иван Семенович. Родился в 1903 г. в Мариинске (Отогол), Кан-Оозы. Один из видных деятелей советской власти, работал в облисполкоме Ойротской автономной области. Расстрелян в 1937 г.

Чорос-Гуркин Григорий Иванович (1870–1937) — видный общественный деятель, выдающийся художник алтайского народа. Родился в селе Улала, проживал в селе Анос Элекмонарского аймака. Получил церковное образование, учился на иконописца. 1–6 июля 1917 г. в городе Бийске на съезде представителей инородческих волостей был создан орган по делам инородцев Алтайская горная дума, председателем которой стал Г. И. Чорос-Гуркин. В 1919 г. после начала конфликта с Бийском по вопросу о границах Алтайской горной думы был создан так называемый алтайский дивизион. В марте 1918 г. в Улале на Учредительном Горно-Алтайском съезде инородческих и крестьянских депутатов было провозглашено создание Горного Алтая в качестве самостоятельного округа, позже получившего название Кара-Корумская Алтайская окружная управа. Столицей нового округа стало село Улала (ныне город Горно-Алтайск). После создания Ойротской (позже — Горно-Алтайской, а ныне Республики Алтай) автономной области Г. И. Чорос-Гуркин отошел от политической деятельности и занялся творчеством. Находился в эмиграции в Монголии и Туве. Был вольнослушателем Академии художеств в Санкт-Петербурге и учился в мастерской И. И. Шишкина. Его художественное наследие составляет более 2000 картин и гравюр, этнографических зарисовок. Расстрелян в 1937 г.

Список информантов

Жители Онгудайского района Республики Алтай:

Баранчикова А., с. Купчеген

Ечибесова Мамаш, с. Кулада

Майчикова (Ямаева) Дьелечи Кахиновна, 1929 г. р., род теелес, с. Кулада

Ямаева (Бедиекова) Т. К., 1909 г. р., род теелес, с. Кулада

Ямаева (Тостоева) Т. А., 1927 г. р., с. Кулада

Список источников

Баштыкова Л. Т. Кату тьылдар // Теркин М. С. Койчынынг уулы: повесть, кууучындар, баснялар, статьялар ла библиография / сост. Л. Т. Баштыкова. Горно-Алтайск, 2012. С. 126–128.

Елемова Г. Потомок кегел наймана. Горно-Алтайск: ЮЧ-Сюмер-Белуха, 2007. 110 с.

Ерленбаева Т. Тьюректерде арткан сыс // Алтайдынг Чолмоны: газета. 2007. 11 юлюрган, № 212–214.

Каинчин Д. Тьаан тьурт ээн калбас (Большая семья). Горно-Алтайск, 2002. 119 с.

Кыдыева К. Айдышканнанг сурап тьюр // Алтайдынг Чолмоны: газета. 2007. 11 юлюрган, № 212–214.

Сартакова С. Ак ЧолушпаАлтайым. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1995. 297 с.

Теркин М. С. Койчынынг уулы: Повесть, кууучындар, баснялар, статьялар ла библиография / сост. Л. Т. Баштыкова. Горно-Алтайск, 2012. 172 с.

Тозыякова В. Ф. Жестокого времени дети: о династии Тозыяковых / авт.-сост. В. Тозыякова. Горно-Алтайск: Б.и., 2007. 448 с. (Потомки алтайской миссии).

Шодоев И. В. Еткен jолымнанг. Автобиографиялык эске алыныштар. (Прошедшей дорогой. Воспоминания). Горно-Алтайск: Республиканынг «Юч-Сюмер» бичик чыгартузы, 1995. 168 с.

Список литературы

Алтайчинов М. Ч. Замечательные люди северных алтайцев = Ады jарлу тундук алтайлар. Горно-Алтайск, 2003. 360 с.

Бусырева Е. В. История семей из Южной Финляндии, проживающих на территории Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 9 (37). С. 31–45.

Бусырева Е. В. Судьбы семей финских колонистов Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. Вып. 7. С. 59–75.

Бусырева Е. В. Этническая идентичность представителей семей с финской родословной (Мурманская область) // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2017. Т. 11, вып. 3. С. 78–89.

Земцовский И. И., Кунанбаева А. Б. Homo Lyricus, или Лирическая песня в этномузыковедческой стратификации «фольклорной культуры» (На подступах к монографии) // Классический фольклор сегодня: материалы конф., посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова (Санкт-Петербург, 14–17 сентября 2009 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 199–249.

Пушкарева Н. А. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.

Разумова И. А. Культурная политика современной российской семьи: подходы, исследования, практика // Карельская семья во второй половине XIX — начале XXI веков: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: сб. ст. / сост. и ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2013. С. 66–86.

Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.

Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 14. С. 14–28.

Сулейманова О. А. Истории переселения на Кольский Север: материально-бытовые проблемы этнических мигрантов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. Вып. 2 (9). С. 31–42.

Сулейманова О. А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. Вып. 2. С. 68–79.

Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Ямаева Е. Е. Теелестердинг угы-тези. Родословная теелесов. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2012. 69 с.

Сведения об авторах

Ямаева Елизавета Еркиновна
доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ)

Тискинек Александр Константинович
аспирант Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ)

Yamaeva Elizaveta E.
doctor of history, Professor Gorno-Altaisk State University (GASU)

Tiskinek Aleksandr K.
graduate, Gorno-Altaisk State University (GASU)

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ

POSTGRADUATE NOTEBOOKS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.139-145
УДК 316.4(470.11)

К. А. Тертышная

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СВЕТЕ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация

Рассматриваются отдельные теоретико-методологические аспекты изучения региональной идентичности. В основу положен анализ работ российских исследователей, что позволяет проследить развитие представлений об особенностях формирования регионального сообщества в России, в том числе по данным, полученным в результате социологических исследований в Мурманской обл.

Ключевые слова:

регион, региональная идентичность, региональное сообщество, региональное самосознание, региональный этос, региональный менталитет.

Christina A. Tertyshnaya

REGIONAL IDENTITY OF THE POPULATION OF MURMANSK REGION ACCODING THE RUSSIAN SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract

The article describes some theoretical and methodological aspects of studying the regional identity. The aim of the research is to analyze the concept of the regional identity. The research is based on an analysis of the projects of Russian researchers, which allows to trace the development of ideas about the specifics of the formation of the regional community in Russia including the data of sociological research in Murmansk region.

***Keywords**:*

region, regional identity, regional consciousness, regional community, regional ethos, regional mentality.

Региональная идентичность — результат процесса индивидуального и регионального развития, актуализация которого связана с конструктивистской деятельностью органов власти и СМИ. Вследствие региональной идентификации происходит консолидация местного сообщества, позволяющая разделить социальное пространство на две группы: «мы» (члены регионального сообщества) и «они» (представители других регионов и региональных групп). Региональная идентичность позволяет индивиду интегрироваться в группу, почувствовать себя ее частью, тем самым формируя коллективность. Индивид осознает себя как член территориальной общности.

В настоящее время исследование проблемы региональной идентичности характеризуется множественностью подходов. Изучение региональной идентичности в отечественной социологии началось в 1990-е гг. Столь поздний

интерес к данному феномену связан с деятельностью государства, которая была ориентирована на формирование общесоветской идентичности. Распад СССР активизировал процессы осмысления проблемы целостности региона как социокультурной и административно-территориальной единицы. В связи с этим стали появляться исследования, которые рассматривали управление региональными процессами в пограничных регионах.

Процесс формирования региональной идентичности зависит от активности агентов конструирования региональной идентичности (региональной элиты, интеллигенции, СМИ и др.) и от таких характеристик, как координация их действий и используемые ими стратегии. Основными акторами формирования региональной идентичности являются государство и региональные международные организации [Муха, 2013: 27].

Региональная идентичность представляет собой процесс самоидентификации людей как жителей того или иного субъекта Российской Федерации. Поскольку индивиды идентифицируют себя не только с определенной территорией, но и с региональным политическим сообществом, то и региональная идентичность включает те же две составляющие — территориальную и политическую. Территориальная составляющая образа — результат восприятия жителями региона определенных символов физического пространства. Политическая составляющая образа — это результат политической практики, т. е. целенаправленной деятельности региональных политических институтов и акторов. Формирование представления о политическом пространстве тесно связано с состоянием федеративных отношений в стране.

Территориальная составляющая образа региона включает в себя представление о регионе как о крае — издавна существующей территории, в ней отсутствует политическая окраска, она лишь содержит традиционные стереотипы, деление на «своих-чужих». Территориальная составляющая включает в себя все то, что можно назвать общим достоянием, имеющим как материальную природу (различные памятники архитектуры), так и нематериальную (все то, чем может гордиться данная территория).

Политическая составляющая охватывает представления людей о регионе как о политическом пространстве, в границах которого существует региональное сообщество. Региональное сообщество является политическим, так как оно сформировано в границах субъекта Федерации и имеет свои органы управления [Цумарова, 2006: 159].

А. Пааси рассматривает региональную идентичность как субъективную связь человека с местом его проживания, отмечая, что в содержании региональной идентичности определяющую роль играют культурные ценности в обозначении экономического и политического единства региона. Значение символов состоит в производстве и воспроизводстве социальной целостности и социально-пространственной отличительности [Paasi, 2011: 167–168].

И. Я. Мурзина определяет региональную идентичность не только как связь, которую ощущает житель определенной территории (региона) с местом его жизни, но и как тип личности, который формируется на данной территории. При этом эта связь с местом может носить явный или скрытый характер, но она обязательно оказывает воздействие на существование человека. Региональная идентичность также может быть представлена внутренними самоощущениями человека, тесной связью внутренних качеств личности с местом жительства [Мурзина, 2003:102].

Значительный вклад в изучение понятий «территориальной идентичности» и «региональной идентичности» внесли Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанов. Согласно их концепции, региональная идентичность выступает как результат отождествления «Я — член территориальной общности». Авторы отмечают, что у каждого человека есть образ, который вместе с механизмом соотнесения (отождествления, различения, оценивания и сравнения) образа «Я» и образа территориальной общности создает схему территориальной идентификации. Существенным аспектом выступает «масштаб» той территориальной общности, к которой человек ощущает причастность: ограниченная территория — конкретный район (село, город, область) или более обширное пространство — страна, содружество государств [Шматко, Качанов, 2008: 95].

Сущностные характеристики региональной идентичности реализуются через ряд функций: во-первых, региональная идентичность является культуромаркирующим основанием региона; во-вторых, она есть инструмент сплочения территориальной общности на пути достижения цели, соответствующей региональным интересам, и воссоздания специфической коллективной социальности; в-третьих, она задает норму антропологического воображения, те образы человека и человечности, которые считаются приемлемыми и желательными в рамках данного сообщества и с которыми человек сверяет всю свою деятельность и досуг; в-четвертых, региональная идентичность дает удовлетворительное ощущение существования индивида среди «таких же, как я»; наконец, она является продуктом «коллективной памяти», воспроизводя и сохраняя ее и т. д.

Структура региональной идентичности состоит из следующих компонентов: региональное самосознание, региональный этос и региональный менталитет.

Носителем регионального самосознания выступает совокупность людей, представляющих тот или иной регион. Региональное самосознание включает нравственные ориентиры, идеалы и мотивы поведения и т. д.

Региональный этос — система ценностей и духовных предпочтений, стереотипов мышления и правил поведения, которые исторически сложились на данной территории и определяются базовыми природно-географическими и социально-экономическими характеристиками регионального бытия.

Региональный менталитет — фундаментальная устойчивая структура сознания, отличающаяся стабильностью и постоянством; наднационально-территориальная форма субъективности, связанная с определенной географо-социальной территорией [Казакова, 2008: 19].

Н. В. Назукина выделяет два уровня региональной идентичности: культурный и стратегический. Культурный уровень включает в себя уникальные характеристики и ценностные особенности региона, воспринимаемые его жителями как общие для них. Стратегический уровень подразумевает использование региональных особенностей местными элитами в практических целях (создание и использование региональной уникальности: традиции, продвижение конструируемой уникальности, выражающееся в формировании регионального имиджа) [Назукина, 2011: 18].

Первыми проявлениями региональной идентичности в России стало формирование политического самосознания в этнических республиках, которые в 1990–1991 гг. провозгласили суверенитет. В результате представители

титульного этноса стали считать первичной и определяющей свою принадлежность именно к республике, а потом уже к России. Усиление автономистских тенденций в республиках стимулировало похожий, хотя и более слабый процесс в краях и областях России.

К началу 2000-х гг. степень региональной самоидентификации жителей российских регионов уже имела достаточно высокий уровень. Преимущественно в регионах России в пользу региональной самоидентификации высказывались жители региональных столиц, что в целом вытекало из характерных особенностей российского социального и политического пространства — гипертрофированной роли центров. Процесс стихийной регионализации России сменился целенаправленной централизацией, феномен региональной идентичности используется региональными элитами с целью сохранения федеративного принципа во взаимоотношениях «центр — регионы» и укрепления легитимации своего статуса [Реутов, 2007: 183].

К 2011-2012 г. российская идентичность стала не только самой распространенной, но наиболее значимой идентичностью для большинства районов с русским составом населения. Но и ощущение сильной связи с гражданами России в целом оказалось самым значимым. Укрепляющаяся российская идентичность, совмещенная с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает проблем этноконфессиональной совместимости, недовольства несправедливостью существующей системы распределения ресурсов, солидаризации против неравенства, коррупции, проявлений беззакония [Дробижева, 2014: 83].

Социально-антропологические (историко-культурные) аспекты региональной идентичности населения Мурманской обл. изучаются с середины 2000-х гг. в ЦГП КНЦ РАН. Исследователи приходят к выводам о наличии определенных культурных свойств, которые включаются в региональное самосознание жителей Мурманской обл., связаны со стереотипами поведения и ценностями и опираются на семейно-биографический опыт адаптации к Кольскому Заполярью [Разумова, 2006; Разумова, Сулейманова, 2007; Сулейманова, 2008].

Социальная ситуация на Кольском Севере оценивается как нестабильная, наиболее острой проблемой является демографическая. Мурманская обл. продолжает оставаться одним из самых быстро теряющих население регионов, в частности, актуализирована потребность в сохранении численности молодежи в области.

На основании данных исследования, проведенного Е. Н. Шаровой, было выявлено, что наиболее сильную связь молодежь ощущает с Россией (70,4 %) и со своим городом/поселком (64,2 %) и только 15,7 и 14,9 % соответственно дают низкие оценки привязанности по этим показателям. Высокую привязанность к Мурманской обл. испытывают 52,0 % респондентов, к Северу — 50,4 %. При этом каждый четвертый молодой человек отмечает, что практически не испытывает привязанности к Северу и каждый пятый — к Мурманской обл.

В структуре идентичности молодежи региона наибольшее значение имеет гражданская идентичность (связь с Россией) и локальная региональная идентичность (связь со своим городом/поселком). Выраженность региональной и гражданской идентичности зависит от места рождения: первая в большей степени характеризует тех, кто родился в Мурманской обл., вторая — приезжих.

При этом среди последних, несмотря на доминирование привязанности к России в целом, региональная идентичность по-разному проявляет себя в зависимости от возраста переезда в Мурманскую обл. Так, к своему городу (поселку), а также к Северу испытывают большую привязанность те, кто приехал в детском возрасте (до 10 лет), к Мурманской обл. — в детском и юношеском возрасте (до 20 лет). То есть длительность проживания на новом месте находится в прямой связи с выраженностью региональной идентичности.

Оценка привлекательности жизни в Мурманской обл. позволила определить направленность региональной идентичности по критерию позитивности-негативности. Менее трети опрошенных молодых людей характеризуются позитивным типом региональной идентичности, в той или иной степени положительно оценивая привлекательность жизни в Мурманской обл. Каждый четвертый, напротив, демонстрирует негативные установки в отношении своего региона. Относительное большинство молодежи представляет амбивалентный тип, указывая как на преимущества, так и на недостатки жизни в Мурманской обл. [Шарова, 2015: 178].

Миграционные установки являются значимыми факторами, которые оказывают влияние на ощущение связи к различным территориальным общностям — городу/поселку, области, Северу и России.

В 2016 г. лабораторией социологических исследований при филиале Мурманского арктического государственного университета в г. Апатиты был проведен омнибус, представленный различными блоками вопросов, поднимающих вопросы политики, здоровья, образования, а также миграционных установок населения. Всего в опросе приняли участие 702 жителя Мурманской обл., среди них 314 мужчин и 388 женщин в возрасте от 18 до 82 лет.

В ходе исследования было выявлено, что 68 % респондентов всю или почти всю жизнь прожили в Мурманской обл., 28 % — переехали в Мурманскую обл., при этом основными причинами переезда в данный регион послужили семейные обстоятельства (брак, переезд к родственникам), поиск работы, получение жилья и образования. Наиболее значительной причиной для переезда в Мурманскую обл. среди мужчин является заработок (39 %), среди женщин — семейные обстоятельства (38 %).

Желание уехать из региона зависит от возрастной группы респондентов. Чем старше респондент, тем больший процент из них хочет остаться. Наибольшей подвижностью отличается молодежь, лишь 14 % респондентов младше 30 лет отмечают, что не планируют уезжать из области. Респонденты, приехавшие в Мурманскую обл. после своего рождения, значительно чаще планируют покинуть регион (52 %). Тем не менее, среди родившихся в регионе достаточно высока доля ориентированных на миграцию (55 %).

Наиболее существенными причинами отъезда из региона, указанными респондентами, являются социально-экономические факторы: безработица, получение образования, отсутствие стабильного заработка. Второй по популярности причиной оттока являются природные факторы: природно-климатические особенности региона, экологическая ситуация, оказывающая влияние на состояние здоровья. Каждый седьмой респондент отметил, что желает остаться на Севере, поскольку считает данный регион своей родиной.

Причины миграции варьируются в зависимости и от возраста. Так, природные факторы при переезде играют важную роль для респондентов старше 30 лет. Каждый шестой респондент изъявляет желание переехать из Мурманской

обл., в особенности молодежь до 30 лет, которая стремится получить высшее образование или найти работу. Среди тех, кто хотел бы остаться жить на Севере, больше пенсионеров в возрасте от 60 лет. Особый интерес представляет тот факт, что желание переехать тесно связано с проблемами, волнующих жителей (финансовые трудности, проблемы, связанные со здоровьем членов семьи и трудоустройством).

В Мурманской обл. преобладает внутренняя миграция: треть респондентов хотели бы переехать в среднюю полосу, около 17 % — в Москву, 13 % опрошенных — на юг, лишь 6 % жителей региона — предпочли бы уехать за рубеж. Мужчины сравнительно чаще, чем женщины, ориентированы на внутрирегиональную миграцию (21 против 10 %).

Большинство респондентов, имеющих низкий уровень дохода и среднее профессиональное образование, изъявили желание уехать из Мурманской обл. (33 %). В качестве причины возможного переезда указывают суровый климат и проблемы с трудоустройством. Среди респондентов, имеющих высокий уровень дохода и высшее образование (36 %), главной причиной переезда из Мурманской обл. указывают суровый климат и отсутствие перспектив для самореализации.

Таким образом, региональная идентичность выступает как процесс интерпретации региональной уникальности, через которую целый регион становится институциализированным в определенном сообществе. В России регион — это уникальный набор проявлений региональной идентичности, конституирующих региональную самость, при этом региональные ценности, как правило, не вступают в противоречие с общенациональными и лишь дополняют их.

Список литературы

Дробижева Л. М. Российская идентичность и межэтнические отношения: 20 лет реформ // Этнопанорама. 2011. № 3–4 (29). С. 6–10.

Казакова Г. М. Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6. С. 16–20.

Мурзина И. Я. Региональная идентичность и региональное самосознание // Дискурс-Пи. 2003. № 1. С. 101–104.

Муха В. Н., Литовка В. А. Методологические аспекты изучения региональной идентичности // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 9. С. 20–32.

Назукина М. В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионология. 2011. № 4. С. 13–19.

Разумова И. А. «Родина — это минимум край…»: к проблеме локальной самоидентификации жителей Севера // Европейский Север в судьбе России. XX век (К 80-летию профессора А. А. Киселева): сб. науч. ст. Мурманск, МГПУ, 2006. С. 39–45.

Разумова И. А., Сулейманова О. А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 69–79.

Реутов Е. В. Фактор региональной идентичности и легитимации региональных элит // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 6. С. 180–184.

Сулейманова О. А. Территориальная и локальная идентичность индивида на фоне родственных связей (на примере жителей Кольского Севера) // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 181–191.

Цумарова Е. Ю. Образ Карелии соотношение главных составляющих // Вестник Евразии. 2006. № 2. С. 154–170.

Шарова Е. Н., Ануфриева Т. В. Региональная идентичность молодежи Мурманской области // Журн. социологии и социальной антропологии. 2015. № 2. С. 163–180.

Шматко Н. А., Качанов Ю. Л. Территориальные идентичности как предметы социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–101.

Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia. 2011. No. 33. P. 163–178.

Сведения об авторе

Тертышная Кристина Александровна
магистрант кафедры экономики, управления и социологии Апатитского филиала Мурманского государственного арктического университета

Tertyshnaya Christina A.
Magister of the Department of Economics, Management and Sociology Murmansk Arctic State University, Apatity Branch

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.146-149

К. С. Казакова

О I МЕЖДУНАРОДНОМ ЖЕНСКОМ ФОРУМЕ В МУРМАНСКЕ

Ksenia S. Kazakova

ON THE I INTERNATIONAL WOMEN'S FORUM IN MURMANSK

В преддверии Международного женского дня, 1–2 марта, в г. Мурманске состоялся Международный женский форум «Обнимая Арктику», посвященный роли женщины в современном мире. Подобное мероприятие за полярным кругом проводится впервые.

Идея проведения женского форума в Заполярье родилась по итогам участия делегации Мурманской обл. во втором Евразийском женском форуме в Санкт-Петербурге в сентябре 2018 г. «Цель Мурманского форума — создать площадку для объединения женщин различных профессий и взглядов. Уверена, что Форум не только станет местом для дискуссий по волнующим женщин темам, но и послужит укреплению женского делового сотрудничества», — написала в своем приветствии его участникам губернатор Мурманской обл. Марина Васильевна Ковтун [Приветствие…, ЭР].

В работе Форума приняли участие более 550 участников из 24 субъектов Российской Федерации и трех иностранных государств (Норвегии, Финляндии и Швеции).

Пленарное заседание было посвящено широкому кругу вопросов о возрастающей роли женщины в современном мире, мерах по социальной поддержке семей и охране здоровья, о региональной грантовой политике в отношении малого бизнеса и др. На нем выступили губернатор Мурманской обл. Марина Ковтун, заместитель председателя Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Оксана Пушкина, глава комитета по охране матери и ребенка Евразийской организации экономического содружества Татьяна Буцкая, член комитета по развитию женского предпринимательства Общероссийской общественной организации «Опора России» Евгения Лазарева и председатель Губернского собрания Финнмарка (Норвегия) Рагнхильд Вассвик (рис. 1).

Программа Форума, помимо пленарного заседания, включала тематические дискуссионные площадки, круглые столы, мастер-классы и семинары. Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук» выступил инициатором проведения круглого стола «Женщины науки и образования». Его организатор и модератор Ю. Л. Гилярова, помощник председателя ФИЦ КНЦ РАН, сделала сообщение об интеграции наукоемких технологий в развитие и социально-экономическую безопасность Арктики. Интересным с точки зрения истории науки был доклад директора ФГБУН Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н. А. Аврорина (ПАБСИ)

О. Б. Гонтарь о женщинах-руководителях научных учреждений. Докладчик рассказала о Татьяне Алексеевне Козупеевой (1921–2009), которая с 1962 по 1986 гг. была директором ПАБСИ. Именно в эти годы Полярно-альпийский ботанический сад получил развитие как комплексный научно-исследовательский институт, а в 1967 г. ему был присвоен статус академического института. Т. А. Козупеева была членом Президиума КФАН СССР, Совета ботанических садов СССР, была награждена многочисленными медалями и грамотами. Как руководитель научного института Т. А. Козупеева внесла большой вклад в развитие ПАБСИ, занималась внедрением новых технологий в практику озеленения и развитие цвето- и растениеводства, активно взаимодействовала с руководством КФАН СССР по вопросам организации научных исследований в этой области. В ходе работы круглого стола были затронуты вопросы, связанные с формированием активной гражданской позиции работников науки и образования.

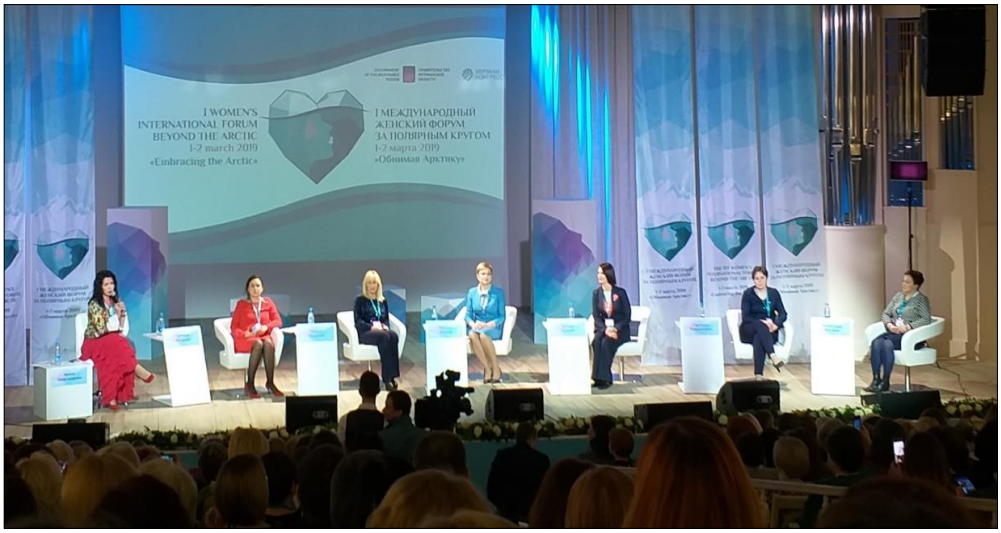

Рис. 1. Участники пленарного заседания
I Международного женского форума «Обнимая Арктику»

От ФИЦ КНЦ РАН в работе круглого стола также приняли участие Т. А. Мингалева, О. В. Шабалина, К. С. Казакова, Л. В. Головатская и другие представители структурных подразделений, они рассказали о собственном научно-исследовательском опыте, интеграции в научное сообщество и вкладе в работу в общественных и профсоюзных организациях (рис. 2).

Не остались в стороне от дискуссии и представители образовательной сферы региона: директор филиала Мурманского арктического государственного университета в г. Апатиты О. М. Островская, проректор по научно-исследовательской работе МАГУ в г. Мурманск М. А. Князева и др.

В рамках Форума паритетную дискуссию «Роль женщины в развитии городов и поселков» провело Министерство экономического развития Мурманской обл. Участники — представители органов местного самоуправления, руководители областных и муниципальных учреждений

культуры, спорта, общего и дополнительного образования — обсудили особенности «женского» управления. В разговоре приняла участие министр экономического развития региона Елена Тихонова [Новости, ЭР].

Рис. 2. Участница Форума — к. и. н., в. н. с. ЦГП КНЦ РАН О. В. Шабалина

Во второй день проведения Форума ключевым стал круглый стол «Православная семья. Истоки нравственного воспитания». Его участники обсудили роль семьи, церкви и государства в нравственном воспитании человека. Открывая встречу, губернатор Мурманской обл. М. Ковтун назвала появление в программе Международного женского форума дискуссии на тему православной семьи и ее роли в нравственном воспитании не только правильным и логичным, но и очень своевременным. «Такой разговор, пожалуй, крайне нужен нашему обществу именно сегодня, сейчас. Нравственное воспитание детей традиционно считалось, прежде всего, делом семьи», — подчеркнула М. Ковтун.

Подводя итоги, можно отметить, что участники Форума обсудили широкий круг актуальных вопросов о значимой роли женщины во всех сферах государственной и общественной жизни, о способах и возможностях реализации женского потенциала. Важность и востребованность мероприятий подобного формата отметила М. В. Ковтун: «Мне кажется, сегодня наше общество, причем как его мужская, так и женская часть, созрело к большой дискуссии о роли

женщины. О роли женщины в социально-экономическом развитии государств, регионов, отдельных территорий, предприятий, общественных движений, в науке, в культуре, в образовании, в здравоохранении, — нет такой сферы, где бы женщина сегодня не играла важную роль».

Список литературы

Новости // Правительство Мурманской области: офиц. портал. URL: https://gov-murman.ru/info/news/290447/.

Приветствие М. В. Ковтун участникам форума // О I Международном женском форуме за Полярным кругом «Обнимая Арктику». URL: http://wiforum.ru/.

Сведения об авторе

Казакова Ксения Сергеевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Kazakova Ksenia S.
PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.149-153

О. В. Шабалина, М. В. Иванова, К. С. Казакова

О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПОЛЯРНЫЕ ЧТЕНИЯ — 2019» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Olga V. Shabalina, Medeya V. Ivanova, Ksenia S. Kazakova

ABOUT THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "POLAR READINGS-2019" IN SAINT-PETERSBURG

29–30 апреля в Санкт-Петербурге прошла Международная научно-практическая конференция «Полярные чтения», которая ежегодно проходит в конце апреля в преддверии Фестиваля ледоколов на Неве. Тематика мероприятия каждый год меняется: она направлена на раскрытие наиболее актуальных проблем, связанных с изучением полярных регионов планеты. «Полярные чтения — 2019» были посвящены истории и перспективам взаимодействия государства и общества в управлении Арктикой, что представляется исключительно актуальным в связи с реализацией масштабных проектов и необходимостью выработки эффективных механизмов управления арктической деятельностью. Решение о выборе темы для седьмых по счету «Полярных чтений» было принято в связи с планами государства по созданию комплексной стратегии освоения Арктической зоны РФ. На V Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога» президент России В. Путин сообщил о намерении правительства в 2019 г. разработать и принять

новую стратегию развития российской Арктики до 2035 г. В новой стратегии будут объединены национальные проекты, инвестиционные планы инфраструктурных компаний, программы развития арктических регионов.

На конференцию собрались эксперты из России, Швеции и Франции. В «Полярных чтениях» приняли участие более сотни авторов — профессиональных историков, этнографов, географов, социологов, биологов, представителей государственных структур и общественных организаций. Сотрудники Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН — традиционные участники «Полярных чтений», например, в 2019 г. в работе конференции принимали участие доктор экономических наук М. В. Иванова, кандидаты исторических наук О. В. Шабалина и К. С. Казакова (рис. 1).

Рис. 1. Участники конференции на пленарном заседании.
Конференц-зал Санкт-Петербургского горного университета

С приветственным словом к организаторам, участникам и гостям конференции обратился председатель Комитета Санкт-Петербурга по делам Арктики Герман Широков. «Тема конференции этого года чрезвычайно актуальна. Обобщение и анализ российского и зарубежного опыта управления Арктикой позволяет выработать наиболее успешные подходы к организации деятельности в этом стратегически важном для России регионе. Хочется выразить уверенность, что доклады, представленные на конференции, станут ценнейшим научным материалом, идеи и предложения, озвученные в рамках конференции, результаты ее работы внесут вклад в расширение отечественного знания об Арктике», — говорилось в приветствии.

Пленарное заседание было посвящено обсуждению широкого круга вопросов. Так, одним из ключевых выступлений можно назвать доклад члена-корреспондента РАН, директора Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН Андрея Владимировича Головнева «Народостроительство на Севере в годы Советской власти». «Все исследователи российских далей

начинали как географы и натуралисты — и заканчивали как этнографы», — отметил выступавший.

В своем докладе «Петербургское североведение» руководитель Центра социальных исследований Севера ЕУСПб Николай Вахтин высказал мысль о том, что если речь идет о настоящем освоении Арктики, то необходимо понимать, о чем думают живущие там люди. «Североведение (куда входит целый комплекс наук: от лингвистики до археологии), — как напомнил профессор ЕУСПб, зародилось именно в Петербурге. В последнее время этим направлением серьезно занимаются в Москве, Новосибирске, Архангельске, Тюмени, но, — уверен Вахтин, — Петербург остается важнейшим центром североведения, которым занимаются такие научные учреждения, как Кунсткамера с отделом Сибири, Институт лингвистических исследований РАН с отделом языков народов России, Этнографический музей, ледокол-музей «Красин», Музей Арктики и Антарктики, Арктический музейно-выставочный центр и другие».

Также в рамках пленарного заседания прозвучал доклад кандидата географических наук Людмилы Николаевны Ильиной «Канада и Россия управляют Арктикой: сравнительный анализ управленческих стратегий». В частности, в ходе выступления был сделан акцент на том, что вопрос определения границ Арктики как объекта исследования и управления требует специального рассмотрения и международного согласования. «В целом, возрождение многостороннего сотрудничества с Канадой возможно и необходимо, чем дальше Россия и Канада будут продвигаться к Полюсу, чем шире и глубже пойдет процесс освоения и развития Севера, тем ценнее будет взаимная поддержка соседей друг друга», — считает Л. Н. Ильина.

Секционные заседания конференции проходили на двух площадках — в Горном университете и на ледоколе «Красин». Тематически они были достаточно разносторонние: «История управления Арктикой», «Организация изучения Арктики», «Народы Севера и государственная власть», «Государственное управление в Арктике в XX веке», «Государственное управление в Арктике в XX–XXI веках», «Роль военных ведомств в изучении и освоении Арктики», «Организация изучения Арктики в XX веке. Различные аспекты».

Секция «Народы Севера и государственная власть» была преимущественно посвящена проблемам коренных народов Севера. Правовому статусу самоедов Архангельской губернии, зафиксированному законами Российской империи, был посвящен доклад доктора исторических наук Т. Н. Трошиной. Кандидат исторических наук К. С. Казакова затронула в своем выступлении проблему грамотности населения Кольского Севера и деятельности первых школ в саамских погостах. Подготовку национальных кадров для ненецких школ и роли Комитета Севера в процессе формирования первого поколения ненецкой интеллигенции представила кандидат исторических наук М. В. Колованги на. Современным проблемам коренных народов Сибири были посвящены доклады кандидата исторических наук Е. А. Давыдовой «Воздействие государства на пищевые практики жителей Чукотки» и кандидата социологических наук В. Н. Давыдова «Трансформация практик мобильности кочевников-оленеводов российского Севера: государство и изменение режимов темпоральности».

Горячую дискуссию участников секции вызвал вопрос о современном состоянии национальных языков у коренных народов Севера и Сибири. В частности, присутствующие констатировали, что на сегодняшний день число людей,

владеющих родным языком, крайне мало, а изучение национальных языков в школе может быть организовано только факультативно по заявлению родителей. Как отметила доктор исторических наук Т. И. Трошина, любой язык развивается в определенной среде. Было высказано мнение о том, что различные предложения через факультативы изучать национальный язык не приносят результата, потому что дети вырваны из своей среды — той, где сохраняется традиционный образ жизни. Кандидат исторических наук А. Н. Терехина заметила, что на сегодняшний день проблема национальных языков, несомненно, связана с предшествующей политикой тотальной русификации и последующим сложным постперестроечным периодом, когда остро стоял вопрос об обучении учителей национальных школ. Тем не менее А. Н. Терехина считает, что нельзя говорить о том, что на сегодняшний день проблема владения национальным языком — это проблема семьи и ее осознанного выбора. Автор предложила обратиться к мировому опыту планомерной языковой политики поддержки национальных меньшинств. Кроме того, А. Н. Терехина заявила, что положение о том, что язык сохраняется только в традиционной среде, является более чем спорным. Так, было замечено, что на сегодняшний день достаточное количество представителей коренных народов проживает в городах и поселках и не ведут кочевой образ жизни. Среди них есть семьи, в которых и старшее, и младшее поколение прекрасно говорит на ненецком. В то же время в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, где проживают кочевые сообщества, есть семьи, которые говорят только на русском языке. А. Н. Терехина резюмировала, что факторы, влияющие на процесс выбора языка, гораздо сложнее, чем традиционная или нетрадиционная среда проживания. В то же время присутствующие отметили, что в настоящее время осуществляется поддержка скорее элементов национальной культуры, фольклора, праздников и обрядов, но практически не предпринимаются меры по развитию языкового интернет-пространства для молодежи или языковых клубов.

В работе секции «Организация изучения Арктики в XX веке. Различные аспекты» приняли участие представители ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН» (Сыктывкар), МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), Государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург), компании «ЭтноЭксперт» (Санкт-Петербург), ЦГП ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты), Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск), Коми республиканской Академии государственной службы и управления (Сыктывкар). Были заслушаны доклады, представлявшие деятельность Геологического комитета в 1882–1918 гг., горно-геологическое направление деятельности Комсеверпути и Главсевморпути в 1918–1957 гг., Воркутинской научно-исследовательской мерзлотной станции в 1936–1958 гг., Полярного управления Главсевморпути в 1932–1963 гг., Северного филиала ГО СССР и Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера в г. Апатиты (Мурманская обл.) с 1970-х гг. по настоящее время, направленную на изучение, освоение Европейского Севера и Арктики и сохранение культурного наследия этих регионов. Обсуждались особенности адаптации студентов Института народов Севера и проблемы изучения оленеводства в работе Всесоюзного арктического института в 1930-е гг. Рассмотрены особенности управления арктическим регионом России с учетом фактора экономической безопасности и взаимодействие федерального центра и регионов в вопросах выбора институтов развития Арктики.

Работа конференции завершилась итоговым заседанием с обсуждением резолюции. Предложение внести в итоговый документ конференции пункт о необходимости выпуска научного труда по Арктике, который бы собрал имеющиеся материалы и дал им историческое осмысление, внес кандидат исторических наук, заместитель директора Арктического музейно-выставочного центра Павел Филин. Резолюция по итогам конференции рекомендует заинтересованным научным коллективам сформировать скоординированную программу по изучению истории освоения Арктики. Участники «Полярных чтений» отметили, что исторический опыт управленческой деятельности в Арктике крайне важен для выработки обоснованных решений по управлению сегодня. Правительству России и органам региональной власти резолюция рекомендует обратить особое внимание на исторический опыт СССР, России и других стран в организации и управлении хозяйственной деятельностью в Арктике. По мнению участников, к работе над стратегией развития Арктики до 2035 г. необходимо привлекать историков и географов, этнографов, антропологов, экологов. Резолюция также призывает к поддержке имеющихся в российских вузах и созданию новых образовательных программ, связанных с изучением Арктики. В том числе принято предложение указать в резолюции на необходимость сохранения старейших кафедр и научных школ, связанных с изучением Арктики.

Сведения об авторах

Шабалина Ольга Вячеславовна
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем ФИЦ КНЦ РАН

Иванова Медея Владимировна
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Казакова Ксения Сергеевна
кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Shabalina Olga V.
PhD (History), Leading Research Fellow of Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

Ivanova Medeya V.
Dr. Sci. (Economics), Leading Research Fellow of Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

Kazakova Ksenia S.
PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

AD MEMORIAM

О. А. Бодрова

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА ТОКАРЕВА

Olga A. Bodrova

IN MEMORY OF ALEXANDER TOKAREV

16 февраля 2019 г. ушел из жизни Александр Дмитриевич Токарев, наш коллега, идейный вдохновитель создания и руководитель Сектора формирования и хранения цифровой информации в Центре гуманитарных проблем ФИЦ КНЦ РАН.

Александр Дмитриевич родился 24 апреля 1947 г. в деревне Боровая Ярославской обл. Он окончил Ленинградский горный институт по специальности «горный инженер-геофизик». В 1965 г. переехал в Апатиты и поступил на работу в Кольский филиал АН СССР. С 1967 г. работал в Геологическом институте, сначала в должности старшего лаборанта, затем инженера, старшего инженера, научного сотрудника, заведующего сектором, и. о. заведующего лабораторией. А. Д. Токарев известен, прежде всего, как специалист в области глубинных электромагнитных зондирований с использованием мощных контролируемых источников. Принимал участие в уникальных экспериментах по созданию генераторно-измерительного комплекса для глубинных частотных электромагнитных зондирований земной коры, а также в разработке источников двойного назначения — в интересах ВМФ РФ и для глубинного зондирования Земли. Александр Дмитриевич является автором около 50 публикаций по этой тематике.

С 2005 г. А. Д. Токарев работал в должности главного специалиста в научно-организационном отделе КНЦ РАН. В составе редколлегий принимал участие в подготовке научно-исторических и энциклопедических изданий: «Ученые КНЦ РАН 1930–2005 гг.», «Ученые Кольского научного центра 1930–2010», «Кольская энциклопедия» и др. На всех научно-практических и научно-организационных мероприятиях, проводимых на базе или при участии Кольского научного центра, можно было встретить Александра Дмитриевича с фотоаппаратом в руках: он стремился запечатлеть жизнь своего научного центра. Тогда же мы, сотрудники Центра гуманитарных проблем, с ним и познакомились: он приходил к нам на конференции и семинары, фотографировал, внимательно слушал доклады. Должно быть, именно в то время он начал формировать собственный электронный архив, скрупулезно собирать старые, еще черно-белые, фотографии, отсканированные газетные вырезки, заметки, делиться и обмениваться интересными материалами с научными сотрудниками, краеведами, фотографами — и в этой работе Александр Дмитриевич нашел свое второе призвание.

Увлечение историей Кольского научного центра стало для Александра Дмитриевича его главным делом, и в 2016 г. он перешел работать в Центр гуманитарных проблем Баренц региона, где возглавил сектор формирования и хранения цифровой информации, продолжил собирать материалы для научного архива и изучать становление науки на Кольском Севере. Ни один наш выпуск «Трудов Кольского научного центра РАН» серии «Гуманитарные исследования» не обходился без статьи и фотоматериалов из электронного архива А. Д. Токарева. Александр Дмитриевич активно публиковался и в других изданиях КНЦ РАН. Лично и в соавторстве с единомышленниками он опубликовал более 20 статей по истории Кольского научного центра. Их коллектив обращался к самым разным вопросам: изучал деятельность Кольской базы и Кольского филиала АН СССР, рассматривал взаимоотношения академической науки и государства, взаимодействие КНЦ РАН и региональных промышленных предприятий. Целый ряд статей был посвящен персоналиям: прежде всего академику А. Е. Ферсману, но также и другим выдающимся деятелям, оставившим заметный след в истории КНЦ, как знаменитым, так и менее известным молодому поколению северян. Если публикации о деятельности академика А. В. Сидоренко Александра Дмитриевича и его соавторов знакомы большинству сотрудников Кольского научного центра, то мало кто знает о статье «Кольские ученые в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)», вышедшей в канун празднования 65-летия Великой Победы. Уникальный материал, с фотографиями, чертежами и проектными схемами, представлен в серии статей по истории строительства Академгородка и корпусов Кольского научного центра в Апатитах, что особенно актуально в преддверии празднования 90-летия Кольского научного центра.

У Александра Дмитриевича было еще много замыслов. Он собирал семейный архив, хотел восстановить историю своей семьи и деревни, в которой родился. Подбирал материалы для написания дальнейших статей. Планировал работу по расширению базы электронного архива своего сектора. И, конечно, его дело будет продолжено. А. Д. Токарев оставил после себя своим коллегам и последователям богатейший архив оцифрованных материалов и фотографий и добрую память.

Публикации Александра Дмитриевича Токарева,
посвященные истории становления и развития Кольского научного центра

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Кольские ученые в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2010. № 7. С. 182–186.

Токарев А. Д., Каменев Е. А. Первая поездка А. Е. Ферсмана на Кольский полуостров в 1920 г. (о дате поездки и составе делегации) // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2010. № 7. С. 220–222.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930–2010. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. 320 с.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. «Трудные моменты» в деятельности Кольской базы АН СССР в 1936–1939 гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. Вып. 2. С. 92–113.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Академия наук в истории индустриализации северных территорий СССР (1917–1940) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. Вып. 3. С. 61–73.

Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Исследования Академии наук на Кольском Севере: взаимоотношения с властью, 1920–1940 гг. // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2012. № 9. С. 33–44.

Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Кольский Север: к истории взаимоотношений государства и науки // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 3 (31). С. 47–56.

Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Академик А. Е. Ферсман и создание горно-химической промышленности на Кольском п-ове: к 130-летию со дня рождения А. Е. Ферсмана // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2013. № 10. С. 7–12.

Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Из опыта подготовки изданий по истории освоения Баренцева Евро-Арктического региона в XX в. // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. Ю. Афиани. М.: Архив РАН, 2013. С. 417–422.

Петров В. П., Токарев А. Д. К истории восстановления Кольской базы АН СССР и строительства Академгородка Кольского филиала АН СССР (1944–1961) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. Вып. 4. С. 110–126.

Петров В. П., Токарев А. Д. К истории академической науки на Кольском полуострове: капитальное строительство // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 4 (19). С. 11–21.

Токарев А. Д., Петров В. П. К истории строительства Кольского филиала АН СССР в 1962–1971 годах // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. Вып. 5. С. 31–48.

Токарев А. Д., Петров В. П. К истории строительства Кольского филиала АН СССР — Кольского научного центра РАН в 1971–1998 годы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. Вып. 6. С. 26–42.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Забытые имена в истории кольской науки: Ф. М. Терновский (1901–1987) // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2015. № 12. С. 26–31.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Роль А. Е. Ферсмана в концептуальном развитии академической науки в Кольском Заполярье в 1939–

1941 гг. Часть 1: 1939 г. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. Вып. 8. С. 75–86.

Петров В. П., Саморукова А. Г., Токарев А. Д. Одно из нереализованных направлений комплексного использования полезных ископаемых Кольского полуострова — плавленые магниевые фосфаты: от идеи до опытно-промышленных испытаний // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. Вып. 7. С. 91–99.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Роль А. Е. Ферсмана в концептуальном развитии академической науки в Кольском Заполярье в 1939–1941 гг. Часть 2: 1940–1941 гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 9. С. 45–59.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Хроника послевоенного развития академической науки на Кольском Севере: от КБАН до КФАН СССР (1944–1949) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 10. С. 14–30.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. История послевоенного развития академической науки по материалам сессий ученого совета Кольской научно-исследовательской базы АН (1948–1949) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 11. С. 18–35.

Петров В. П., Токарев А. Д. Некоторые штрихи к портрету А. В. Сидоренко и его роли как созидателя академической науки на Кольском Севере (к 100-летию со дня рождения) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 12. С. 131–143.

Токарев А. Д., Петров В. П., Макарова Е. И. Создание апатитовой промышленности в Хибинах (Кольский полуостров) как исторический раннесоветский опыт хозяйственного освоения Заполярного региона в 1920–1930-х гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 12. С. 5–19.

Токарев А. Д., Петров В. П. Роль академика А. В. Сидоренко и его сподвижников в создании Академического городка на Кольском Севере // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 48–51.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Материалы Конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских работ в Мурманском крае (Ленинград, 17–19 февраля 1931 г.) — новый источник по истории освоения Кольского полуострова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 14. С. 59–75.

Токарев А. Д., Петров В. П. Новые материалы по истории научных исследований на Кольском полуострове в 1931 году (протокол совещания начальников полевых отрядов 26 августа 1931 г.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 15. С. 53–61.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Bodrova Olga A.
PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

РИО
КНЦ
naukaprint.ru